

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 8. № 4/2022

DISCOURSE
Volume 8. No. 4/2022

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2022

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskeya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Литвак Н. В. Философия школьного мультилингвизма в эпоху политического мультикультурализма	5
Щербак Н. Ф., Герус А. И. Языковые особенности реализации концептов метамодернизма в англоязычном художественном дискурсе (на примере современной шотландской прозы)	18
Очеретяный К. А. Симбиоты цифровой среды: к эпидемиологической теории интерфейса	29
Почебут С. Н. Цифровой этикет: образовательные стратегии	42

СОЦИОЛОГИЯ

Дерюгин П. П., Бояринцева С. В. Социальная атмосфера как интеграция страт взаимодействия: эмпирическая апробация концептуальной позиции	51
Шильяева А. С., Курапов С. В., Заболотников М. Е., Петрова С. В. Сетевой капитал казачьей молодежи как элемент социального капитала российского казачества	75
Шекера Е. А. Ресурсы гражданской науки и социологии (на примере конструирования социальной карты питания дагестанской молодежи в Санкт-Петербурге)	91
Пиньковецкая Ю. С. Региональные особенности формирования преподавательского персонала системы высшего образования ...	109

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Миронова Д. М. Лингвкогнитология & системология: интегративность in actu (теоретический и методологический аспекты сопряжения)	122
Баева Г. А., Пономарёва А. А. Южнонемецкие диалекты как лингвокультурный феномен	136
Ноланд Н. Н., Беседина Е. И. Звукоизобразительные обозначения поглощения пищи (на материале русского языка)	146
Трофимова Н. А., Орлова О. А., Придорогина Е. А., Новикова С. Ю. Лексика немецкого пандемического дискурса	158
Кононова И. В., Кульчицкая Е. Р. Моделирование фрейма HEALTHY LIFESTYLE: корпусный подход	172

Правила представления рукописей авторами	187
---	-----

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Litvak N. V. Philosophy of School Multilingualism in the Era of Political Multiculturalism. French Experience. Case of France	5
Shcherbak N. F., Gerus A. I. Linguistic Properties of Metamodernist Concepts in Anglophone Art Discourse (Case of Modern Scottish Prose)	18
Ocheretyany K. A. Symbiotes of the Digital Environment: to the Epidemiological Theory of the Interface	29
Pochebut S. N. Digital Etiquette: Educational Strategies	42

SOCIOLOGY

Deryugin P. P., Boyarintseva S. V. Social Atmosphere as Integration of Interaction Strata: Empirical Testing of the Conceptual Position	51
Shilyaeva A. S., Kurapov S. V., Zabolotnikov M. E., Petrova S. V. The Network Capital of the Cossack Youth as an Element of the Social Capital of the Russian Cossacks	75
Shekera E. A. Resources of Civil Science and Sociology (on the Example the Design of the Social Food Map of Dagestan Youth in St Petersburg)	91
Pinkovetskaia Iu. S. Regional Peculiarities of the Formation of the Teaching Staff of the Higher Education System	109

LINGUISTICS

Mironova D. M. Linguocognitology & Systemology: Integrativity in actu (Theoretical and Methodological Aspects of Interaction)	122
Baeva G. A., Ponomareva A. A. Upper German Dialects as a Linguo-Cultural Phenomenon	136
Noland N. N., Besedina E. I. Iconic Words Denoting Food Consumption (on the Material of the Russian Language)	146
Trofimova N. A., Orlova O. A., Pridorogina E. A., Novikova S. N. Vocabulary of the German COVID-19 Pandemic Discourse	158
Kononova I. V., Kulchitskaya E. R. Modelling of the Frame HEALTHY LIFESTYLE: Corpus-Based Approach	172

Оригинальная статья

УДК 141.319.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-5-17>

Философия школьного мультилингвизма в эпоху политического мультикультурализма. Опыт Франции

Николай Витальевич Литвак

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
jourfr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1621-0005>*

Введение. Политика европейского мультикультурализма включает обязательное изучение двух иностранных языков уже с начальной школы. Во Франции для этого постоянно уменьшаются часы, отводимые, прежде всего, математике. Но все меньше детей справляется с такой «облегченной» и «интересной» программой, и в течение многих лет отмечается снижение уровня общего образования. Целью исследования является выяснение связи этого уровня с мультилингвизмом, как объективным, так и навязываемым школе политическими решениями.

Методология и источники. В исследовании используется методология философской антропологии и философии культуры, посредством которой осуществляется философская рефлексия становления личности. Предложено философское осмысление данных социологии, культурной антропологии, социальной психологии (на примере Франции) по проблеме школьного образования как одного из механизмов трансляции культуры в условиях многоязычия.

Результаты и обсуждение. По итогам изучения данных динамики результатов школьного образования и академических исследований дву- и многоязычия сформулирована гипотеза о корреляции успеваемости детей в школе с их многоязычием и педагогическим сопровождением. Показано, что во Франции за последние сто лет по мере преодоления естественного билингвизма (французский и региональные языки) повышался уровень общего образования. Его понижение началось и продолжается вследствие обратного процесса – распространения с 1990-х гг. многоязычия в результате ускорения иммиграции, а также европейской интеграции, в рамках которой осуществлено политическое решение о тотальном введении в школах изучения двух иностранных языков. В отсутствие необходимого педагогического сопровождения растет количество детей (особенно из малообеспеченных семей), которые не выдерживают такого психологического, интеллектуального и когнитивного давления.

Заключение. Политическая активность в отношении образования во Франции осуществляется в слабом сотрудничестве с наукой. При этом даже среди специалистов по многоязычию имеются противоположные мнения по различным аспектам становления личности в детском и подростковом возрастах. Необходимы дальнейшие исследования, а также изучение потенциальных и латентных рисков проводимой образовательной политики.

© Литвак Н. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: билингвизм, мультилингвизм, мультикультурализм, философия мультилингвизма, Франция

Для цитирования: Литвак Н. В. Философия школьного мультилингвизма в эпоху политического мультикультурализма. Опыт Франции // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-5-17.

Original paper

Philosophy of School Multilingualism in the Era of Political Multiculturalism. French Experience. Case of France

Nikolay V. Litvak

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia,
jourfr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1621-0005>*

Introduction. The policy of European multiculturalism includes the obligatory study of two foreign languages from elementary school. In France, the hours devoted primarily to mathematics are constantly decreasing for this. But fewer and fewer children are able to cope with such a “lightweight” and “interesting” program, and for many years there has been a decline in the level of general education. The aim of the study is to find out the connection of this level with multilingualism, both objective and imposed on the school by political decisions.

Methodology and sources. The study uses the methodology of philosophical anthropology and philosophy of culture, through which a philosophical reflection of the formation of personality is carried out. A philosophical understanding of the data of sociology, cultural anthropology, social psychology (on the example of France) on the problem of school education as one of the mechanisms for the transmission of culture in the context of multilingualism is proposed.

Results and discussion. Based on the data on the dynamics of the results of school education and academic studies of bilingualism and multilingualism, a hypothesis was formulated about the correlation of children's performance in school with their multilingualism and pedagogical support. It is shown that in France over the past hundred years as natural bilingualism (French and regional languages) was overcome, the level of general education increased. Its decline began and continues as a result of the reverse process – the spread of multilingualism since the 1990s as a result of the acceleration of immigration, but also European integration, within the framework of which a political decision was made on the compulsory study of two foreign languages in all schools. In the absence of the necessary pedagogical support, a growing number of children, especially from low-income families, cannot withstand this psychological, intellectual and cognitive pressure.

Conclusion. Political activity in education in France is carried out in weak cooperation with science. Despite the fact that even among specialists in multilingualism there are opposite opinions on various aspects of personality development in childhood and adolescence. Further research is needed, as well as the study of potential and latent risks of the current educational policy.

Keywords: bilingualism, multilingualism, multiculturalism, philosophy of multilingualism, France

For citation: Litvak, N.V. (2022), “Philosophy of School Multilingualism in the Era of Political Multiculturalism. French Experience. Case of France”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-5-17 (Russia).

Введение. С конца 1980-х гг. в Западной Европе политику ассимиляции внешних (иностранных) и внутренних (региональных, провинциальных) мигрантов сменила институционализация мультикультурализма. Он подается как средство взаимного обогащения культур и источник развития, наиболее масштабно и заметно его результаты проявляются в развитии мультилингвизма (многоязычия). Язык как синтез и одновременно инструмент культуры был поставлен едва ли не в центр соответствующей политики. Кроме обеспечения свободы использования и изучения (согласно Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств 1992 г.), к настоящему моменту практически повсеместно было введено обязательное изучение уже двух иностранных языков. С небольшим временным отставанием во Франции, одной из ведущих стран Евросоюза, где традиционно в обязательной школьной программе не только самое большое в мире количество часов отведено математике, но и в выпускном классе – философии, началось постепенное, но устойчивое снижение уровня общего образования. Эту многолетнюю тенденцию пытались изменить постоянными реформами системы образования, в том числе с целью облегчения и актуализации учебы. В частности, в результате последнего крупного изменения 2019 г. значительно (примерно на 20 %) уменьшились часы, отводимые на изучение математики, и в старшей школе она перестала быть обязательной, осталась только по выбору. Смысл изменений состоял в как можно более раннем выборе специализации и соответствующем исключении «ненужных» предметов. Однако все меньше школьников справляется и с такой «облегченной» программой.

Методология и источники. Для того чтобы выяснить причины этого процесса, актуального и для России, во многом копирующей такие реформы образования, были изучены различные официальные данные Французской Республики, имеющие отношение к образованию и языковому разнообразию. В исследовании используется методология философской антропологии философии культуры, посредством которой осуществляется философская рефлексия становления личности. Предложено философское осмысление данных социологии, культурной антропологии, социальной психологии (на примере Франции) по проблеме школьного образования как одного из механизмов трансляции культуры в условиях многоязычия.

Результаты и обсуждение. Согласно регулярному исследованию, оценивающему успеваемость по математике учащихся начальной и средней школы, Франция находится в нижней части рейтинга (последняя в Европе и предпоследняя среди стран ОЭСР), т. е. пребывает в «свободном падении» с 1990-х гг., когда она была одной из ведущих. Теперь средний уровень учеников третьего класса примерно равен уровню второго класса в 1995 г. Гораздо меньше во Франции и доля отличников: всего 2 % против 11 % в среднем по странам ОЭСР (50 % в Южной Корее и Сингапуре) [1]. Согласно исследованию, проведенному Департаментом оценки, прогнозирования и эффективности (DEPP) Министерства национального образования, группа самых слабых четвероклассников теперь включает большинство учащихся (54,4 % в 2019 г. по сравнению с 42,4 % в 2014 г.), и различия в уровнях остаются очень заметными из-за социального происхождения студентов. Школы, принимающие детей из наименее благополучных семей, имеют результаты в среднем на 50 баллов ниже, чем школы, в которых обучаются дети из наиболее благополучных семей [2]. Специальное исследование выявило пять групп школьников в соответствии с траекториями их учебы:

первая группа без труда проходит курс общего и технологического образования, девять из десяти вовремя получают аттестат (во Франции – степень бакалавра), чаще всего научной специализации. Это 52 % учащихся, поступивших в среднюю школу (во Франции – 6-й класс) в 2007 г., большинство из которых составляют девочки и дети из привилегированных семей. На другом полюсе – четвертая группа, 20 % – в основном мальчики и дети рабочих, которые проходят более короткий путь профессионального образования с низким уровнем знаний, и пятая группа – 4 % учащихся – дети рабочих или безработных, которые испытывают наибольшие трудности в учебе и в большинстве своем рано покидают школу [3].

Эта четверть школьников, показывающих самые слабые результаты и имеющих непростое социальное положение, в значительной степени проживает концентрированно. Во Франции продолжительное время выделялись (для организации помощи) районы, где большинство людей имеют те или иные социальные проблемы. В 2011 г. в этих городских и пригородных уязвимых кварталах (751 «чувствительная зона» – *zones urbaines sensibles, ZUS*) из общей численности в 4,5 млн чел. более половины имели иммигрантское происхождение (52,6 % в целом и 64 % в Парижском регионе). Среди иммигрантов безработными являются 19,2 % вновь прибывших и 28,6 % их потомков. Те, кто работают, имеют наименее квалифицированные профессии, в том числе 52,2 % – рабочие и только 4,4 % – специалисты или руководители [4]. В 2020 г. в этих кварталах (теперь это 1296 приоритетных районов городской политики – *quartiers prioritaires de la politique de la ville, QPV*) проживали 5 млн чел. или 8 % населения Франции с доходами менее 11 250 евро в год (это 60 % от медианного дохода). В дополнение к бедности там преобладают иммигранты и молодежь [5]. Всего в 2019 г. во Франции проживало 6,6 млн иммигрантов, т. е. 9,9 % населения, а также 7,6 млн потомков иммигрантов, т. е. еще 11,5 % населения [3]. Тем не менее факт иностранного происхождения не объясняет трудности в образовании, не говоря уже о самих французах. Каковы же причины этого процесса? Почему еще недавно школьники вполне справлялись с программой? Найти ответ, вероятно, поможет важный в этом контекст факт, установленный исследованием DEPP, а именно: значительное снижение уровня знаний (на 14 пунктов) произошло и в наиболее благополучных колледжах [2]. И фактором, влияющим по-разному, но на всех детей, является внедрение в учебный процесс обязательного изучения нескольких языков.

Упомянутая смена ассимиляционной политики на мультикультурную была не только очередным концептуальным импортом из США, но и попыткой решения объективных проблем объединявшейся Европы. Ее лидеры – Франция и Германия, не были готовы уступать в языковом вопросе ни друг другу, ни английскому языку (в результате языки всех 27 членов ЕС сегодня являются официальными, хотя по факту не используются равнозначно). Еще важнее, что европейская культурная и языковая «чересполосица», когда народы и народности оказывались и остаются разделенными между двумя или более государствами, многократно служила предлогом бесчисленных войн. Сегодня эта проблема в основном подпитывает сепаратизм. Но и устранение реваншизма в рамках мультикультурализма остается важной социально-политической задачей. В целом сегодня, по одним оценкам, половина населения земного шара двуязычна, по другим – «60 % населения мира говорит на двух/многоязычных языках и/или живет в двуязычных/многоязычных обществах; 80 % 8-летних детей

двуязычны или многоязычны; 50 % 8-летних детей получают образование не на языке своих родителей» [6].

Как же объясняют политики свое решение об обязательном изучении теперь уже двух иностранных языков с самого детства? Конечно, в декларациях о человеке и тем более ребенке речь ведется в конечном итоге о содействии их счастью. Однако смысл текстов, следующих за «счастьем», конкретизируется в практически открыто декларируемую цель – конкуренцию с другими людьми за средства к существованию. Причем, раз необходимо учить иностранные языки, то речь, следовательно, о конкуренции не у себя на родине, а в эмиграции. В академических кругах называют другие причины, отмечают, в частности, что двуязычие (и многоязычие) необходимо прививать каждому ребенку с как можно более раннего детства, поскольку оно якобы обеспечивает «доступ к двум культурам, двум взглядам на мир, большей терпимости, интересу и любознательности, <...> (но также) выгоды для будущей работы и познавательной деятельности» [6]. Утверждается даже, что «двуязычие является фактором развития в таких важных областях, как абстрактное и символическое мышление (например, изучение математики)» [Там же]. Вместе с тем эти же сторонники двуязычия, проявляя осторожность, отмечают, что не в идеальных, а в реально существующих условиях «предпочтительнее, чтобы самый сильный язык (1-й) был первым усвоенным и письменно, что лучше полагаться на (этот) 1-й (миноритарный) язык для мотивации ребенка, что чтению и письму на более слабом (2-м) языке обычно обучают детей из иммигрантских семей, чьи результаты часто менее хороши, а прогресс медленнее» [Там же]. Один из лидеров сторонников многоязычия и сам двуязычный психолингвист Ф. Грожан выделяет следующие недостатки билингов: у них затруднено общение на недоминирующем языке, они испытывают трудности в переводе и интерпретации, им трудно принадлежать к двум культурам. Он признает, что знание обоих языков у билингва редко бывает одинаковым и еще реже одинаково совершенным. Сбалансированных билингов очень мало. Билингвы используют разные языки в разных контекстах и ситуациях. Грожан называет это принципом дополнительности, что тем не менее является причиной их трудностей при переводе [7].

Считается, что во Франции естественных билингов примерно 20 %. Но на ее примере еще яснее можно рассмотреть типичные обстоятельства, важные для более полного понимания проблемы.

Во-первых, помимо иностранных языков, в том числе языков иммигрантов, существует, как и практически во всех странах, большая группа региональных языков или языков меньшинств (их делами занимается специальный государственный орган). Такие языки во многих случаях остаются родными для детей в деревнях и малых городах, а также в семьях, недавно переехавших в город, т. е. в которых родители все еще говорят на языках, отличных от языка всеобщего образования – французского.

Во-вторых, сам французский, как и любой другой язык, есть явление историческое и сложное. Как указывает сайт «Les Iyriades de la langue française», кроме стран Франкофонии, где французский выступает как иностранный и второй язык, в самой Франции французский язык имеет множество видов, переходя «от официального французского до различных креольских, от парижского до регионального, от старофранцузского до современного, от

социолектов к идиолектам, от литературного до жаргонного, от технического до бытового, от академического до дисфункционального, от устного до письменного...» [8].

Наконец, в-третьих, каждый ребенок, изучая «только» родной язык, в действительности усваивает несколько, а именно: устный (когда общение происходит посредством слов-знаков, обозначающих предметы, их качества и прочее, которые произносятся подражательно тем людям, от которых они узнаются), письменно-аналитический (когда слова устной речи записываются по определенным правилам), устный и письменный синтетический (когда мысли оформляются в конкретном дискурсе, выражающем смысл определенными словами, фразами и текстами). И каждый из них – в различных специальных или тематических вариантах. Различия этих языков таковы, что и взрослый человек вполне может писать с ошибками и испытывать сложности, чтобы связно и понятно выразить свои мысли. Среди лингвистов есть выражение «развязать язык», т. е. начать бегло говорить на иностранном языке, что непросто даже при знании большого запаса слов и грамматики. Но чтобы развязать и родной язык, также требуются соответствующие усилия.

Существуют исследования трудностей билингов как в обучении, так и во взрослой жизни, которые в определенных условиях из-за умственного переутомления у детей могут доводить до умственной отсталости. Еще в прошлом веке Л. А. Ричарделли показала, что для предотвращения когнитивных нарушений необходимо, чтобы дети достигли определенного высокого уровня двуязычия, чтобы они одинаково владели обоими языками [9]. Таким образом, для получения только положительных результатов изучения с детства даже двух языков нужно постоянное профессиональное внимание к ребенку, фактически его индивидуальное воспитание. Также, например, уже в 2006 г. в отчете Парламентской ассамблеи Совета Европы отмечалось, что «с педагогической точки зрения результаты лучше, когда дети обучаются на их родном языке» [10].

Ситуация оказывается еще хуже при ее рассмотрении не с коммуникативно-когнитивной, а с социально-культурологической точки зрения. Ф. Грожан полагает самым трудным аспектом бикультурализма идентичность бикультурного человека, задающего себе вопрос: «К какой культуре я принадлежу?». С одной стороны, бикультурализм влечет к синтезу норм двух культур, но с другой, ответ на вопрос об идентичности часто приводит к отторжению обеих культур и маргинализации бикультурной личности [7]. Есть такие исследования и в России. Например, П. В. Тимачев, изучив явление лингвокультурной интерференции в общении как навязывание культурных кодов языков, показал, что «источниками лингвокультурной интерференции являются несовпадения культурной и языковой картин мира... Лингвокультурная интерференция происходит не только между разными языками и культурами, но и между разными культурами внутри одного языка» [11, с. 4–5], и в межкультурной коммуникации эта интерференция отрицательно влияет на адекватное понимание передаваемой информации. Причем если это влияние на коммуникацию и сглаживается, то это происходит за счет усреднения языка и культур [11]. Другими словами, вместо обогащения происходит упрощение.

Кроме этого, несмотря на заявленную цель мультикультурализма, почти 100 % французских школьников изучают английский язык, и уже давно в Сенате констатируют: «По мере того как (иностранные) языки распространяются в школе, увеличивается доля англий-

ского языка и... расширяется и укрепляется «английский туннель» [12] (т. е. единственный «выбор»). Таким образом, в действительности школа во Франции формирует молодых людей, которые все меньше говорят на нескольких языках, причем неубедительно и на английском: согласно исследованию Национального совета по оценке школьной системы (Cnesco) в 2019 г. 39 % учащихся начальных классов испытывали трудности с пониманием разговорного английского языка. Перед старшей школой таких учеников 43 %. Со способностями к разговорной речи еще хуже: 75 % плохо говорят по-английски, Франция по этому показателю находится в конце списка европейских стран [13]. В то же время растут трудности с французским языком, являющимся условием развития личности, профессиональной интеграции, доступа к знаниям и культуре. В 2000 г. (!) во Франции было создано специальное государственное агентство по борьбе с неграмотностью (Agence Nationale de Lutte contre l'Illettrisme, ANLCI). По его данным, в 2016 г. неграмотных в стране было 3 млн и еще 6 «сталкивались с трудностями в обращении с нашим языком» [14].

Каковы же моральные аспекты этой ситуации? Согласно международной Конвенции о правах ребенка, «государства-участники обязуются уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности...» [15], а «образование ребенка должно быть направлено на <...> воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной» [16]. Судя по накалу обсуждения и скорости принятия все новых политических решений, сегодня в центре внимания находится гендерная самобытность детей. Это происходит и во Франции, где очередной всплеск массового недовольства родителей и очередную широкую дискуссию в СМИК вызвал приказ Министерства образования, изданный в сентябре 2021 г. о политике в отношении детей, объявляющих себя трансгендерами. Для них предусмотрены права уже в младших классах требовать, чтобы их называли именем и местоимением, которые они сами выбирают; носить одежду пола, к которому себя относят; пользоваться туалетами и другими помещениями в соответствии с полом, к которому они себя относят (правда, все-таки под контролем взрослых) [17]. Противники такого курса называют его политизированным, научно необоснованным, требуют дополнительных исследований о развитии детей и подростков. В том числе активно оспаривают право на самоопределение (в гендерном смысле), как это прописано в приказе, которое, по мнению многих экспертов, весьма проблематично и в любом случае случайно, подвержено большому комплексу внешних факторов [18], которые ребенок не в состоянии критически осмыслить и сделать самостоятельный выбор.

Американские врачи-психотерапевты Л. Эдвардс-Липер (в 2007 г. основала первую педиатрическую гендерную клинику в США) и Э. Андерсон (трансгендерная женщина) подробно и аргументированно высказали (причем, в *Washington Post*) свою озабоченность в связи с общественной и профессиональной реакцией на всплеск случаев гендерной дисфории. Политический климат, считают они, таков, что отношение к каждому пациенту рассматривается с позиции социальной терпимости и побуждает многих оказывать небрежную и даже опасную помощь. Часто из страха попасть в категорию «трансфобных фанатиков» врачи при первом же обращении к ним излишне поспешно назначают лекарства, включая гормоны,

или рекомендуют их назначать, не следуя строгим правилам, регулирующим такую деятельность, прежде всего – не осуществляя необходимую перед любым медицинским вмешательством психологическую оценку состояния подростка или ребенка. Такая качественная оценка, а также поддержка психического здоровья молодежи с дисфорией может занять несколько месяцев, а в сложных случаях – лет. Но немногие обучены делать это правильно. А речь может идти о помощи молодому человеку в том, чтобы разобраться со слоями своей развивающейся подростковой идентичности и изучить факторы, способствующие дисфории, включая влияние не специалистов, а социальных сетей, Интернета, сверстников, а также таких факторов, как аутизм, депрессия, тревожность, психологическая травма, отношения в семье, трудности в школе и даже расстройства пищевого поведения [19].

Эти психологи, еще недавно входившие в руководство Всемирной профессиональной ассоциации трансгендерного здоровья (WPATH), разрабатывающей стандарты ухода за трансгендерами, рассказали и о личном опыте негативной реакции (в том числе и на профессиональных конференциях) по поводу их исследования трансгендеров, осуществляющих уже обратный переход. Это исследование показало, что из 100 таких людей 38 % сообщили, что, по их мнению, их первоначальная дисфория была вызвана чем-то из вышеприведенного списка проблем с психическим здоровьем, а 55 % сказали, что не получили от психиатра адекватной оценки своего состояния (т. е. сложностей подросткового возраста) перед началом перехода.

Итак, во Франции сто лет назад почти все говорили на двух языках – на французском и региональном (или иностранном – в случае иммигрантов). Затем урбанизация, развитие франкоязычных СМИК и образовательная политика превратили страну в почти одноязычное государство, что по времени соотносится с ростом школьных и академических достижений, особенно в «славное (послевоенное) тридцатилетие». Но с 1990-х гг. усилились два фактора. Во-первых, иммиграция, из-за которой вновь увеличилось количество школьников, объективно являющихся билингвами. Во-вторых, европейская интеграция, в рамках которой было осуществлено политическое решение о повсеместном введении двух иностранных языков в системы образования, что породило тотальный искусственный би- и мультилингвизм. В результате можно сделать вывод, что общий уровень образования во Франции хронологически (с соответствующим лагом) как минимум коррелирует с количеством билингвов и мультилингвов, а также с их социальным положением (дети с наибольшими трудностями в обучении в основном происходят из малообеспеченных семей).

Значит ли это, что система настолько плоха, что дети совершенно не справляются с условиями многоязычия? Нет, значительное число ребят хорошо учатся, изучая и более чем один язык. Но очевидно, что дети как из двуязычных семей, так и из семей, где родным языком является французский, но которым уже в начальной школе навязывают английский язык и многоязычие вообще, подвергаются истинному дарвиновскому отбору в условиях сильного психологического, интеллектуального и когнитивного давления. В отсутствии соответствующей педагогической и психологической помощи и поддержки значительная их часть такой нагрузки не выдерживают. Фактически все, что говорится о потребностях ребенка, сталкивающегося (или думающего, что сталкивается) с проблемой гендера, относится и к языковому аспекту.

Однако, если в случае с гендером мнение даже совсем маленького ребенка считается основанием для самостоятельного «выбора» им своего пола, а кроме того, у него есть возможность передумать, то в случае с многоязычием никакого выбора нет ни у детей, ни у родителей, ни у педагогов. Причем проблема выбора гораздо серьезнее, чем представляется на первый взгляд. Кроме уже упоминавшихся подростков, которые хотят вернуть свой пол, существует огромная статистика по смене профессиональной ориентации. Причем речь не только о детском и подростковом периоде, когда профессии выбираются и меняются спонтанно, за кампанию, по совету родственников, друзей и прочим причинам, но и во взрослой жизни. Есть французский опыт и по расширению выбора у старшеклассников, в частности изучения математики: если до реформы 2019 г. она была обязательной для всех, то в 2021 г. только 37 % старшеклассников выбрали этот предмет в качестве специализации (причем почти 60 % из них это мальчики из самых обеспеченных семей), 41 % больше вообще ее не изучают [20]. Под давлением общественности министр национального образования признал проблему и не исключил возврата этого предмета в обязательные [21].

Процесс демократизации, хотя и противоречиво, и нелинейно, но все же развивается. Сегодня ребенку все меньшего возраста все активнее гарантируется выбор имени, пола, гендера, в то время как его психика находится только в самом начале развития и ему – за недостатком знаний и психических сил вообще, чтобы сделать действительно осознанный выбор, требуется помощь и содействие взрослых. В то же время происходит навязывание многоязычия во французской и европейской системах образования.

Заключение. Политическая инструментализация образования противоречит его демократизации и демократизации в целом: дети и их родители ограничены как в праве выбора языков для изучения или изучения только родного языка, так и, следовательно, в праве на организацию умственного развития детей. А каков был бы выбор младшего школьника и даже детсадовца в области изучения языков? Очевидно, что как раз в этом аспекте важно учитывать мнение ребенка и внимательно наблюдать развитие каждого, оказывать необходимую помощь. При этом не только давать ему свободу выбора, но и увлекать, мотивируя и стимулируя его, а также давая возможность остановиться, прекратить изучать еще один или несколько языков, если мотивация была чисто детской, слабой, психические силы недостаточными, и теперь лингвистическое увлечение превратилось в проблему, мешающую развиваться и учиться. Игнорирование этих аспектов может нанести и наносит значительный ущерб, не всегда выявляемый (не говоря уже о косвенном, когда задержки развития или потеря интереса к учебе являются следствиями лингвистической неуспеваемости и влияют на жизнь человека). Кстати, дети, которые могут и хотят изучать другие языки, выбирают вовсе не те, которые помогут им найти работу за границей, но, в частности, древнегреческий, латинский, восточные языки. Ими движет любопытство, познавательный, а иногда и эстетический интерес, а не утилитаризм.

В этой связи важнейшим является наблюдение сторонницы двуязычия Э. Биалисток, о том, что, стимулируя мозг, двуязычие «действует так же, как вообще образование и другие занятия, способствующие когнитивному развитию и защищающие познавательные способности», и «многие люди становятся многоязычны, потому что они более талантливы, более

образованы или заинтересованы в изучении многих языков» [22]. То есть углубленное изучение диалектов и литературного языка, различных профессиональных языков «только» в рамках родного языка столь же, если не более, полезно для познавательного развития.

С другой стороны, качественное изучение любого языка, начиная с родного, требует много времени. Если затем этот язык не используется, потери заключаются не только во времени, потраченном на его изучение, но и во времени, не использованном для изучения других дисциплин. В любом случае необходимы дальнейшие масштабные исследования проблемы, поскольку навязывание многоязычия стало тотальным (включая Россию, где наблюдается большинство процессов, описанных на примере Франции), а внимание к личности каждого ребенка, помощь его психическому развитию и социализации является важнейшей общественной задачей. При этом надо учитывать, что на ребенка, кроме политически организуемого многоязычия и такого социального фактора, как благополучие семьи, действуют и другие, прежде всего, бурное развитие электронных СМИК, компьютерных игр и Интернета, ставших настоящими «пожирателями времени».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. TIMSS 2019 International Results in Mathematics and Science // IEA. 2019. URL: <https://timssandpirls.bc.edu/timss2019/index.html> (дата обращения: 01.08.2021).

2. Cedre 2008-2014-2019. Mathématiques en fin d'école : des résultats en baisse // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. 2020. URL: <https://www.education.gouv.fr/cedre-2008-2014-2019-mathematiques-en-fin-d-ecole-des-resultats-en-baisse-306336> (дата обращения: 12.10.2020).

3. France, portrait social // Insee. 2020. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4928952> (дата обращения: 02.12.2021).

4. Zones urbaines sensibles : 52,6 % des habitants sont issus de l'immigration // Le Point. 2011. 11 janv. URL: https://www.lepoint.fr/societe/zones-urbaines-sensibles-52-6-des-habitants-sont-issus-de-l-immigration-01-11-2011-1391418_23.php (дата обращения: 01.08.2020).

5. Les quartiers pauvres ont un avenir // Institut Montaigne. 2020. URL: <https://www.institutmontaigne.org/publications/les-quartiers-pauvres-ont-un-avenir> (дата обращения: 06.08.2021).

6. Bijeljac R., Dodane Ch., Del Ré A. Bilinguisme et apprentissage précoce : mythes et réalités // Maledive.ecml.at. 2014. URL: <https://maledive.ecml.at/LinkClick.aspx?fileticket=eGqco28j67A%3D&portalid=45&language=en-GB> (дата обращения: 10.12.2019).

7. Grosjean F. Parler plusieurs langues. Le monde des bilingues. Paris: Albin Michel, 2015.

8. Les Lyriades de la langue française // Les Lyriades.fr. 2021. URL: <http://www.leslyriades.fr/spip.php?article35> (дата обращения: 12.12.2021).

9. Ricciardelli L. A. Bilingualism and cognitive development in relation to threshold theory // J. of Psycholinguistic Research. 1992. Vol. 21, iss. 4. P. 301-316. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01067515>.

10. La place de la langue maternelle dans l'enseignement scolaire // Assemblée parlementaire. 2006. URL: <http://www.assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=11142&lang=fr> (дата обращения: 11.12.2021).

11. Тимачев П. В. Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / ВолГУ. Волгоград, 2005.

12. L'enseignement des langues étrangères en France, Rapport d'information n° 63 (2003-2004) // Sénat. 2003. URL: https://www.senat.fr/rap/r03-063/r03-063_mono.html#toc2 (дата обращения: 04.02.2021).

13. De la découverte à l'appropriation des langues vivantes étrangères: comment l'école peut-elle mieux accompagner les élèves ? // Cnesco. 2019. URL: <http://www.cnesco.fr/fr/langues-vivantes/> (дата обращения: 11.12.2021).

14. Création de l'Agence de la langue française pour la cohésion sociale // Gouvernement. 2016. URL: <https://www.gouvernement.fr/partage/8459-creation-de-l-agence-de-la-langue-francaise-pour-la-cohesion-sociale> (дата обращения: 01.08.2020).

15. Ст. 8. Конвенция о правах ребенка. Ч. 1. // ООН. 1989. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.10.2020).

16. Ст. 29. Конвенция о правах ребенка. Ч. 1. // ООН. 1989. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.10.2020).

17. Pour une meilleure prise en compte des questions relatives à l'identité de genre en milieu scolaire // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. 2021. URL: <https://www.education.gouv.fr/bo/21/Hebdo36/MENE2128373C.htm> (дата обращения: 11.12.2021).

18. La question transgenre chez les enfants // SOS Éducation, 2021. URL: <https://soseducation.org/> (дата обращения: 14.12.2021).

19. Edwards-Leeper L., Anderson E. The mental health establishment is failing transkids // The Washington Post. 2021. 24 Nov. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/11/24/trans-kids-therapy-psychologist/> (дата обращения: 28.11.2021).

20. 39 % des élèves de terminale générale suivent un enseignement optionnel en plus de leurs deux enseignements de spécialité // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. 2021. URL: <https://www.education.gouv.fr/39-des-eleves-de-terminale-generale-suivent-un-enseignement-optionnel-en-plus-de-leurs-deux-323285> (дата обращения: 21.01.2022).

21. Réforme du lycée : le blues des profs de maths // Le Monde. 2022. 02 Jan. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2022/01/04/reforme-du-lycee-le-blues-des-profs-de-maths_6108087_3224.html (дата обращения: 21.01.2022).

22. Биалисток Э. Билингвизм: преимущества владения языками // Постнаука.ru. 2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/67660> (дата обращения: 14.11.2021).

Информация об авторе.

Литвак Николай Витальевич – доктор социологических наук (2018), профессор кафедры философии им. А. Ф. Шишкина Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Россия. Автор 72 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия, философия информации, информационное общество, международные отношения, философская антропология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 04.03.2022; принята после рецензирования 27.04.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. "TIMSS 2019 International Results in Mathematics and Science" (2019), IEA, available at: <https://timssandpirs.bc.edu/timss2019/index.html> (accessed 01.08.2021).

2. "Cedre 2008-2014-2019. Mathématiques en fin d'école : des résultats en baisse" (2020), *Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports*, available at: <https://www.education.gouv.fr/cedre-2008-2014-2019-mathematiques-en-fin-d-ecole-des-resultats-en-baisse-306336> (accessed 12.10.2020).

3. "France, portrait social" (2020), *Insee*, available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4928952> (accessed 02.12.2021).

4. "Zones urbaines sensibles: 52,6 % des habitants sont issus de l'immigration" (2011), *Le Point*, 11 Janvier, available at: https://www.lepoint.fr/societe/zones-urbaines-sensibles-52-6-des-habitants-sont-issus-de-l-immigration-01-11-2011-1391418_23.php (accessed 01.08.2020).

5. "Les quartiers pauvres ont un avenir" (2020), *Institut Montaigne*, available at: <https://www.institutmontaigne.org/publications/les-quartiers-pauvres-ont-un-avenir> (accessed 06.08.2021).

6. Bijeljac, R., Dodane, Ch. and Del Ré, A. (2014), "Bilinguisme et apprentissage précoce : mythes et réalités", *Maledive.ecml.at*, available at: <https://maledive.ecml.at/LinkClick.aspx?fileticket=eGqco28j67A%3D&portalid=45&language=en-GB> (accessed 10.12.2019).

7. Grosjean, F. (2015), *Parler plusieurs langues. Le monde des bilingues*, Albin Michel, Paris, FRA.

8. Les Lyriades de la langue française (2021), *Les Lyriades.fr*, available at: <http://www.leslyriades.fr/spip.php?article35> (accessed: 12.12.2021).

9. Ricciardelli, L.A. (1992), "Bilingualism and cognitive development in relation to threshold theory", *J. of Psycholinguistic Research*, vol. 21, no. 4, pp. 301–316. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01067515>.

10. "La place de la langue maternelle dans l'enseignement scolaire" (2006), *Assemblée parlementaire*, available at: <http://www.assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=11142&lang=fr> (accessed 11.12.2021).

11. Timachev, P.V. (2005), "Linguistic and cultural interference as a communicative interference (on the material of the English language)", Can. Sci. (Philology) Thesis, VolGU, Volgograd, RUS.

12. "L'enseignement des langues étrangères en France, Rapport d'information n° 63 (2003-2004)" (2003), *Sénat*, available at: URL: https://www.senat.fr/rap/r03-063/r03-063_mono.html#toc2 (accessed 04.02.2021).

13. "De la découverte à l'appropriation des langues vivantes étrangères: comment l'école peut-elle mieux accompagner les élèves?" (2019), *Cnesco*, available at: <http://www.cnesco.fr/fr/langues-vivantes/> (accessed 11.12.2021).

14. "Création de l'Agence de la langue française pour la cohésion sociale" (2016), *Gouvernement*, available at: <https://www.gouvernement.fr/partage/8459-creation-de-l-agence-de-la-langue-francaise-pour-la-cohesion-sociale> (accessed 01.08.2020).

15. "Art. 8. Convention on the Rights of the Child, part 1", (1989), *UN*, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed 01.10.2020).

16. "Art. 29. Convention on the Rights of the Child, part 1", (1989), *UN*, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed 01.10.2020).

17. "Pour une meilleure prise en compte des questions relatives à l'identité de genre en milieu scolaire" (2021), *Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports*, available at: <https://www.education.gouv.fr/bo/21/Hebdo36/MENE2128373C.htm> (accessed 11.12.2021).

18. "La question transgenre chez les enfants" (2021), *SOSÉducation.org*, available at: <https://soseducation.org/> (accessed 14.12.2021).

19. Edwards-Leeper, L. and Anderson, E. (2021), "The mental health establishment is failing transkids", *The Washington Post*, 24 November, available at: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/11/24/trans-kids-therapy-psychologist/> (accessed 28.11.2021).

20. "39 % des élèves de terminale générale suivent un enseignement optionnel en plus de leurs deux enseignements de spécialité" (2021), *Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports*, available at: <https://www.education.gouv.fr/39-des-eleves-de-terminale-generale-suivent-un-enseignement-optionnel-en-plus-de-leurs-deux-323285> (accessed 21.01.2022).

21. "Réforme du lycée : le blues des profs de maths" (2022), *Le Monde*, 02 Janvier, available at: https://www.lemonde.fr/societe/article/2022/01/04/reforme-du-lycee-le-blues-des-profs-de-maths_6108087_3224.html (accessed 21.01.2022).

22. Bialystok, E. (2016), "Bilingualism: The Benefits of Language Proficiency", *Postnauka.ru*, available at: <https://postnauka.ru/faq/67660> (accessed 14.11.2021).

Information about the author.

Nikolay V. Litvak – Dr. Sci. (Sociology) (2018), Professor at the Department of Philosophy named after A.F. Shishkin, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky avn., Moscow 119454, Russia. The author of 72 scientific publications. Area of expertise: philosophy, philosophy of information, information society, international relations, philosophical anthropology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 04.03.2022; adopted after review 27.04.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 130.2; 811.111-26
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-18-28>

Языковые особенности реализации концептов метамодернизма в англоязычном художественном дискурсе (на примере современной шотландской прозы)

Нина Феликсовна Щербак^{1✉}, Алена Игоревна Герус²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹n.sherbak@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>

²a.gerus@spbu.ru

Введение. В статье предпринимается попытка определить основные тенденции развития современных произведений шотландской прозы. Главная цель состоит в последовательном выявлении языковых средств и механизмов реализации характерных черт метамодернизма, осмыслении изменений во взглядах авторов на текст, а также выборе инструментов для взаимодействия с реципиентами.

Методология и источники. Отправной точкой методологии служит определение Робинотом ван ден Аккером и Тимотеусом Вермюленом ключевых векторов развития современной литературы под эгидой феномена метамодернизма, обнаруживающего как неизбежное родство с постмодернизмом, так и собственные философские и эстетические устремления.

Результаты и обсуждение. Анализ современных текстов шотландских прозаиков обнаруживает при сопоставлении с образцами письма, выявляющими новаторство и традиции иных времен и родственных культур, тенденции к закономерному использованию таких приемов, как интертекстуальность, ризома в качестве структурной модели, отказ от традиционных методов конструирования времени и пространства, переосмысление мотивов и сюжетов культурного фонда. Введение инновационных стилей повествования открывает возможности для обращения к острым социальным вопросам и табуированным ранее темам.

Заключение. Представляется, что именно на материале шотландской литературы возможно ярко проиллюстрировать современные метамодернистские, а в частности и неореалистические тенденции: стремление обращаться к прошлому с целью его деконструировать, экспериментировать с жанром, создавать возможности для свободного чтения. Культура и традиции Шотландии, однако, неизменно проявляются в реализуемых прозаиками литературных практиках. Таким образом, в шотландской прозе уникальным образом сочетаются общие литературные тенденции и культурная специфика страны.

Ключевые слова: метамодернизм, постмодернизм, шотландская литература, проза, лингвистика текста

Для цитирования: Щербак Н. Ф., Герус А. И. Языковые особенности реализации концептов метамодернизма в англоязычном художественном дискурсе (на примере современной шотландской прозы) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-18-28.

© Щербак Н. Ф., Герус А. И., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Linguistic Properties of Metamodernist Concepts in Anglophone Art Discourse (Case of Modern Scottish Prose)

Nina F. Shcherbak^{1✉}, *Alena I. Gerus*²

^{1,2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*n.sherbak@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>*

²*a.gerus@spbu.ru*

Introduction. The article attempts to identify the main trends in the development of modern works of Scottish prose. The main aim is to consistently identify linguistic means and mechanisms for implementing the characteristic features of metamodernism, comprehending changes in the authors' views on the text as well as their choice of tools for interaction with recipients.

Methodology and sources. The starting point for the methodology is the description by Robin van den Acker and Timotheus Vermeulen of the key vectors of modern literature development under the umbrella of such a phenomenon as metamodernism, which reveals both its inevitable kinship with postmodernism and its own philosophical and aesthetic aspirations.

Results and discussion. When compared with writing samples exemplifying innovations and traditions of other times and related cultures, the set of modern Scottish prose texts under analysis reveals trends towards the regular use of such techniques as intertextuality, rhizome as a structural model, rejection of traditional methods for constructing time and space, rethinking of the motives and plots from the cultural archives. The introduction of innovative storytelling styles provides opportunities for addressing acute social issues and previously tabooed topics.

Conclusion. It is the texts of Scottish literature that seem to facilitate a vivid illustration of modern metamodernist, and in particular neorealist tendencies: the desire to turn to the past in order to deconstruct it, experiment with genre, create opportunities for free reading. However, the culture and traditions of Scotland invariably manifest themselves in the literary practices implemented by the prose writers. Thus, in Scottish prose, the general literary trends and the cultural specifics of the country are intertwined in a unique combination.

Keywords: metamodernism, postmodernism, Scottish literature, prose, text linguistics

For citation: Shcherbak, N.F. and Gerus, A.I. (2022), "Linguistic Properties of Metamodernist Concepts in Anglophone Art Discourse (Case of Modern Scottish Prose)", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-18-28 (Russia).

Введение. На смену постмодернизму и в продолжение ему приходит новая парадигма, характеризующаяся высокой степенью рефлексии над формой, отказом от линейной и легко распознаваемой структуры, заимствованием и взаимопроникновением текстов, их форм и жанров на различных уровнях, однако заметным образом изменяющаяся под влиянием философско-эстетических идей, которые составляют ее глубинную основу и определяют совокупность ключевых особенностей. Парадигма эта именуется метамодернизмом, что предполагает переход на некий более высокий, объединяющий уровень. В целях определения различия между постмодернизмом и во многом перенимающим, но переосмысляющим его

особенности метамодернизмом, рассмотрим выборку художественных текстов шотландской прозы, представляющей собой достаточно самобытное с точки зрения многовековых традиций явление.

Методология и источники.

Философия постмодернизма и метамодернизма.

В своей знаменитой исследовательской работе «К концепции постмодернизма» И. Хассан некоторое время назад наметил наиболее четкие тенденции в развитии постмодернистского нарратива [1]. Анализ Хассана охватывает четкие различия между модернистской и постмодернистской традицией: например, «присутствие» заменяется на «отсутствие»; «открытая форма» становится более распространенной моделью, чем «закрытая форма»; «молчание» заменяет «речь»; «парадигматический взгляд» уступает место «синтагматическим отношениям».

Структура, предложенная Хассаном, отражает основные характеристики изменений в постмодернизме, которые также проявляются в общем принципе «иерархии», уступающем место «анархии» формы и общей организации текста; концепция «ризомы» занимает место «древовидной структуры»; «интертекстуальность» становится более очевидной в текстах и объектах искусства, чем «жанр»; оппозиция «различие-повторение» (термин, введенный Делезом [2]) является новой моделью изучения метафизики и текстов, которая заменяет традиционный принцип «представления».

Недавняя тенденция в развитии художественных текстов обозначена как метамодернистская традиция. Так определили его основатели, провозгласившие в определенной степени «конец искусства» и «конец истории» [3]. Основные принципы, определяющие метамодернизм, придерживаются современной парадигмы, наблюдаемой в музыке, которая включает в себя «мерцающий эффект звуков», «сжатие звука», «глобальную интертекстуальность», иногда превращающую метамодернизм в культуру «цитирования».

Как указывали многочисленные критики, метамодернизм может характеризоваться общей тенденцией «теплого и холодного», «мерцающего эффекта», а также «сжатия» (звука или самого текста), «простоты», «наивного мировоззрения» и того, что называется «присвоением» или «цитированием без принципа ссылки» [4]. Что подразумевается под «присвоением» – не простой вопрос, поскольку, с одной стороны, это относится к интертекстуальности, с другой – это цитирование без каких-либо ограничений, когда нет четких правил присвоения авторства.

Можно было бы утверждать, что метамодернизм во многих отношениях является «пересмотренным постмодернизмом», однако общий принцип «сжатия», по-видимому, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что он отличается от постмодернистских методов, в первую очередь, в установлении неоромантического стиля, простого и точного.

Подводя итог: идеи, которые включены в концепцию «различия и повторения», выраженную Делезом [5], изоморфные связи между концепциями, идеями, мотивами, отсутствие внешней и внутренней оппозиции, концепция ризомы, используемая в построении текста, структура кристалла, одновременное сосуществование фактического и виртуального, разрыв традиционного представления времени и пространства в текстах, включая сосуществование различных подсистем времени и пространства, – все это служит для объяснения но-

вых тенденций в развитии поставангардного искусства и послевоенной литературы. Современные (посттысячелетние) метамодернистские тенденции будут характеризоваться «присвоением и полным владением другими текстами», включением предыдущих мотивов, общей простотой, «общим сжатием», «эффектом мерцания» – все они охватывают широкий спектр текстов, включая произведения шотландских писателей XXI в.

Результаты и обсуждение.

Неоромантизм и неореализм.

Появление неоромантических или неореалистических свойств является общей тенденцией для художественных текстов XXI в. Если рассматривать неоромантическую традицию как менее интенсивную, то тенденция неореализма представляется более очевидным и преобладающим принципом. Как заявил Л. Уилсон [6], новая тенденция, наблюдаемая в литературе, – это «возвращение к реализму», поскольку большинство текстов будут построены из разных фрагментов, которые позволяют сосуществовать различным подсистемам времени и пространства. Эффект реалистичного события в романе Зейди Смит «О красоте» (2005), например, достигается за счет уделения особого внимания дате, вокруг которой сосредоточены все события. Главное событие не указано в тексте явно, но читатель получает ряд подсказок. Переплетенные мотивы и сюжетные линии, различные связи между персонажами позволяют размещать их в разных пространственных и временных линиях, но все события сосредоточены вокруг одного более крупного события: как выясняется в конце книги, это 11 сентября.

Тот факт, что дата не указана явно, позволяет подойти к повествованию так, как это сделал М. Фуко в своей классической книге «Порядок вещей: археология гуманитарных наук» [7]. Описание дается в той части, где идет речь о третьей эпистеме отношений между «вещами» и «словами». Фуко отлично делает это в процессе описания картины Веласкеса «Лас Менинас».

Картина одинаково скрывает человека, который сидит за ней, и саму картину, позволяя зрителям угадать личности обоих. Таким образом, третья эпистема не представляет персонажей (или фигуры, или предмет), она также не «включает» их (в терминах Хассана) в повествование или картину, но позволяет читателям или зрителям представить события, угадать смысл, реконструировать сюжет в их сознании. Поэтому неореализм – это своего рода «взаимная реконструкция» событий, действий, выстраивание характеров и идентичностей, т. е. постмодернистская техника передачи авторитета читателям и зрителям. Это раскрывает творческий потенциал читателей и является альтернативой традиционным «заявлениям» и «сценариям», предлагаемым писателями.

Традиции шотландского письма.

Шотландия – родина известных романистов, писателей и литературных гигантов, которые своими произведениями внесли большой вклад в литературный ландшафт страны. Они были мастерами своего дела и написали несколько самых продаваемых романов в мире. Интересно, что шотландские романисты зачастую не ограничивались одним жанром, а писали в различных, таких как научная фантастика, научно-популярная литература, драма, романстика, сатира, трагедия, комедия и т. д. Некоторые даже объединяли жанры, чтобы создавать произведения, которые держали бы читателей на крючке.

Большинству зарубежных читателей знакомы сюжетные линии и персонажи: рыцари Вальтера Скотта, Мария Стюарт и ее пылкая борьба с Елизаветой I, Макбет, созданный Шекспиром и для развлечения двора Якова I, и как напоминание о том, что он не только английский король, но и король Шотландии и родом из Шотландии. Всемирно известна и поэзия Роберта Бернса. Его день рождения празднуется во всем мире и служит событием, праздником, на котором можно отметить дружбу и сотрудничество разных стран.

Тем не менее мрачный образ Шотландии, ее темные зимние улицы и тайны Эдинбургского замка – все это способствует продвижению другой, самой захватывающей стороны этой страны, ее тайн и событий прошлого, ее скрытых сокровищ и настроений. Как было показано в шоу «Маленькая Британия», шотландский бульон – это то, что состоит только из масла, молока, соли и перца, но сколько красивых слов и сравнений может придумать автор, чтобы описать его секреты.

Лингвистические и гендерные эксперименты в современной литературе.

Ярким представителем первой группы шотландских писателей является Гилберт Адэр (1944–2011) – шотландский писатель, поэт, кинокритик и журналист. Адэр жил в Париже. Наиболее известен он переводом романа Жоржа Перека «Пустота» – произведения, в котором не используется буква «е». Он также прославился фильмами, снятыми по его романам, в том числе «Любовь и смерть на Лонг-Айленде» (1997) и «Мечтатели» (2003).

В 1988 г. он получил премию «Первый роман авторского клуба» за произведение «Святые невинные». С 1992 по 1996 гг. вел колонку «Тщательное изучение» в The Sunday Times, а в 1998 и 1999 гг. был главным кинокритиком The Independent. Его раннее художественное произведение – роман «Алиса в Заиголье».

Идея «изменения» или «переделки» знаменитых приключений Алисы в Стране чудес является, с одной стороны, отсылкой к Льюису Кэрроллу, а с другой стороны – к знаменитой книге «Логика смысла» (1969), написанной Делезом [8], классиком постструктурализма. «Логика смысла» предлагает тридцать парадоксов, за которыми следуют четыре приложения, содержащие пять ранее опубликованных эссе, в том числе «Платон и симулякр».

Идеи и концепции, предложенные Делезом, представлялись в то время революционными, ибо философ бросил вызов традиционным нормам и правилам, предложив новые для развития постмодернистского повествования и семиотики, которые позже были применены для анализа фильмов и музыки. Для Делеза приключения Алисы в Стране чудес служили основой для описания парадоксов, отказа от традиционной техники представления, установления «новых правил» причинно-следственных связей, применения концепции ризомы.

Сказывается и тот факт, что Адэр жил во Франции в то время, когда идеи, высказанные Делезом, были особенно известны: роман «Алиса в Заиголье» Адэра во многих отношениях является продолжением и исследованием темы, предложенной Делезом, включая отражения, зеркальные изображения, двойные значения, затенение, искажения повествовательных перспектив – все, чем так славится повествование XX в.

Более того, стоит отметить, что метамодернистское «мерцание» можно было распознать и в творчестве Адэра. Перевод романа Перека «Пустота» с отсутствующей буквой является хорошим примером не только интереса Адэра к языку, но и его попытки построить метамодернистское «сжатое» повествование.

«Обращение к письму» как предмету или теме имеет собственную историю. Знаменитая «Алая буква», историческая фантастика американского писателя Н. Готорна – это книга, которая была широко признана и использовалась в ряде контекстов для изучения не только пуританской колонии Массачусетс в XVII в., но и самой идеи «письма». «Письмо» – это понятие, имеющее метатекстовое измерение.

Повествование XX в. постоянно будет использовать концепцию букв для метатекстовых размышлений. Писатели и романы, интересующиеся этой проблемой, включают произведения британских и американских писателей, таких как Джеймс Джойс («Поминки по Финнегану»), Дж. Р. Р. Толкин, Дж. К. Роулинг, Герман Мелвилл («Человек доверия»).

Все эти авторы пишут тексты, которые эксплицитно говорят о природе построения текста. Этот процесс составляет метатекстовое измерение повествования XX в., он также интересен для Адэра. Аналогичным образом факт перевода Адэром романа, в котором отсутствует буква «е», является не только экспериментом со словами и их потенциалом, но и определенным продолжением традиции исследования текста. Постмодернисты рассматривали текст как единственную существующую реальность: главенство текстов имело определяющее значение.

Лингвистические и литературные теории пытались доказать, что текст и язык, будучи изолированными от реальности, выстраивают свои собственные нормы. Пропущенная буква, по-видимому, является попыткой продемонстрировать полный контроль автора и переводчика над языком, почти безграничный потенциал создателя. «Любовь и смерть на Лонг-Айленде» (1990) – роман Адэра, который позже будет адаптирован для фильма. Повествование Адэра – это точное изображение романтической одержимости и разочарования, в чем-то похожее на знаменитую историю «Смерти в Венеции» Томаса Манна, которая исследует гомосексуальную тему, а также превращает ее в медленную и трогательную историю самопознания. «Мечтатели» (2003) продолжают тему сложных отношений (знаменитый фильм-адаптация Б. Бертолуччи придает ей сладкий, ностальгический оттенок и приносит популярность).

В построении романтической истории есть определенное очарование, но ей не хватает психологической глубины, к которой стремилось бы большинство авторов в XXI в.: например, в произведении «Назови меня своим именем» (2007) Андре Асимана гей-отношения – это не просто набор правил или эйфория воображения, но хорошо продуманное и реалистичное исследование.

Детективы и научная фантастика в современной литературе.

Лин Андерсон – еще один пример шотландского писателя, чьи произведения образуют категорию, характерную для современного письма. Известна она созданием культового персонажа – судмедэксперта Роны МакЛауд.

Книги о Роне Маклауд, в том числе «Дрифтнет» (2003), «Факел» (2004), «Смертельный код» (2005), «Кроваво-красные розы» (2005), «Темный полет» (2007), «Возрожденный» (2010), «Представь ее мертвой» (2011), «Следуй за мертвыми» (2017), «Грехи мертвых» (2018), «Время мертвых» (2019), дают хорошую возможность для исследования, поскольку они не только попадают в категорию криминальных сериалов, но и раскрывают некоторые современные тенденции в повествовательном построении. Главной из них является игра

с понятием «мертвецы», которое, по-видимому, представляет собой не только прямую отсылку к «жертвам», описанным в романе, но и образует специфический «кластер», обозначающий понятие «зомби».

История Джона Уиндема «Нет места лучше Земли» (1951) в какой-то момент ознаменовала попытку писателей рассказать о том, как человек одинок и как он пытается выжить в этом мире, будь он на планете Земля или где-либо еще. Рассказ Уиндема относится к категории научной фантастики, но ощущение от него схоже с ощущением от чтения «Маленького принца» Сент-Экзюпери: оба исследуют «довоенное» напряжение, общее психологическое напряжение, чувство одиночества.

Интересно (и гораздо ближе к персонажам Лин Андерсон), что фильм Джима Джармуша «Мертвые не умирают» (2019) очень созвучен концепции «мертвых», описанной Андерсон. Блестящие комедийные зомби – это не только эффекты ужасов, но и научная фантастика с явной долей постмодернистского юмора и сатиры. Можно ли рассказать романтическую историю о том, что случилось с людьми в эпоху постапокалипсиса? Оказывается, можно. Причем он будет вызывать чувства, подобные тем, которые испытываешь, читая роман Энн Райс «Интервью с вампиром» (1976), – это сочетание романтики, ужаса и нежности.

Несмотря на то что сериал Лин Андерсон в определенной степени развлекателен, он придерживается постмодернистской традиции в изучении различных напряжений, которые испытывают люди, их зависимости и независимости, которые наблюдаются в современных отношениях, их проявлениях, появлениях и распаде.

Более того, понятие «мертвый» – это не только неотъемлемая часть детективной истории и метафора эмоционального напряжения. Его можно было бы рассматривать с другой точки зрения: ранее оно было подробно исследовано поэтом Т. С. Элиотом (например, в поэме «Полые люди»), изучалось французскими философами Жилем Делезом и Феликсом Гваттари под термином «тело без органов» (по-французски «корпус без органов»). «Тело без органов» – это «тело без образа», структура или зона без навязанной организации. В «Капитализме и шизофрении» Делеза и Гваттари это сырой продукт социального отчуждения и дестабилизации, поверхность, на которой подавленные и неконтролируемые желания протекают без организации, но последовательно.

Иэн Бэнкс (1954–2013) – шотландский писатель, придерживавшийся жанра научной фантастики. После публикации и успеха «Фабрики ос» (1984) Бэнкс начал писать на постоянной основе. Его первая научно-фантастическая книга «Рассмотрим Флебаса» вышла в 1987 г. Для его творчества характерно исследование фундаментальных ценностей под маской научной фантастики, с уделением особого внимания человеческим отношениям.

Эту тенденцию в литературе можно, на наш взгляд, назвать «повествованием о вторжении» – термин, который иногда используется в качестве «зонтичного» для охвата художественных текстов, исследующих не только тему войны или послевоенных времен, но и внеземную область: от НЛО и человеческих отношений до историй о волках (насекомые, осы или мухи, как в «Повелителе мух» У. Голдинга) и их взаимодействии с людьми. Знаменитый фильм Хичкока «Птицы» (1963) затронул проблему «темных сил» (изображенных в виде птиц), которые выигрывают битву за человеческую расу, при этом человеческая раса несет определенную вину и за что-то наказывается. Все эти апокалиптические темы хорошо

видны в «Фабрике ос», которая по-новому и захватывающе исследует современную антиутопию.

Современная шотландская литература предоставляет обширные возможности для изучения криминальной и научной фантастики. Она также концентрируется на фантастике ужасов, когда в центре внимания оказывается концепция «мертвых», аналогичная концепции «пустых людей», исследуемой модернистами, такими как Т. С. Элиот, и в равной степени аналогичная постмодернистским концепциям.

Историческая перспектива.

Интересный взгляд на историю — это попытка представить ее заново, и именно в этом заключается метамодернистская техника «мерцания» или «сжатия». Идея переделки, по-видимому, является постмодернистской или метамодернистской идеей в целом. Характерна определенная степень метамодернистского «разрыва с традицией», «простоты» и «сжатия» любого рода. Шотландия известна такими историческими личностями, как Мария Стюарт и Джеймс I, повышенным вниманием к различным адаптациям истории взаимоотношений Марии Стюарт и Елизаветы I, встречающимся в основных литературных текстах.

Попытка Терезы Бреслин включить известные исторические события в детективный жанр кажется современной, актуальной и, естественно, успешной. Среди ее последних работ «Печать Медичи» (2006), «Философия Нострадамуса» (2008), «Узник инквизиции» (2010), «Шпион королевы Шотландии» (2012). В последнем из перечисленных произведений история сосредоточена вокруг подруги детства королевы Шотландии – ее фрейлины, девушки, которая очень предана своей госпоже.

Необычный ракурс придает роману личный и эмоциональный оттенок, но в то же время позволяет более глубоко исследовать историческую тему. Существует и традиция описания истории Макбета, демонстрирующая различные интерпретации знаменитого сюжета, представленного Шекспиром. В некотором смысле можно сравнить Шекспира и его «Макбета» (написанного для двора Якова I) и современную писательницу Бреслин, пишущую свой исторический развлекательный роман для широкой публики: оба используют известную личность прошлого для достижения своих писательских целей. Главным источником вдохновения для Шекспира стали Хроники Холиншеда, хотя есть и другие доступные ресурсы, например, «Открытие колдовства» Р. Скотта и «Демонология» короля Джеймса I. Слова же Макбета о собаках и людях в акте 3, сцене 1 (91–100) взяты из «Коллоквиумов» – мемуаров Эразма (издание 1500 г.).

Пьесы Сенеки, по-видимому, оказали большое влияние на Шекспира, и хотя «Макбет» не обнаруживает прямого сходства с творчеством Сенеки, в общей атмосфере пьесы и изображении образа леди Макбет прослеживается влияние латинского автора. Изучение источников «Макбета» и Шекспира позволяет сформулировать несколько выводов относительно мотивов изменений: одним из них является политическая цель удовлетворения убеждений правящего монарха короля Якова I [9].

Сравнение современной писательницы Т. Бреслин с Шекспиром позволяет рассматривать ее попытку изменить историю Марии Стюарт как продолжение традиций, уходящих корнями в историю Шотландии. Это была обычная для авторов практика: изменять сюжеты, добавляя что-то в зависимости от цели написания, опыта и исторических времен. Изменение известных исторических сюжетов, заимствование мотивов из прошлых историй позво-

ляют сделать повествование более плотным, богатым, глубоким по смыслу и насыщенным аллюзиями.

Подростковый роман.

Важным вкладом в современную литературу являются произведения И. Уэлша. Он опубликовал одиннадцать романов и четыре сборника рассказов. Его первый роман «Трейн-споттинг» появился в 1993 г. Действие происходит в середине 1980-х гг., в нем используется серия слабо и нелинейно связанных коротких рассказов с группой персонажей, связанных распадающейся дружбой, героиновой зависимостью и попытками убежать от гнетущей скуки и жестокости жизни.

Более поздняя версия «Паноптикума» (2020) Дженни Фаган [10] похожа на «Трейн-споттинг» общим ощущением психиатрического дома и доминирующей культурой наблюдения в повествовании. «Трейн-споттинг» во многих отношениях стоит особняком в шотландской литературе, поскольку написан на шотландском английском, а повествование довольно разнообразно и неоднородно.

Появление в американской литературе «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера стало новаторским событием, в первую очередь, из-за его сокращенных предложений, рассказчика – говорящего, а не пишущего, непристойной лексики, описаний неуверенности в себе, о которых никогда раньше не говорили. Во многих отношениях «Трейн-споттинг» – похожий вид повествования: подлинный по своей форме, верный жизни, одновременно инновационный и очень трогательный. Особое внимание, которое уделялось жизни подростков, было новаторским элементом. Как и Сэлинджер, автор «Трейн-споттинга» поднимает вопросы, которые раньше в основном игнорировались.

Заключение. Современная шотландская литература может рассматриваться как показательный пример современных тенденций, демонстрируемых и исследуемых писателями с различными ощущениями стиля и литературной моды. Общая тенденция состоит в стремлении вновь возвращаться к событиям прошлого, наслаждаться свободой жанра научной фантастики, предоставлять возможности для свободного чтения и создавать образы более романтических персонажей истории. Метамодернизм и неореализм позволяют сконструировать особое ощущение современного образа жизни. Однако Шотландия с ее особым настроением, определенной «степенью отчуждения» от остальной Британии хорошо видна в персонажах и их идентичностях. Шотландское письмо является частью мейнстрима, хотя традиции прошлого также хорошо прослеживаются в повествовании. Таковы культурные, философские и литературные концепции, исследуемые писателями прошлого и современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hassan I. Toward a Concept of Postmodernism // The Postmodern Turn: Essays In Postmodern Theory And Culture. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1987. P. 84–96.
2. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской. СПб.: Петрополис, 1998.
3. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism // J. of Aesthetics and Culture. 2010. Vol. 2. P. 5677. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.
4. Хрущева Н. Метамодерн в музыке и вокруг нее. М.: РИПОЛ-классик, 2020.

5. Deleuze G. *Cinéma 2. L'Image-Temps*. Paris: Éditions de Minuit, 1985.
6. Wilson L. G. Post-millennial Literature // *The Cambridge Companion to British Fiction 1980–2018* / ed. by P. Boxall. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019. P. 47–66. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108649865.004>.
7. McNay L. *Foucault: A Critical Introduction*. Cambridge: Polity Press, 1994.
8. Deleuze G. *Logique du sens*. Paris: Éditions de Minuit, 1969.
9. Mabillard A. Shakespeare's Sources for Macbeth // *Shakespeare Online*. 20 Aug. 2000. URL: <http://www.shakespeare-online.com/sources/macbethsources.html> (дата обращения: 20.01.2022).
10. Fagan J. *Panopticon*. 2012. URL: http://www.freebooks8.com/Fiction_Library/3152/1.html (дата обращения: 20.01.2022).

Информация об авторах.

Щербак Нина Феликсовна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: современная литературоведческая теория, нарратология, когнитивная лингвистика.

Герус Алена Игоревна – выпускница кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор нескольких научных публикаций. Сфера научных интересов: прагмалингвистика, нарратология, когнитивная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 22.02.2022; принята после рецензирования 28.04.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Hassan, I. (1987), "Toward a Concept of Postmodernism", *The Postmodern Turn: Essays In Postmodern Theory And Culture*, Ohio State Univ. Press, Columbus, USA, pp. 84–96.
2. Deleuze, G. (1998), *Différence et Répétition*, Transl. by Man'kovskaya, N.B., TOO TK Petropolis, SPb., RUS.
3. Vermeulen, T. and van den Akker, R. (2010), "Notes on metamodernism", *J. of Aesthetics and Culture*, vol. 2, pp. 5677. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.
4. Khrushcheva, N. (2020), *Metamodern v muzyke i vokrug nee* [Metamodern in music and around it], RIPOL-klassik, Moscow, RUS.
5. Deleuze, G. (1985), *Cinéma 2. L'Image-Temps*, Éditions de Minuit, Paris, FRA.
6. Wilson, L.G. (2019), "Post-millennial Literature", *The Cambridge Companion to British Fiction 1980–2018*, in Boxall, P. (ed.), Cambridge Univ. Press., Cambridge, UK, pp. 47–66. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108649865.004>.
7. McNay, L. (1994), *Foucault: A Critical Introduction*, Polity Press, Cambridge, UK.
8. Deleuze, G. (1969), *Logique du sens*, Éditions de Minuit, Paris, FRA.
9. Mabillard, A. (2000), "Shakespeare's Sources for Macbeth", *Shakespeare Online*, 20 Aug, available at: <http://www.shakespeare-online.com/sources/macbethsources.html> (accessed 20.01.2022).
10. Fagan, J. (2012), *Panopticon*, available at: http://www.freebooks8.com/Fiction_Library/3152/1.html (accessed 20.01.2022).

Information about the authors.

Nina F. Shcherbak – Can. Sci. (Philology) (2015), MA in English language teaching (Lancaster, UK), Associate Professor at the Department of English Philology and Cultural Studies,

Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 150 scientific publications. Area of expertise modern literary theory, narratology, cognitive linguistics.

Alena I. Gerus – alumna at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of several scientific publications. Area of expertise pragmatics, narratology, cognitive linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.02.2022; adopted after review 28.04.2022; published online 23.09.2022.

Оригинальная статья
УДК 111
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-29-41>

Симбиоты цифровой среды: к эпидемиологической теории интерфейса

Константин Алексеевич Очеретяный

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
kocheretyany@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0711-644X>*

Введение. В современных науках о жизни невозможно игнорировать проблематику вирусов, бактерий, паразитов – их влияние на экосистемы. Но интерфейс – экосистема человека цифровой эпохи, новая формация жизни, а значит ее также необходимо понять из субдискурсивных элементов: цифровых аналогов вирусов, бактерий, паразитов.

Методология и источники. Методологически работа базируется на философском анализе вызовов и прецедентов цифрового поля, примеров исследовательской литературы, применяются методы медиафилософии, анархической эпистемологии, философской эпидемиологии (М. Фуко, К. Куксо).

Результаты и обсуждение. Показано, что эпистемологическое понимание интерфейса следует дополнить эпидемиологическим пониманием, иначе принципы и формы жизни, переведенной в цифру, ускользают от теории.

Интерфейс мыслят как условие возможностей: дискурсивных, инструментальных, демонстративных. С помощью интерфейса возможно осуществить действие, установить контакт, достичь результата. Интерфейс видят как эпистемологическую конфигурацию (от греч. ἰστυρί, т. е. не просто «владеть знанием», но «владеть» – устанавливая, назначать) – как форму власти, как расширение воли; все это приводит к неверному толкованию или вовсе не замечанию ряда связанных с ним явлений. Гораздо важнее увидеть интерфейс как эпидемиологическую конфигурацию (от греч. ἐπιδήμιος, где δαίμονι в значении «разделения», «деления»), т. е. как ряд мер вынужденных, реагирующих на нечто не до конца определенное, стихийное, но незаметно ограничивающих и трансформирующих волю, саму логику акта или прагматику действия.

Заключение. Для понимания интерфейса необходимо сместить внимание с различных плагинов, драйверов, интерактивных механик, обуславливающих эпистемологические возможности, на микропроцессы, выстраивающие интерфейс как пользовательский опыт исходя из эпидемиологических ограничений.

Ключевые слова: эпидемиология медиа, интерфейс, медиафилософия, забота о себе, концепция «паразита» (М. Серр)

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации (проект № МК-169.2021.2 «Техники заботы о себе в цифровой реальности»).

Для цитирования: Очеретяный К. А. Симбиоты цифровой среды: к эпидемиологической теории интерфейса // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 29–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-29-41.

© Очеретяный К. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Symbiotes of the Digital Environment: to the Epidemiological Theory of the Interface

Konstantin A. Ocheretyany

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
kocheretyany@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0711-644X>*

Introduction. In modern life sciences, it is impossible to ignore the problems of viruses, bacteria, parasites and their impact on the ecosystems. But the interface is a human ecosystem of the digital age and a new formation of life, which means that it also needs to be understood from subdiscursive elements, such as digital analogues of viruses, bacteria, and parasites.

Methodology and sources. Methodologically, the work is based on a philosophical analysis of the challenges and precedents of the digital field, examples of research literature, the methods of media philosophy, anarchist epistemology, and philosophical epidemiology are applied (M. Foucault, K. Kukso).

Results and discussion. The article shows that the epistemological understanding of the interface should be supplemented with an epidemiological understanding, otherwise the principles and forms of life translated into numbers will elude theory.

The interface is thought of as a condition of possibilities: discursive, instrumental, demonstrative. The interface is seen as an epistemological configuration (from the Greek *ἐπιτημί*, i.e. not just “possessing knowledge”, but “possessing”, – to establish, appoint) – as a form of power, i.e. as a series of forced measures, reacting to something not completely determined, spontaneous, but imperceptibly limiting and transforming the will, the very logic of the act, or the pragmatics of the action.

Conclusion. To understand the interface, it is necessary to shift attention from various plug-ins, drivers, interactive mechanics that determine epistemological possibilities to microprocesses that build the interface as a user experience based on epidemiological restrictions.

Keywords: epidemiology of media, interface, media philosophy, self-care, the concept of “parasite” (M. Serres)

Source of financing: the work was supported by a grant from the President of the Russian Federation (project no. МК-169.2021.2 “Techniques for self-care in digital reality”).

For citation: Ocheretyany, K.A. (2022), “Symbiotes of the Digital Environment: to the Epidemiological Theory of the Interface”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 29–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-29-41 (Russia).

Введение. Первый компас был изобретен для гадания (в том числе для поиска лучшего места для захоронения) [1, р. 19–21], а первый телефон – для общения с мертвыми [2, р. 192]; печатный станок Гутенберга по своей конструкции был аналогичен прессам, использовавшимся для отжима винограда, а аналитическая машина Бэббиджа подражала ткацким станкам его эпохи. Ни по внешнему виду, ни по функциям нельзя судить о назначении машины: за феноменальной ее стороной лежит нечто иное – собственная ее судьба; невыявленное в проявившемся. Так, М. Хайдеггер при разработке понятия феномена, акцентируя внимание на сцепке ясности и таинственности, имплицитно содержащейся в нем,

говорит «феномен – себя-в-себе-самом-показывание – означает особый род встречи чего-то» [3, с. 31]. Можно понять эти слова так, будто Хайдеггер видит в феномене процесс самораскрытия очевидного, но поскольку феномен – встреча, то остается место и для другого прочтения: феномен – не новое понимание, а новое состояние. Само привычное оказывается тогда прервано внезапным вторжением и укреплением Иного в поле обыденного опыта – отсюда феноменология тревоги, скуки, смерти; отсюда же и возможность понимать феномен как то, что захватывает нас, а не раскрывается нам, захватывает, как судьба, и потому для нас уже невозможно видеть иначе. К. Куксо, разрабатывая в своих исследованиях тот же материал нормализации обыденной жизни, на многочисленных примерах показывает, что логика социального: социальные практики, риторика и даже воображение, феноменология повседневности – с позднего Средневековья и раннего Нового времени, развивалась и формировала современные стандарты исходя из эпидемиологических вызовов, интерпретируемых необязательно (скорее, редко) в медицинских терминах, но в терминах катастрофы, упадка, т. е. вторжения судьбы и прений с ней [4]. Взятое у судьбы и обращенное против нее есть спасение; эпидемиологические вызовы образуют стандарты, поскольку превращают путем организации то, что угрожает, в то, что поддерживает; преобразуют радикально Иное в привычное. Суть эпидемиологических предприятий в таком случае состоит не в том, чтобы предотвратить вторжения радикально Иного (и здесь неважно о каком дискурсе идет речь – клиническом или эсхатологическом), а в том, чтобы научить жить с ним, в тени неизбежного, примиряя с его присутствием, вводя его в нормальный ход вещей. Бюрократия в социальном воображении – некоторым образом продолжение эпидемиологических мер. Интерфейс в цифровой реальности – продолжение бюрократии.

Методология и источники. Переход от эпистемологии интерфейса к эпидемиологии интерфейса означает возможность увидеть, как хрупки способы сосуществования с Иным и в какой мере интерфейс подчинен не прагматике, т. е. не раскрытию феноменов, а эсхатологии – тому, как цифровые феномены захватывают нас. Понять интерфейс эпидемиологически, а не эпистемологически означает совершить поворот от рассмотрения того, что он раскрывает в качестве возможностей, к тому, что он вводит как норму, с тем, что он оставляет воображению, с чем он примиряет и вынуждает жить. Поражение, проникновение, захват, влияние на поведение традиционно связывают с вирусами и... с настроениями. Говорят: «Поразило горе» – необязательно значит, что объективно что-то произошло, но что-то случилось в самом субъекте. Также говорят: «Поразил вирус» – необязательно что-то случилось в субъекте (в смысле проявилось), но объективно произошло. Если настроение принадлежит «субъективному миру», а вирус – «объективному миру», то можем ли мы говорить о гипотетическом агенте, совмещающем свойства настроения и вируса и имеющем место в цифровой реальности как в технологии, совмещающей природные силы (электромагнетизм) с символично-культурным творчеством (дизайн интерфейсов)? По всей видимости, такой гипотетический агент, совмещающий функции вируса (как неклеточного инфекционного агента, воспроизводящегося только внутри клеток) и настроения (как того, без чего вещи и явления не достигают полноты бытия, но актуализирующегося только в субъекте и при этом выводящее субъект за пределы самого себя к радикально Иному или к самим вещам), обнаруживается в ошибке, системном сбое, получившем название глюк или более точно глитч.

М. Феррарис, объединяя концепции Дж. Серля и Ж. Деррида, показывает, что вещи даны нам как социальные акты, существующие в виде свидетельств/документов. Наиболее очевидно это в контексте цифровой реальности, где, во-первых, каждый объект – это особый документ, т. е. некая запись или программа; а во-вторых, социальная реальность благодаря документальному реализму, воплотившемуся в цифре, может развиваться и вне субъектов, а тенденции или процессы – иметь место, даже если никто себя с ними не соотносит. Однако встает вопрос: если реальность определена документами, документы учитывают не только обязанности, но и права, то цифровой документализм – превращение документов в программы [5], чреват сокращением или даже нивелированием прав и увеличением обязанностей.

Глитч, системный сбой – в таком случае единственный актер обновления, ключ к вариантологии (если не к свободе). А глитч-оптимизм подразумевает, что цифровая реальность обладает достаточной степенью алеаторности даже среди документального реализма: глитч становится источником непредвиденных казусов, что позволяет говорить об автономии цифровых объектов и их особом пути эволюции. Например, А. Р. Латыпова, исследуя вопросы эволюции цифровых медиа, показывает, что мы, скорее, не предписываем цифровым объектам их свойства, а встречаемся с ними или открываем их [6]. Проведем параллель: вирусы в природе крайне опасны для отдельных живых организмов, но в целом для экосреды выступают посредником нормальных отношений ее элементов, обеспечивают рост и развитие путем регуляции численности живых организмов, их утилизации; убивая каждый день примерно 20 % всей живой биомассы в океане, поставляют питательные вещества новым организмам и тем самым поддерживают жизнь на Земле. Также и глитч, с одной стороны, подобен вирусу, т. е. обладает регулятивной силой, способностью поставлять питательные вещества и вообще быть посредником обмена, а с другой – подобен настроению, т. е. выдвигает в некую тональность, окрашенность мира, которую необходимо принять и которую нельзя переключить только по своему желанию, с которой, напротив, необходимо соизмеряться, как с ритмом.

В цифровой среде глитч действует как агент отбора, вводящий случайность и алеаторность в детерминированные структуры, он служит ритмом социальной динамики, развертывающейся в интерфейсе, и одновременно заражает настроением – предопределяет способы проживания и интерпретации феномена. Неудивительно, что любой дизайн интерфейса имеет поправку на глитч. Удивительно, что часто он выступает глитч-компромиссом. Когда перечисляют основные недостатки дизайна интерфейса обычно указывают: 1) неотзывчивость (взаимодействие будет медленным и неуклюжим); 2) сложность (трудно понять); 3) неопределенность (неясно, куда пользователь должен идти дальше); 4) непоследовательность (страницы будут выглядеть по-разному, отталкивая пользователей); 5) недоступность (слишком маленький размер шрифта, неправильный выбор шрифта, плохие цветовые схемы). Все это ошибки планирования. Гораздо более интересны ошибки программные – сбой, глитч, высвобождающие спонтанность, и такие же стихийные ошибки пользователя. Подобно фрейдовскому анализу опечаток и оговорок, за ними стоит не дефицит внимания, не неразумность, а контуры иного разума. Дон Норман, размышляя о дизайне вещей, показывает, что чаще всего пользователи сталкиваются с промахами (намерение выполнить одно действие и выполнение, в итоге, вместо него другого) и ошибками (развитие ментальной

модели, не соответствующей тому, как в действительности функционирует предмет или работает программа; цели, которых пытаются достичь, просто не соответствуют ситуации). Если применить его теорию к дизайну цифровых оболочек, то интерфейс предстанет как компромисс программных ошибок и ошибок пользователей.

Если цифровые объекты подчинены глитч-эволюции, то модели поведения в цифре – глитч-компромиссы. Понять интерфейс эпидемиологически означает увидеть, что мы, скорее, привыкаем к цифровым объектам и заражаемся их свойствами, чем предписываем им их (т. е. подстраиваемся поведенчески под их вызовы), а ресурсы интерфейса направлены не на разрешение объективных коллизий, а на выработку интересубъективных компромиссов между питаемым цифрой социальным воображением. Эпидемиологические меры – скорее, не рационализируют явление, не овладевают им, а примиряют с ним, позволяют с ним жить: так интерфейс становится квазинеобходимостью, угрожающей перейти в разряд выученной беспомощности, из технической платформы интерфейс может перейти в статус этической инстанции.

В социальной психологии известен эксперимент Стэнли Милгрэма (Йельский университет) [7]. Его представляли как эксперимент по влиянию боли на память: участник должен был нажимать на кнопку и наносить удары электрическим током разной степени интенсивности по «ученику» (в действительности не подключенному к электродам, а только имитирующему страдания) за «неправильные» ответы (или промедления с ответом) с поощрения «учителя» (ученого и руководителя эксперимента). Результаты эксперимента показали, что большинство участников вместо проявления жалости к жертве, скорее, ищут поощрения у учителя (возможно латентного садиста) и стремятся увеличить степень насилия, для того чтобы этого поощрения достичь. То есть цель эксперимента (выяснение зависимости памяти от боли) отходит на второй план, по сравнению с признанием (пусть даже анонимного ученого, но через него – стоящей за ним Институтции и Знания) и главное – желанием дойти до предела, пусть даже путем деструкции.

Подобное произошло и с интерфейсом: он чаще предстает как легитимирующая наши действия инстанция, с его помощью мы надеемся обрести контроль над цифровой средой, но своими действиями увеличиваем невозможность такого контроля, поскольку действие не находит противодействия, а следовательно, удовлетворения. Из инструмента действия интерфейс угрожает стать инструментом деструкции. Уже первые опыты отцов-основателей интерфейса В. Буша (материализованные метафоры, экраны, столы, стекла), Д. Энгельбарта (манипуляторы), а затем и С. Возняка (графический интерфейс файлов, папок, курсора, движений вращения и перемещения элементов) показывают, что интерфейс развивался по вектору отказа от контроля при парадоксальном возрастании дисциплины; ведь суть контроля – в ограничении, а дисциплины – в поддержании оптимального состояния. Интерфейс же наращивает дисциплину для снятия всякого контроля, он должен был дать безграничную власть, но дает, скорее, безграничный случай. Наша психология устроена так, что чем больше мы отправляем команд, тем больше чувствуем уверенность, ответственность, решимость, а возможно, и вину за принятые решения. В доведенной до абсурдного предела действительности интерфейса эти отношения искажаются: рост отправки команд совпадает с отсутствием уверенности и отказом от ответственности; решений никаких уже нет, в интерфейсе события просто случаются,

а мы просто отвечаем на них, что чревато не удовлетворением, а, скорее, утомлением, хроническим ростом утомляемости, не мы делаем нечто, а с нами происходит нечто. Парадокс заключается в том, что мы занимаем королевское место оператора и обладаем всеми возможными инструментами для того, чтобы отправлять команды, вместо этого мы едва успеваем отвечать многочисленным изменениям, происходящим внутри интерфейса.

Влиятельный психоаналитик У. Бион, развивая мысль Фрейда о сне как ключевой для понимания человеческой деятельности формы, замечает, что в определенных психотических состояниях логика сна переносится в логику бодрствования: тогда объекты могут не только восприниматься субъектом, но и навязчиво ему являться как странные, причудливые. Они подобны объектам, встречаемым в сновидениях, субъект уже не противопоставляет их себе, а, скорее, заслонен от себя ими; сами же они – побочные продукты разорванных связей, создают расколотый мир. Интерфейс способен создать такой невыносимый мир – мир, где субъект своими действиями заслонен от себя, где все что он создает – сновидческие объекты, которые владеют им, как мания; и сам он оказывается странным субъектом, т. е. противником (агрессором или садистом) по отношению к самому себе. Развивая свою теорию мышления как превращение бета-элементов (неметаболизированный аффективный опыт) в альфа-элементы (мысли, которые можно обдумывать), Бион отказывается от привычной установки в отношении к интерпретации мышления как абстрактного психического процесса и показывает мышление как всякий раз заново устанавливаемую живую связь: мышление – не вынесение понятий, а попытка справиться с мыслями, в том числе надежда на определенный эмоциональный оптимум. Таким образом, мышление – не набор возможностей, а, скорее, гармоническая система, подобная иммунной системе. Если мы видим в интерфейсе только новую среду активных действий или новую форму рефлексии, то промахиваемся мимо основы его функции – иммунной.

Интерфейс следует понимать не только как среду активных действий и множущихся парадоксальных объектов, но и как среду жизни, находящуюся в поисках баланса, установления живых связей, как иммунную систему. Известно, что многочисленные изменения живой оболочки Земли не понять вне учета деятельности бактерий: они ответственны за образование почв, разложение отжившего, т. е. за его реактуализацию в живых системах – за создание систем защиты, поддержания и возобновления жизни. Д. Сивков, опираясь на концепции П. Слоттердайка, Р. Эспозито, Д. Напье, обнаруживает традицию философской иммунологии: отыскание принципов построения материальных и символических сфер, парадигм иммунизации, утверждающих свое и чужое, а также принципов взаимодействия между ними [8, с. 175]. Так же, как мышление в интерпретации Биона, – это установление живых связей, т. е. возможность справляться с мыслями, то иммунизация в отношении к материальным и символическим сферам есть способность справляться на уровне поведения с абсурдностью вызовов цифровых объектов. Ранее мы говорили, что эпидемиологическое понимание интерфейса – это, скорее, подход к нему не с точки зрения возможностей, а с точки зрения квазиэтических мер, которые он устанавливает и к которым вырабатывает привычку (нормы и необходимости, которые в крайнем случае могут быть основанием для выученной беспомощности). Но помимо «внешних» эпидемиологических мер, есть «внутренние» – иммуностимулирующие меры, в отношении к интерфейсу это означает не только

меры предупреждения опыта переживания цифровых объектов, нормализация их, примирение с ними, но и меры присвоения состояний, порожденных в цифре или точнее присвоение, опознавание того, что случилось с субъектом в цифре и по правилам цифры как свое, порожденное самим субъектом.

Было бы не совсем верно считать, что интерфейс в режиме иммунизации предстает как защитная инстанция, служащая субъекту неким фильтром, распознающая чужое как чужое, удерживающая его на расстоянии или превращающая его в свое. В таком случае интерфейс воспринимался бы как некая сила, существующая до всяких вызовов. В действительности он продукт этих вызовов, т. е. его задача – фильтровать не вызовы, направленные на субъекта, но самого субъекта, т. е. через интенсификацию вызовов выводить его наиболее жизнеустойчивые формы: риторика безопасности, контроля и чрезвычайного положения – риторика не только биополитики, но и селективных стратегий субъективности, характерных для интерфейса [9]. Более того, оказывается, что самым эффективным результатом порождения субъекта как цифрового гибрида адаптивного и пластичного является столкновение его с самим собой, самоидентификация через самоинтенсификацию, а ключевой стратегией такого столкновения является аутоиммунизация. Ссылаясь на Ж. Деррида, Д. Сивков показывает, что ключевым этапом любой иммунной системы является не столько поглощение другого для его нейтрализации, но главным образом отторжение самого себя для реактуализации, для возобновления витального цикла на новом уровне, провокативном, странном, эволюционном [8, с. 178]. «Аутоиммунитарный процесс – странное поведение, когда живое существо, в квазисуицидальной манере, “само” работает на разрушение своей защиты, иммунизируя себя от своего “собственного” иммунитета» [10, р. 94].

Интерфейс привязывает субъекта к себе одновременно через его отчуждения от себя самого и соблазнения своим отчужденным образом. Отчуждение в интерфейсе происходит не через труд, а через заботу. Потенциально интерфейс ориентирован на то, чтобы быть иммунной системой цифрового субъекта, но чаще иммунизация в нем идет до предела, превращаясь в аутоиммунизацию. Тогда он не защитная оболочка, а, скорее, испытательный полигон субъективных возможностей, превентивная радикализация субъекта и его столкновение с самим собой для селекции цифровых форм субъективности. Эпидемиологический подход к интерфейсу с ориентацией на принципы иммунитета и аутоиммунитета способен перевернуть вопрос: спросить не «что субъект может делать в цифре?», а «что делается с субъектом в цифре?», «какие его материальные и символические конфигурации остаются, а какие вытесняются?». Подобно тому как оригинал – это часто исключенные копии, не в смысле победы общих мест, а в смысле актуализации сил вне положенных оригиналу, но узнаваемых в нем, также и субъект, формирующийся в цифре или предстающий в виде остатка – остаточный субъект. Он обнаруживает условное постоянство, потому что на языке цифры отвечает внецифровому запросу. Или если делать более радикальное предположение и видеть в цифре тотальную мобилизацию социокультурного, символического и даже витального ресурса, то следует сказать, что остаточный субъект – тот, кто на языке цифры формирует внецифровой запрос. Существовая по закону цифры, он воспринимается как предмет желаний, существующий по ту сторону цифры.

Результаты и обсуждение. Интерфейс, по отношению к цифровым объектам представляет собой комплекс эпидемиологических мер, направленный не столько на то, чтобы воздействовать на эти объекты или использовать их, но на то, чтобы просто жить с ними, несмотря на их парадоксальность и странность. Интерфейс по отношению к цифровому субъекту – это набор иммунных систем и аутоиммунных вызовов. По логике аутоиммунитета субъект воспринимает самого себя как опасность: в такой ситуации ему важно не сделать нечего, а устранить последствия действия, и странность интерфейса как раз заключается в том, что возникновение объектов в них оказывается внезапным и катастрофическим, а действия субъектов подобны последствиям устранения катастрофы: чем больше субъект пытается выдержать вызовы цифровых объектов, т. е. справиться с реальностью, тем более противоречив он оказывается по отношению к самому себе, странен для самого себя. Если на уровне внешних эпидемиологических норм речь шла о достижении консенсуса, введении компромиссных мер, влияющих на поведение по отношению к цифровым объектам, то на уровне внутреннего иммунного ответа речь идет уже не столько о компромиссном субъекте, сколько о субъекте превентивной странности. Для того чтобы странные объекты (в терминологии Биона) не подавляли субъекта, не психопатологизировали его активность, он должен сам оказаться смещенным – странным субъектом, который между опытом и откликом производит шум, растущую неопределенность – селективные стратегии интерфейса: подлинная гармония интерфейса состоит в дисгармонировании субъекта, его самопровоцировании. Однако в этой странности субъекта – в противоречии между сокрытием следов присутствия субъекта и их постоянного проявления, обнаруживается некий ритм, интенсификация чувства жизни.

Мы обращаемся к интерфейсам не потому, что с их помощью можем сделать нечего, но потому что можем пережить привычное в нас, как еще неведомое нам. Субъект ищет в интерфейсе не инженерных решений, а мифолого-символического бриколажа, средств для провоцирования странности. Он надеется не на сбой программы, а на сбой своих установок: вся логика цифрового и сетевого поведения есть стремление к распадению субъекта, как оригинала на копии, как текста в дальнем чтении, где сквозь оригинал надеются обнажить великое молчание непрочтенного. И в этом непрочтенном он надеется увидеть тайну своей природы: отказываясь от последствий своих действий, делаясь самому себе странным, он надеется вернуться к себе. В архаике человек прибегает к наркотикам, надеясь растоптаться с культурными нормами, ставшими репрессивной второй природой (и как бы вернуться в первую, т. е. начать проект культуры с чистого листа). В мире больших данных и умных технологий человек обнаруживает себя в ситуации, когда его собственная животная природа также непонятна ему (и даже обращена против него), как и последствия его культурных технологий. Соответственно, цифровые технологии должны помочь человеку нащупать диалог со своим животным ядром. Если интерфейс – интенсификация чувства жизни, то он позволяет установить начало диалога с живым, а возможно, он только и существует как надежда на этот диалог. Эпидемиологические меры или работа иммунных систем, понятых в символическом и технологическом ключе, – это диалог с живым, выраженный интерфейсом. Сюда же, к доступному интерфейсу средствам диалога с живым, можно отнести и проблему, смежную для наук о жизни и системах коммуникации, – проблему паразита.

М. Серр предложил использовать понятие «паразит» для прояснения ряда не вполне прозрачных аспектов функционирования коммуникативных систем. Еще до изобретения интерфейса (точнее, до его технической реализации, поскольку интерфейс как поведенческий опыт пользователя был продуман к середине 1940-х гг.) К. Шеннон и У. Уоррен в 1949 г. предложили использовать понятие информационной энтропии как меры неопределенности состояния или поведения системы, т. е. неопределенность в сообщении, противопоставив ей информацию как такую коммуникацию, в ходе которой неопределенность уменьшается. Процесс передачи информации в системе в соответствии с теорией коммуникации Шеннона–Уоррена состоял из следующих моментов: источник сообщения; передатчик или кодировщик, преобразующий сообщения в сигналы; канал как средство передачи сигнала; декодер или ресивер, реконструирующий сообщение из сигнала; персона или аппарат, получающий сообщение. М. Серр в 1980-х гг. включает в теорию коммуникации паразита, для того чтобы освободить ее, с одной стороны, от статуса технической и математической модели, а с другой – депсихологизировать и десоциологизировать ее. Речь идет уже не о связи культурной практики с вероятностным познанием, а о существовании неопределенности как самостоятельной сущности, субстанциализации неопределенности или рождении энтропийных конденсатов. Согласно Серру, паразит – посредник сообщения, тот, кто его искажает, и тот, кто, как «незванный гость», в нем проявляется: из акцидентальных искажений рождается новая субстанция, и в ретроспективе оказывается, что большие системы скорее обслуживают таких паразитов, являются их синтезаторами. Паразитизм интегрален для систем, он делает нефункционирование существенным элементом функционирования [11, р. 193], ведь помехи, приращение шума – это случайность, тяготеющая стать необходимой, получить автономию и уже оказывать влияние не в негативном, а в креативном смысле.

Наши коммуникативные практики пронизаны такими паразитами – энтропийными конденсатами, квазисубъектами, и чем большее они получают влияние, тем большего они требуют от нас ресурса для роста и развития. Сами интенсивные техники коммуникации с их всеобщностью и необходимостью питают собой самых крупных паразитов и, соответственно, уже не они, получая власть и влияние, действуют как квазисубъекты, а сам пользователь становится в своих воле и представлении квазисубъектом, т. е. он наиболее слаб в своей мощи.

Можно сказать, что элементы интерфейса, определяющие опыт взаимодействия с цифрой, – это квазисубъекты, однако они превращают самого пользователя в квазисубъект. В некотором смысле это паразиты, которые действуют так, что паразитом себя считает их носитель. В данном случае надо дойти до предела или до абсурда и рассмотреть пользователя как действительного паразита, сосуществующего с этими квазисубъектами, т. е. представить его практики и техники взаимодействия с цифрой, привычно интерпретируемые как всеобщие, необходимые и утилитарные как остаточный шумовой эффект, как энтропийный конденсат. Параллельно процессу освоения интерфейса пользователями шло освоение пользователей интерфейсом, такая колонизация пользователей неизбежно вела к стандартизации практик взаимодействия с интерфейсом. Дело в том, что программы быстро становились не только технологическим и культурным продуктом, но и продуктом коммерческим,

преследующим тотальную вовлеченность, всеохватность, а значит, ясность, прозрачность и доступность, в том числе паразитарного свойства, превращающие пользователя в квазисубъект. Однако именно это квазисубъективность потенциально дает возможность исследовать условия субъективности, в том числе субъекту двигаться не от себя, но к себе, к своим истокам. Цифровая реальность в мнимой поверхности скрывает слои субъективности, которые могут быть раскрыты.

Интерфейс – не расширение чувственности, а сужение ее вариантов, он дает о себе знать не как результат конвенциональных решений, а как паразит: возникает не из коммуникации, а из шумов. Следовательно, важно не то, что учредило интерфейс, а какие варианты интерфейса в ходе этой паразитарной коммуникации были вытеснены и почему? Какие варианты могут вернуться? «История цивилизации не следует единственному и неизбежному божественному плану. Слой гранита, под которым не существует глубинных, переливающихся различными красками слоев, неприемлем. История медиа не есть выражение какой-то всемогущей тенденции от простого к сложному. <...> Вместо того, чтобы настаивать на обязательности трендов, мейнстрим-медиа и неизбежных перспектив, следует искать индивидуальные вариации. Или же мы должны найти в исторических мастер-планах повороты и разрывы, которые могли бы стать полезными импульсами для движения сквозь лабиринт устоявшегося. В долгосрочной перспективе отдельные генеалогии должны прийти к некоей вариантологии медиа и искусств. Остается надеяться, что такая вариантология станет действенной альтернативой устоявшимся стандартизациям» [12, с. 30].

Для того чтобы не быть паразиту хозяином, пользователь должен использовать свои возможности не для питания сложившихся интерфейсов, а для их деконструкции. Пионеры GUI (графического интерфейса) Энгельбарт, Паперт, Кей и Возняк ориентировались в своих разработках на то, чтобы удобный интерфейс не закрывал комфортом доступ к компьютеру/программе во имя пользователя, а давал основания партисипативного дизайна, вовлекал пользователя в архитектуру, привлекал к созданию собственных инструментов и приложений. Предполагалось, что интерфейс, деконструируя устоявшуюся социокультурную метафорику и визуализируя (обнажая) паттерны поведенческого мышления, как бы дезавуирует их, обнаруживает всю их бедность, а человеку дает средства для их переизобретения. Интерфейс мыслился как медиа, которое работает не как посредник, а как средство превращения нашего сознания и тела в проводниковую среду для новых смыслов, что целиком совпадало с психоделическим духом эпохи, контркультурными тенденциями, восторгом перед космическими технологиями, преодолением видовой ограниченности и поиском новых форм социального взаимодействия.

Лори Эмерсон из Университета Колорадо исследует *wetware* – деактуализированные техники тела. Говоря о задачах своего проекта, она отмечает: «Я пытаюсь побудить посетителей немного переосмыслить свой опыт, вместо того чтобы навязать настоящее прошлому, чтобы вместо этого испытать трение, которое существует между нашим сегодняшним взаимодействием с этими машинами и тем, как производители изначально представляли и даже предписывали нам взаимодействовать. Например, руководства лаборатории для Apple Macintosh, выпущенные в 1984 г., подробно описывают на многих страницах, как выполнять двойной щелчок, как научить свой палец щелкать очень быстро, и что такое окно или файл. Чтение руководств сродни посещению чужой страны, с тем отличием, что в данном

случае вы не знакомы с местностью, где уже живете. Внезапно вы начинаете думать: “Ого, щелчок – неестественный жест; был момент, когда людям действительно приходилось осознанно думать об этом жесте и тренировать свое тело, чтобы адаптироваться к этому физическому действию”» [13, p. 3218].

Заключение. Интерфейс, рассмотренный как среда квазисубъектов (паразитов), позволяет увидеть в нем за «эффективностью» «странность» функционирования, набор индивидуальных вариаций, шумов, – вытесненность того, что было им альтернативой. И паразит здесь – не просто метафора. Идеальные технологии не отличаются по своему действию от природных сил, растворяются в среде, невидимы, ведь цифра не надстраивается над природой, а встраивается в нее, усваивается ею, поэтому и речь идет о эпидемиологическом и экологическом аспектах, а не только о технологическом. Эпидемиологическая теория интерфейса позволяет выявить, без каких квазисубъектов не существует цифровой субъект, что мы отдаем цифре, чем жертвуем и что получаем взамен. Важно понять, что в нашей природе питает квазисубъектов, что позволяет им проявиться и утвердиться как то, в чем мы узнаем себя и свои до их возникновения неререфлектируемые понятия и образы. Расшифровка паразитарной логики квазисубъектов в цифровом опыте интерфейса могла бы стать ключом к пониманию наших живых связей и жизненных энергий, особенностей их баланса в рамках технических и коммуникативных систем, и тогда цифра стала бы не расширением технологического арсенала цифровой культуры, а углублением в нашу природу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gurney A. *Compass: A Story of Exploration and Innovation*. NY; London: Norton, 2004.
2. Ronell A. *The Telephone Book: Technology, Schizophrenia, Electric Speech*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1989.
3. Хайдеггер М. *Бытие и время* / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ад Маргинем, 1997.
4. Куксо К. А. Языки эпидемического бедствия // *Вестн. Русской христианской гуманитар. акад.* 2021. Т. 22, № 2. С. 64–73. DOI: 10.25991/VRHGA.2021.22.2.011.
5. Caffo L. Foreword // *The Monist*. 2014. Vol. 97, iss. 2. P. 159–160. DOI: <https://doi.org/10.5840/monist201497210>.
6. Латыпова А. Р. Между метафорой и глитчем: цифровая эволюция медиа // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57, № 2. С. 162–178. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057228>.
7. Milgram S. Behavioral Study of Obedience // *The J. of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Iss. 67 (4). P. 371–378. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0040525>.
8. Сивков Д. Ю. Парадоксы аутоиммунитета. Предисловие к переводу Эда Коэна // *Социология власти*. 2014. № 4. С. 174–181.
9. Ленкевич А. С. «Ты в своем теле?!». Исследование биополитического дизайна интерфейсов // *Galactica Media: J. of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 2. С. 141–165. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.160>.
10. Derrida J. *Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida // Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 2004. P. 85–136.
11. Serres M. *The Parasite*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1982.
12. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.

13. Kirby J. As If, or, Using Media Archaeology to Reimagine Past, Present, and Future: An Interview with Lori Emerson // *International J. of Communication*. 2016. Vol. 10. P. 3216–3229.

Информация об авторе.

Очеретяный Константин Алексеевич – кандидат философских наук (2015), старший преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 55 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиареальность; техническое бессознательное; эпистемология медиа; технологические и идеологические интерфейсы; экранированная чувственность, медиальная конфигурация телесности; телесно-ориентированные эпистемологии; (ир)рациональные тактики коммуникации в медиа; осетевленное сознание; герменевтические функции компьютерных игр; цифровая культура.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 31.05.2022; принята после рецензирования 28.06.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Gurney, A. (2004), *Compass: A Story of Exploration and Innovation*, Norton, NY; London, USA.
2. Ronell, A. (1989), *The Telephone Book: Technology, Schizophrenia, Electric Speech*, Univ. of Nebraska Press, Lincoln, USA.
3. Heidegger, M. (1997), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Ad Marginem, Moscow, RUS.
4. Kukso, K.A. (2021), "The Languages of Epidemic", *J. of the Russian Christian Academy for the Humanities*, vol. 22, no. 2, pp. 64–73. DOI: 10.25991/VRHGA.2021.22.2.011.
5. Caffo, L. (2014), "Foreword", *The Monist*, vol. 97, iss. 2, pp. 159–160. DOI: <https://doi.org/10.5840/monist201497210>.
6. Latypova, A.R. (2020), "Between Mutation and Glitch: Digital Evolution of Media", *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 57, no. 2, pp. 162–178. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057228>.
7. Milgram, S. (1963), "Behavioral Study of Obedience", *The J. of Abnormal and Social Psychology*, iss. 67 (4), pp. 371–378. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0040525>.
8. Sivkov, D.Yu. (2014), "Paradoxes of autoimmunity. Preface to Ed Cohen's translation", *Sociology of Power*, no. 4, pp. 174–181.
9. Lenkevich A.S. (2021), "'Are you in your body?!'. The study of Biopolitical Interface Design", *Galactica Media: J. of Media Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 141–165. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.160>.
10. Derrida, J. (2004), "Autoimmunity: real and symbolic suicide: a dialogue with Jacques Derrida", *Philosophy in a time of terror: dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida*, Univ. of Chicago Press, Chicago, London, USA, pp. 85–136.
11. Serres, M. (1982), *The Parasite*, Johns Hopkins Univ. Press, Baltimore, USA.
12. Zielinski, S. (2019), *Archäologie der Medien: Zur Tiefenzeit des technischen Hörens und Sehens*, Transl. by Skuratov, B., Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva "Garazh", Moscow, RUS.
13. Kirby, J. (2016), "As If, or, Using Media Archaeology to Reimagine Past, Present, and Future: An Interview with Lori Emerson", *International J. of Communication*, vol. 10, pp. 3216–3229.

Information about the author.

Konstantin A. Ocheretyany – Can. Sci. (Philosophy) (2015), Senior Lecturer at the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 55 scientific publications. Area

of expertise: media reality, technical unconscious, epistemology of the media, technological and ideological interfaces, screened sensuality, medial configuration of corporeality, body-oriented epistemologies, (ir)rational tactics of communication in the media, ossified consciousness, hermeneutic functions of computer games, digital culture.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 31.05.2022; adopted after review 28.06.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 165; 167; 004.9; 008; 009
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-42-50>

Цифровой этикет: образовательные стратегии

Станислав Николаевич Почебут

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
sniper2711@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4608-0256>*

Введение. Современная цифровая реальность предъявляет свои требования к современной парадигме получения знаний, что с необходимостью объективирует роль и значение социально-гуманитарной и воспитательной составляющих образовательного процесса, в том числе через обучение молодого поколения цифровому этикету – поведенческой культуре в практиках сетевого взаимодействия. В статье анализируется специфика образовательных стратегий применительно к обучению цифровому этикету в рамках школьного и высшего образования.

Методология и источники. Работа базируется на применении методологии аксиологического, междисциплинарного, институционального и системного подходов к рассмотрению процессов обучения цифровому этикету в зависимости от специфики каждой из подсистем образовательного процесса, в частности школьного и высшего образования. Исследование осуществлено на материале отечественных и зарубежных источников, научных публикаций и сайтов. Например, речь идет о таких специалистах, как Д. Стиллман, Дж. Стиллман, П. Доэрти, В. Ши, О. Лукинова, Р. И. Мамина и многих других.

Результаты и обсуждение. На основе представленного в статье анализа специфики образовательных стратегий таких институциональных структур, как школа и высшая школа (ВШ) анализируется специфика обучения цифровому этикету применительно к каждой из указанных подсистем образовательного процесса, определяются основные тенденции развития цифрового этикета как цифрового гуманитарного знания. В качестве основных тенденций можно выделить активные попытки внедрения цифрового этикета в образовательный процесс, а также появление новых стратегий обучения цифровому этикету поколения Z как основного субъекта обучения современной образовательной среды в рамках школьного и высшего образования.

Заключение. В условиях новых реалий актуализируются роль и значение поведенческой культуры в цифровом пространстве современного социума, в первую очередь это касается представителей молодого поколения – поколения Z, которое определило персональную свободу как главную ценность в практиках своего бытия. В этой связи возрастает роль и значение воспитательной компоненты современного образовательного процесса, важной составляющей которой является обучение цифровому этикету в рамках школьного и ВШ-образования. При этом речь идет о разных образовательных стратегиях в школе и ВШ. В целом независимо от специфики образовательных подсистем и их стратегий обучение цифровому этикету – это обучение цифровому гуманитарному знанию, которое представляет собой единство образовательного и воспитательного процессов, что отражает вызовы новой эпохи.

© Почебут С. Н., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: философия образования, цифровые технологии, поколение Z, образование, образовательные стратегии, цифровые гуманитарные науки, цифровой этикет

Для цитирования: Почебут С. Н. Цифровой этикет: образовательные стратегии // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 42–50. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-42-50.

Original paper

Digital Etiquette: Educational Strategies

Stanislav N. Pochebut

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
sniper2711@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4608-0256>*

Introduction. The modern digital reality imposes its own requirements to the modern paradigm of knowledge acquisition, which with necessity objectivizes the role and importance of social-humanitarian and educational components of the educational process, including through teaching digital etiquette – behavioral culture in practices, networking. The article analyzes the specifics of educational strategies in relation to teaching digital etiquette within school and higher education.

Methodology and sources. The paper is based on the application of axiological, interdisciplinary, institutional and systemic approaches to the consideration of digital etiquette learning processes depending on the specifics of each subsystem of the educational process, in particular school and higher education. The research is based on the materials of domestic and foreign sources, scientific publications and websites. In particular, papers of such specialists as D. Stillman, Jo. Stillman, P. Doherty, V. Shi, O. Lukinova, R.I. Mamina and many others are analyzed.

Results and discussion. Based on the presented in this article analysis of the specific educational strategies of such institutional structures as school and WSB, the specificity of digital etiquette learning in relation to each of these subsystems of the educational process is analyzed, the main trends of digital etiquette as a digital humanistic knowledge are determined. The main trends include: active attempts to introduce digital etiquette into the educational process, as well as the emergence of new strategies for teaching digital etiquette to generation Z, as the main subject of learning in the modern educational environment within school and higher education.

Conclusion. The new realities actualize the role and importance of behavioral culture in the digital space of modern society; first, it concerns the representatives of the young generation – generation Z, which has defined personal freedom as the main value in the practices of their existence. In this regard, the role and importance of the educational component of the modern educational process, an important component of which is the teaching of digital etiquette in the framework of school and HS-education, is increasing. In this case we are talking about different educational strategies in school and HS. In general, regardless of the specifics of educational subsystems and their strategies, teaching digital etiquette is the teaching of digital humanities knowledge, which is a unity of educational and educational, which with necessity reflects the challenges of the new era.

Keywords: philosophy of education, digital technologies, generation Z, education, educational strategies, digital humanities, digital etiquette

For citation: Pochebut, S.N. (2022), "Digital Etiquette: Educational Strategies", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 42–50. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-42-50 (Russia).

Введение. Современная цифровая реальность предъявляет свои требования к сложившейся в настоящее время парадигме получения знаний. Процессы трансформации образовательной среды направлены на кардинальные изменения в содержании образовательного процесса, актуализации новых форм и форматов подачи учебного материала, новых методиках преподавания, технологическом и ресурсном обеспечении и др. В новых условиях возрастают роль и значение социально-гуманитарной и воспитательной составляющих современной парадигмы получения знаний. При этом в первую очередь речь идет о формировании цифровой культуры, в частности через обучение цифровому этикету молодого поколения – поколения Z, или поколения *phygital*, как основного субъекта обучения современной образовательной среды.

Известный американский специалист Д. Стиллман, занимающийся проблемами поколений на протяжении 20 лет, особо подчеркивает, что новая генерация не только вообще не видит разницы между виртуальным и реальным, но и не мыслит себя вне среды *phygital*. *Phygital*-взаимодействие представляет собой объединение двух реальностей – физической (*Physics*) и цифровой (*Digital*), что стало возможным в условиях Сети нового поколения – *Web 3.0*. Основываясь на результатах специальных исследований, Стиллман делает вывод, согласно которому *phygital*-взаимодействие является одной из ключевых характеристик поколения Z, отсюда и еще одно его новое название – поколение *phygital* [1].

В качестве других ключевых характеристик нового поколения Стиллман называет и такие его коммуникативные характеристики, как персонализация, практичность, мотивированность и другие, особо подчеркивая, что все эти характеристики так или иначе детерминированы особенностями *phygital*-взаимодействия [1, с. 90]. Однако развитие цифровых технологий определило не только новые коммуникативные характеристики поколения Z, детерминированные *phygital*-взаимодействием, но и ценностные ориентиры нового поколения, главным из которых стала особая направленность на себя и, как следствие, свобода как главная поведенческая ценность в реальных и виртуальных практиках его бытия, его потребностей, его стремлении к самореализации.

В этих условиях актуализируется значение социально-гуманитарной и воспитательной составляющих образовательного процесса. В этой связи важен вопрос обучения молодого поколения поведенческой культуре в практиках реального и сетевого взаимодействия. В рамках данного исследования обучение цифровому этикету рассматривается на примере школьного и высшего образования как относительно самостоятельных образовательных подсистем и как составляющих единого системного поля образовательного процесса.

Методология и источники. Работа базируется на применении методологии междисциплинарного, институционального и системного подходов к рассмотрению процесса обучения цифровому этикету. Исследование осуществлено на материале отечественных и зарубежных источников, научных публикаций и сайтов. В частности речь идет о таких специалистах, как Л. М. Джонс, К. Ж. Митчелл, С. А. Рай, П. Доэрти, В. Ши, О. Лукинова, Р. И. Мамина и многих других.

Результаты и обсуждение. Рассматриваются образовательные стратегии обучения цифровому этикету поколения Z как основного субъекта обучения современной образова-

тельной среды в рамках школьного и высшего образования, выявляется специфика этих стратегий в рамках каждой из подсистем в образовательной системе как единого целого.

Цифровой этикет: образовательные стратегии в школе. О необходимости преподавания цифрового этикета в школе говорят и отечественные, и западные специалисты не только потому, что многие школьники проводят огромное количество времени в Интернете, важно, чтобы они знали о последствиях бездумного взаимодействия с цифровой средой. Однако в настоящее время ни в начальных, ни в старших классах нет отдельного предмета «Цифровой этикет» или «Цифровое воспитание», эти специальные знания интегрированы в другие предметные области школьного образования, а также в компьютерные факультативы, в программы школ полного дня, приложения для онлайн-обучения и др. Этому есть объективные причины: цифровой этикет – новый коммуникативный феномен цифровой эпохи, как полноценное предметное знание он еще находится в стадии становления и оформления, что и является предметом исследования. Тем не менее обучение основам цифрового этикета (при этом речь идет только о некоторых основах), которое сегодня происходит опосредованно через другие предметные знания, в совокупности с цифровой грамотностью становится важной составляющей школьного образования. Специфика образовательных стратегий обучения, основ цифрового этикета в рамках школьного образования включает в себя методический и методологический аспекты.

С позиций методического аспекта специалисты говорят о трех рамочных подходах, разработанных для учебных заведений с целью внедрения основ цифрового этикета в образовательный процесс. Основное внимание акцентируется на академической успеваемости учащихся, их взаимодействии в рамках образовательной среды и поведении вне ее. В целом указанные подходы представляют собой стратегии по управлению поведенческой культурой в цифровой и нецифровой среде начальной школы. Каждый фрейм имеет свои специальные программы, которые направлены на их реализацию в школе.

Первый фрейм, посвященный деятельности по преподаванию и обучению, включает программы цифровой грамотности и информационно-просветительские программы. В частности, в рамках деятельности по обучению цифровой грамотности школы играют важную роль в формировании цифровых навыков у всего коллектива. Это означает, что цели данной программы не ограничиваются только учащимися. Без цифровой грамотности учителей трудно говорить о цифровой грамотности учащихся. При этом для учащихся начальных классов вопрос стоит не только о грамотном, но и об ответственном использовании Интернетом.

Так, исследование, проведенное А. Янг в 2014 г. [2] среди детей младшего школьного возраста, показало, что они не знают, например, о том, что оставленный цифровой след может нести в себе определенные риски. Дети полагают, что все действия, совершаемые в Интернете, безопасны. Такие привычки, как постинг или репостинг, скачивание и обмен информацией с друзьями, считаются нормальными и вполне естественными. Однако подобные действия могут нести в себе угрозу, тем более, что далеко не вся информация соответствует той, которую можно было бы публиковать для широкого круга лиц. Информация, не всегда являющаяся корректной, а зачастую и просто фейковой, передается другим пользователям, пусть даже и без умысла, под видом реального факта. К сожалению, законодательные

запреты на распространение заведомо ложной информации всех проблем не решают, а порой лишь нагнетают и без того напряженную обстановку.

Во втором фрейме речь идет о внеклассном обучении, которое на сегодняшний день состоит из трех основных программ: программа реализации – мониторинг учащихся во время нахождения в школьной среде; ограничение использования устройств и формирование школ, дружественных к цифровым технологиям. Учащиеся контролируются во время нахождения в школе с точки зрения того, какие действия выполняются ими во время занятий. Такой контроль могут осуществлять как учителя, так и другие сотрудники школы. Кроме того, ученики ограничены в использовании устройств, это означает, что, находясь в школьной среде, гаджеты применяются максимально продуктивно. Пользоваться устройствами разрешается только для учебы. Последняя программа школьной среды – создание комфортной и безопасной школьной атмосферы для цифрового обучения.

Завершающим этапом является подход, применяемый вне школы. Школа объединяет усилия с родителями или опекунами учащихся, чтобы наладить эффективную коммуникацию для успешного обучения. Самый простой вариант взаимодействия – создать группу WhatsApp между домашним учителем и родителями учеников. Хорошая коммуникация будет способствовать реализации стратегии эффективного образования. Это делается для обеспечения контроля за детьми не только в школе, но и в домашних условиях.

Таковы некоторые образовательные стратегии методического характера в построении благоприятной почвы для приобщения к основам цифрового этикета в практиках современного школьного образования.

Что касается методологической базы, то в первую очередь речь идет об обучении основам этикета в офлайн. При этом главные ориентиры этого обучения в младших классах – знакомство с историей этикета как формы культуры, с ее отличительными особенностями, а также обучение элементарным правилам поведения дома, в школе, в гостях, в общественных местах. В старших классах обучение этикету – это уже приобщение молодого поколения к поведенческой культуре на всех уровнях взаимодействия, т. е. этикету как нормативно-этическому регулятиву отношений, которые складываются в социуме на микро- и макроуровнях. Этикетные нормы, в отличие от правил вежливого поведения, всегда ценностно обусловлены, поэтому обучение этикету в офлайн – это приобщение молодого поколения к системе ценностных ориентиров, на которых выстраивается все здание культуры человеческого поведения и общения в обществе. И только после этого – знакомство с Нетикетом Вирджинии Ши – первыми правилами поведения в сети Интернет первого поколения (1994 г.), а также азами цифрового этикета с учетом и того, что новая генерация «родилась со смартфоном в руках». Однако, если, например, понятия «дисклеймер» и «кросспостинг» – это уровень высшей школы, то правила взаимодействия с гаджетами – это уровень культуры, который очень важно привить детям в школьном возрасте. Сегодня поведение многих представителей новой генерации в присутственных местах, общественном транспорте, особенно в метро, настолько цинично, что вызывает не только неприятие, но и сожаление об утрате исторически сложившихся культурных традиций, основанных на уважении к людям старшего возраста, инвалидам, женщинам с детьми. И хотя эти слова, как мантра, звучат в метро из каждого динамика, но можно надеть наушники, сделать вид, что ушел в виртуал,

закрывать глаза или предпринять другие манипуляции. Ситуация выглядит еще более цинично, когда звучит вопрос: «Почему я должен уступать место?». Ответа просто не существует, особенно в культурной столице. Фаббинг – игнорирование присутствия других в пользу гаджета, громкий разговор по телефону в общественных местах и бесконечные селфи сегодня приобрели мировой уровень. Первыми забили тревогу австралийцы и даже создали движение Stop fabbing, благодаря которому стало известно, что явление, которое захватило весь цивилизованный мир на уровне пользователей, получило название fabbing. Специалисты определяют фаббинг как конец цивилизации, отсюда важно упреждение его социальных последствий [3]. И хотя в обществе происходит постепенное осознание важности живого общения, но формирование человека как личности, его нравственного каркаса – это прерогатива не только семьи, но и особая миссия школы.

Но преподавание этикета в офлайн имеет, как правило, факультативный характер, а обучение основам цифрового этикета ориентируется на его технологическую составляющую, отсюда и бытующее сегодня пренебрежительное отношение к другому человеку. Однако цифровой этикет – это феномен культуры новой эпохи, он не теряет своей этической направленности, но эта направленность детерминирована технологической природой Сети третьего поколения и сегодня является предметом исследования научного сообщества [4].

Таким образом, в практиках современного школьного образования реализуются образовательные стратегии в основном методического характера, что выражается в построении благоприятной почвы для приобщения к основам цифрового этикета. При этом, подчеркнем еще раз, в школьной образовательной среде речь идет только об основах цифрового этикета, но и этих основ достаточно, чтобы приобщить новое поколение к поведенческой культуре сетевого взаимодействия еще в школьные годы. Но это приобщение должно включать и цифровую грамотность, и культуру этикетного поведения как важные составляющие содержания цифрового этикета.

Цифровой этикет: образовательные стратегии в высшей школе. В рамках вузовского образования цифровой этикет еще не стал одной из образовательных стратегий ВШ. С одной стороны, предполагается, что, поскольку студенты-первокурсники уже владеют цифровой грамотностью, то они так или иначе знакомы и с основными правилами цифрового этикета, с другой – данное дисциплинарное знание находится в стадии становления. Однако в период пандемии, когда вузы были переведены в дистанционный формат и общение «студент – преподаватель» и «студент – администрация» стало опосредовано компьютером, оказалось, что мало кто из студентов действительно знаком с правилами оформления домашних заданий и презентационных материалов в цифровом формате, с правилами поведенческой культуры в Сети, в частности на мероприятиях, проводимых в режиме видеоконференций, правилами электронной деловой переписки и другими правилами цифрового этикета. И хотя определенные наработки в этой области уже были, например тематика цифрового этикета включена в предметное поле таких дисциплин, как «Деловое общение», «Деловой этикет», «Искусство самопрезентации» «Цифровая культура» и прочих, но это была только капля в море, которая не решала проблему. В условиях пандемии пришлось всем срочно учиться правилам цифрового этикета, поскольку именно его нормы практически во всех сферах жизнедеятельности социума, независимо от вида этой деятельности

(образование, медицина, бизнес и др.), во многом обеспечили возможность построения эффективной коммуникации.

В этой связи следует отметить, что своеобразной палочкой-выручалочкой, в том числе и для вузовской аудитории, стали книги зарубежных и отечественных авторов, а также статьи в интернет-источниках, посвященные правилам поведенческой культуры в Сети. Отдельно следует подчеркнуть актуальность выхода в свет книги О. Лукиновой, создателя телеграмм-канала «Цифровой этикет» с очень говорящим названием «Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете» [5]. Впервые в отечественной практике правила цифрового этикета, в том числе предлагаемые самим автором, собраны и представлены в виде единого свода правил поведения пользователей в интернет-пространстве. Особая ценность издания заключается в том, что речь идет о рекомендуемых правилах поведения в цифровой среде, при этом все они, по свидетельству самой О. Лукиновой, протестированы в телеграмм-канале «Цифровой этикет» с помощью опросов и обратной связи с подписчиками.

В целом практика показала, что в вузовской среде цифровой этикет как поведенческая культура в пространствах Digital- и Phygital-среды более чем актуальна, и это продиктовано не только периодом карантина. Владение культурой сетевого взаимодействия – это норма новой реальности. Частичное включение цифрового этикета в другие коммуникативные дисциплины не решает проблему. Например, при устройстве на работу для выпускников такие знания имеют большое значение, причем это касается не только правильного оформления резюме, записи видеоинтервью, поведения во время VCV-интервью и непосредственного общения с работодателем. Первое препятствие – это персональный бренд, т. е. вся информация о соискателе, которую отслеживает ИИ. В настоящих реалиях, хотим мы этого или нет, у каждой электронной персоны уже есть свой персональный бренд, а вместе с развитием блог-платформ и социальных сетей мы вступили в новую эпоху – эпоху личностей. В этой связи актуализируется значение личного бренда, формирование которого требует активной сознательной деятельности в создании своей репутации, важной составляющей которой является этикетное поведение в цифровой и нецифровой среде. Главные правила современного брендинга – это создание *аутентичного бренда*, который начинается с реальной личности, ее ценностей, ее поведенческой культуры, а также *идентичность*, которая основывается на приведении своих URL- (от англ. Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и IRL- (от англ. in real life, т. е. в реальной жизни, вне Интернета, физически, офлайн) образов к максимальному соответствию. Именно такое соответствие, где правилам цифрового этикета отводится особая роль, имеет репутационный характер и, как следствие, причины приглашения на собеседование или отказ [6].

Однако, например, для ИИ-специалистов актуальность темы связана и с подготовкой специалистов в этой области. Владение нормами этикетного поведения в Сети – это не только инструмент общения, но и возможность совершать новые прорывы в проблематике «moral machines», которая в соответствии с новыми реалиями становится общим делом физиков и лириков и оценивается аналитиками как тенденция на возрастающее значение процесса гуманитаризации современных знаний. Для высшей школы, в частности, это значит, что для инженерных профессий, разработчиков ИИ, включая новые профессии, направленные непосредственно на обучение машин навыкам коммуникационного взаимодействия с

человеком, этике и этикету ИИ, должны быть разработаны специальные гуманитарно ориентированные образовательные программы. В настоящих условиях даже самые усовершенствованные ИИ-системы созданы человеком и зависят только от человека, его знаний, нравственных ориентиров и правил поведенческой культуры, которым он обучает ИИ [7–9].

Таким образом, практика обучения цифровому этикету в высшей школе находится в стадии становления. Отдельные знания представлены в других коммуникативных дисциплинах, однако важность тематики требует других решений. Оформление и культивация новых правил в правила цифрового этикета как поведенческой культуры в пространствах Digital и Phygital – это мировой тренд, отражающий вызовы времени и актуализирующий значение цифрового этикета как предметного знания в ВШ, которое сегодня ждет своего часа.

Однако, формируясь на стыке гуманитарного и технологического знаний, Новый этикет выступает не только как инструмент общения, но и как современное междисциплинарное знание конвергентного характера, которое, с одной стороны, продолжает этическую направленность своего аналогового эквивалента, с другой – детерминировано технологической природой Web третьего поколения, что сегодня является предметом отдельного научно-исследовательского поиска.

Заключение. В условиях цифровых реалий возрастают роль и значение воспитательной компоненты образовательного процесса, в том числе и через обучение молодого поколения – поколения Z, поведенческой культуре в практиках реального и сетевого взаимодействия. В этой связи встает вопрос о важности образовательных стратегий применительно к обучению цифровому этикету в рамках и школьного, и ВШ-образования. При этом в практиках школьного образования хотя и разработаны и уже активированы определенные образовательные стратегии, которые направлены на формирование основ поведенческой культуры в Сети, однако методологическая составляющая требует отдельного внимания. К тому же они практически не пересекаются с вузовской. В то же время вузовская образовательная система функционирует не в связке со школьной, что во многом объясняется отсутствием у цифрового этикета дисциплинарного статуса, обучение непосредственно цифровому этикету имеет ограниченный характер, несмотря на свою актуальность. Соответственно, вопрос о необходимости обучения Новому этикету как новому предметному знанию, имеющему теоретико-прикладное значение, остается проблемой и в школе, и в ВШ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
2. Young A. A 21st-century model for teaching digital citizenship // Educational Horizons. 2014. Vol. 92, iss. 3. P. 9–12. DOI: 10.1177/0013175X1409200304.
3. Что такое фаббинг? // Лайфхакер. URL: <https://lifelifehack.ru/2017/05/12/phubbing> (дата обращения: 26.05.2022).
4. Мамина Р. И. Искусство самопрезентации в эпоху цифры. СПб.: Петрополис, 2020.
5. Лукинова О. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете. М.: Эксмо, 2020.
6. Личный бренд в социальных сетях // Yourselfbranding. URL: <http://yourselfbranding.com/lichnyi-brend-v-socialnyh-setjah-chto-jeto> (дата обращения: 27.05.2022).
7. Доэрти П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / пер. О. Сивченко, Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

8. Роботы-курьеры // Tadviser. 2019. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Роботыкурьеры_JDcom (дата обращения: 16.06.2022).

9. Чат-боты: настоящее и будущее искусственного интеллекта // Promdevelop. 2020. URL: <https://promdevelop.ru/chat-boty-nastoyashhee-budushhee-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 02.06.2022).

Информация об авторе.

Почебут Станислав Николаевич – старший преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиология, актуальные проблемы современного образования, межкультурные коммуникации, цифровые коммуникации, цифровой этикет, философские проблемы новаций и инноваций в науке.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 08.06.2022; принята после рецензирования 07.07.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Stillman, D., Stillman I. (2018), *Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace*, Transl. by Yu. Kondukov, Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.

2. Young, A. (2014), "A 21st-century model for teaching digital citizenship", *Educational Horizons*, vol. 92, iss. 3, pp. 9–12. DOI: 10.1177/0013175X1409200304.

3. "What is phubbing?", *Lajfxaker*, available at: <https://lifehacker.ru/2017/05/12/phubbing> (accessed 26.05.2022).

4. Mamina, R.I. (2020), *Iskusstvo samoprezentatsii v epokhu tsifry* [The art of self-presentation in the digital era], Petropolis, SPb., RUS.

5. Lukinova, O. (2020), *Tsifrovoi etiket. Kak ne besit' drug druga v internete* [Digital etiquette. How not to annoy each other on the Internet], Eksmo, Moscow, RUS.

6. *Lichnyi brend v sotsial'nykh setyakh* [Personal brand on social media], *Yourselfbranding*, available at: <http://yourselfbranding.com/lichnyi-brend-v-socialnyh-setyah-cto-jeto> (accessed 27.05.2022).

7. Daugherty, P. and Wilson, J. (2019), *Human + Machine: Reimagining Work in the Age of AI*, Transl. by Sivchenko, O. and Yatsyuk, N., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.

8. "Robots Couriers" (2019), *Tadviser*, available at: http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Роботы-курьеры_JDcom (accessed 16.06.2022).

9. "Chatbots: Present and Future of Artificial Intelligence" (2020), *Promdevelop*, available at: <https://promdevelop.ru/chat-boty-nastoyashhee-budushhee-iskusstvennogo-intellekta/> (accessed 02.06.2022).

Information about the author.

Stanislav N. Pochebut – Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 25 scientific publications. Area of expertise: axiology, actual problems of modern education, cross-cultural communications, digital communications, digital etiquette, philosophical problems of innovations and innovations in science.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 08.06.2022; adopted after review 07.07.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 316.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-51-74>

Социальная атмосфера как интеграция страт взаимодействия: эмпирическая апробация концептуальной позиции

Павел Петрович Дерюгин^{1✉}, Светлана Владимировна Бояринцева²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Независимый исследовательский центр, Самара, Россия

^{1✉}ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²bisivi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9110-9076>

Введение. Социологическое содержание понятия «социальная атмосфера» остается невыясненным, оно постоянно уточняется и дополняется. Делается попытка рассмотрения социальной атмосферы как совокупности страт социального взаимодействия, в различной степени опосредованных материальными, нематериальными и психологическими (психосоматическими) факторами.

Методология и источники. Концептуальные теоретико-методологические позиции исследования представлены комплексом идей М. Вебера, А. Лефевра, Л. Альтюссера, А. В. Петровского, А. И. Донцова, а также положений и выводов междисциплинарных исследований связи социальных процессов и психосоматики, в частности, высказанных в работах Р. Г. Халитова, В. В. Васиной и др. Социальная атмосфера рассматривается как совокупность страт взаимодействий, складывающихся между субъектами под влиянием самых разнообразных факторов. Используются данные официальной статистики и вторичные данные за тридцатилетний период турбулентных социально-экономических преобразований с 1990 по 2020 г.

Результаты и обсуждение. Эмпирически подтверждено, что коэффициент общей смертности находится в зависимости от политических и социально-экономических событий в стране. Выявленные экстремальные точки взлета показателей смертности являются психологической реакцией людей на значимые общественно-политические события (слом общественного строя, государственный переворот, дефолт). После 2000 г. начался рост доходов населения, но показатель смертности так и не снизился до уровня 1990 г. На протяжении всего анализируемого периода показатели заболеваемости социально значимыми болезнями также остаются высокими.

Заключение. Анализ статистических материалов указывает на значимость нематериальных, ментально-эмоциональных детерминант общественного здоровья и продолжительности жизни, которые связаны с социальной атмосферой.

Ключевые слова: общественное здоровье, социальные детерминанты здоровья, нематериальные факторы здоровья, социальная атмосфера

© Дерюгин П. П., Бояринцева С. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”»).

Для цитирования: Дерюгин П. П., Бояринцева С. В. Социальная атмосфера как интеграция страт взаимодействия: эмпирическая апробация концептуальной позиции // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 51–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-51-74.

Original paper

Social Atmosphere as Integration of Interaction Strata: Empirical Testing of the Conceptual Position

Pavel P. Deryugin^{1✉}, **Svetlana V. Boyarintseva**²

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Independent Research Center, Samara, Russia*

^{1✉}*ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

²*bisivi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9110-9076>*

Introduction. The sociological content of the concept of social atmosphere remains unclear, it is constantly refined and supplemented. An attempt is made to consider the social atmosphere as a set of strata of social interaction mediated to varying degrees by material, non-material and psychological (psychosomatic) factors.

Methodology and sources. The conceptual theoretical and methodological positions of the study are represented by a set of ideas of M. Weber, A. Lefebvre, L. Althusser, A.V. Petrovsky, A.I. Dontsov, as well as the provisions and conclusions of interdisciplinary studies of the relationship between social processes and psychosomatics, in particular, expressed in the works of R.G. Khalitova, V.V. Vasina and others. The social atmosphere is considered as a set of strata of interactions that develop between subjects under the influence of a wide variety of factors. The authors used official statistics and secondary data for a thirty-year period of turbulent socio-economic transformations from 1990 to 2020.

Results and discussion. It has been empirically confirmed that the overall mortality rate depends on the political and socio-economic events in the country. The extreme points of the take-off of mortality rates have been identified, which are the psychological reaction of people to significant socio-political events (the breakdown of the social system, a coup d'état, default). After 2000, the income of the population began to grow, but mortality did not decrease to the level of 1990. Throughout the analyzed period, the incidence rates of socially significant diseases also remain high.

Conclusion. The analysis of statistical materials indicates the importance of non-material, mental-emotional determinants of public health and life expectancy, which are associated with the social atmosphere.

Keywords: public health, social determinants of health, non-material factors of health, social atmosphere

Source of financing: the work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-29-07443 “Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers in accordance with the Decree of the President “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation until 2024””).

For citation: Deryugin, P.P. and Boyarintseva, S.V. (2022), "Social Atmosphere as Integration of Interaction Strata: Empirical Testing of the Conceptual Position", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 51–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-51-74 (Russia).

Введение. Современное состояние социальной атмосферы российского общества характеризуется неопределенностью и нарастанием конфликтов, вызывает пролонгированный социальный стресс, подрывающий здоровье нации и возможности воспроизведения численности популяции. Это делает особенно актуальным анализ влияния как материальных, так и нематериальных, ментально-эмоциональных, факторов социальной атмосферы, влияющих на здоровье населения. Здоровье – один из важнейших компонентов человеческого капитала как отдельного человека, так и всего общества [1, с. 86]. Понятие здоровья в соответствии с позицией Всемирной организации здравоохранения включает не только «полное физическое», но также «духовное и социальное» благополучие, что важно подчеркнуть, поскольку духовная и социальная составляющие здоровья оказываются в значительной степени зависимыми от целой совокупности ментальных и эмоциональных условий и факторов, исследованию которых посвящается настоящая статья [2].

Выводы ряда социологических исследований о тревожном и опасном состоянии здоровья россиян становятся константой многих публикаций. В частности, исследователи В. М. Гильмундинов, Л. К. Казанцева и Т. О. Тагаева показывают, что из-за ухудшающегося здоровья ежегодно Россия теряет население, равное количеству жителей Новгородской области или г. Краснодара [3, с. 126]. По поводу укрепления здоровья и продолжительности жизни россиян высказывается немало критических позиций в СМИ. Медицинские работники, педагогическая общественность и психологи повсеместно говорят о необходимости оздоровления нации, что признается важной общегосударственной задачей, предполагающей значительные инвестиции в укрепление здоровья и повышение работоспособности россиян [4, с. 97].

Как показывает анализ социологических исследований, здоровье россиян зависимо от социальной атмосферы, сформированной в российском социуме, на основании чего социологами сделан ряд важных обобщений о методологии и методах осуществления исследований влияния социальной атмосферы на здоровье людей [5].

Прежде всего следует подчеркнуть, что социологический анализ общественного здоровья как зависимого от социальной атмосферы в социологической науке может осуществляться на микро- и макроуровнях [6]. К настоящему времени выявлен целый комплекс микро- и макрофакторов, влияющих на индивидуальное и общественное здоровье, в том числе в качестве таковых определяются физиологические и поведенческие характеристики (генетика, образ жизни); состояние системы здравоохранения и социальной защиты населения; социально-экономическое положение индивидов, социальных групп и регионов; экологические и социокультурные факторы и др. [7–16].

По мнению подавляющего числа исследователей, материальные факторы играют решающую роль в укреплении здоровья россиян. Наряду с этим сделан ряд обобщений, подтверждающих, что помимо материальных факторов здоровья, на его состояние оказывают влияние *факторы политические* (государственная социальная политика, политика в области здравоохранения, государственное регулирование системы здравоохранения, правовые

акты в области здравоохранения и др.); *организационно-профилактические* (системы здравоохранения, условия труда и быта, питание, организация системы здравоохранения, образ жизни и др.); *природно-климатические, экологические* (состояние и загрязнение окружающей среды); *биологические* (пол, возраст, наследственность, национальная принадлежность, конституция, тип нервной системы и др.); *генетические* (предрасположенность к наследственным болезням). Основные направления исследований можно классифицировать по ряду направлений.

Отдельное направление исследований факторов здоровья россиян предполагает обращение к анализу социальной среды. Ряд социологов, изучающих *социальные детерминанты* общественного здоровья, делают вывод о том, что социальные условия могут выступать определяющими факторами укрепления здоровья россиян (социальные гарантии, статусное положение индивидов и социальных групп, доступность медицинских услуг и т. д.). Особая роль в укреплении здоровья отводится фактору социокультурной среды (З. Т. Адамьянц) [17].

К числу перспективных направлений социологического исследования здоровья относится комплексный подход. В частности, комплексный анализ социальных факторов здоровья представлен в работах Н. А. Лебедевой-Несевря, где автор анализирует социально детерминированные риски здоровья на социетальном, институциональном, групповом и индивидуальном уровнях. Один из важных выводов, сделанных исследователем, подтверждает, что социально детерминированные риски здоровья проявляются на популяционном уровне и формируются под воздействием множества социальных факторов, имеющих по отношению к индивиду объективный характер [18].

Следует специально подчеркнуть, что влияние на здоровье нематериальных факторов в комплексном подходе к изучению факторов здоровья раскрывается в незначительном числе социологических научных публикаций [19–21].

В показанных публикациях отмечается важность анализа перспектив укрепления здоровья как людей старшего возраста, так и молодежи как явления, зависящего от образа жизни в цифровом обществе и нравственного содержания формирующейся социальности. Академик В. П. Казначеев специально подчеркивает, что главный принцип сохранения здоровья нации в формирующейся новой социальной среде находится в духовной сфере, задающей жизненные смыслы, особенно молодым поколениям [22, с. 50–51].

Важно подчеркнуть междисциплинарный характер исследований здоровья россиян в социологической науке. Актуализируют социологические исследования здоровья целый ряд эмпирических исследований, осуществленных в этом направлении в смежных с социологией областях науки. В разработках отечественных психологов и врачей на эмпирическом материале показана связь состояния здоровья с духовными процессами, протекающими в обществе (И. А. Гундаров, С. Г. Смилович, А. В. Юревич, М. А. Юревич [23–25]).

Ученые показали, что улучшение/ухудшение духовного состояния общества сопровождается снижением/ростом заболеваемости и смертности.

Представленный обзор позволяет говорить о целесообразности исследования здоровья россиян как зависящего от социальной атмосферы, складывающейся в обществе.

Цель данной статьи – на основе данных статистики изучить и проанализировать влияние материальных и нематериальных, ментально-эмоциональных факторов на общественное

здоровье, а также сформулировать направления дальнейшего исследования проблемы здоровья россиян на основе методов социологии как феномена, зависящего от характера складывающейся социальной атмосферы.

Методология и источники. Концептуальные теоретико-методологические позиции исследования представлены комплексом идей, включающим положения работ М. Вебера, А. Лефевра и Л. Альтюссера о природе, видах и характере социального взаимодействия, стратометрической (иерархической) теории развития социальных организаций А. В. Петровского, А. И. Донцова, а также положений и выводов междисциплинарных исследований, раскрывающих характер связи социальных процессов и психосоматики, в частности, высказанных в работах Р. Г. Халитова, В. В. Васиной и др. Социальная атмосфера в настоящем случае рассматривается как социально-психологический феномен, являющийся носителем смыслов и ценностей, жизненных целей и задач людей. Это общий ментально-эмоциональный фон, который формируется из различных общественных настроений и мыслей, охватывает все сферы жизни общества. В то же время социальная атмосфера представляет собой самостоятельное макросоциальное явление и оказывает непосредственное влияние на жизнь каждого человека. Люди «дышат» мыслями и чувствами всего общества. В связи с этим состояние социальной атмосферы является одним из важнейших факторов здоровья населения [26, с. 53]. В структурном отношении социальная атмосфера представлена совокупностью страт взаимодействий, складывающихся между субъектами социального взаимодействия под влиянием самых разнообразных факторов, в частности, экономических, социально-психологических и психосоматических, т. е. влияющих на физиологическое состояние людей [27, 28].

Исторический экскурс в исследование социальной атмосферы как научной категории может быть представлен следующими моментами. Первоначально, начиная с XVII в., понятие атмосферы стали использовать в физике. При всей «воздушности» концепт атмосферы носил вполне материальное эвристическое начало, а первые опыты с атмосферой были осуществлены на основе количественных измерений и оценки воздушного давления [29, р. 15]. Так было зафиксировано наличие чего-то неосязаемого, невидимого, но влияющего на состояние физических объектов, – эфирного явления, обволакивающего этот объект. Далее исследователи-астрофизики переносят понятие атмосферы на кольца парообразований вокруг небесных тел. Затем под понятием атмосферы начинают понимать слой самых разнообразных – любых – газов, выделяемых и притягиваемых небесным телом. Позже это понятие перемещается из физики в другие научные дисциплины и начинает использоваться в механике, химии, гидрологии. Теперь под атмосферой начинают понимать некую оболочку каких-либо объектов, формирующуюся над поверхностью этих объектов. Эта оболочка могла характеризоваться высокой динамичностью, неоднородностью и изменчивостью. Отмечаются важная значимость и способность атмосферы-оболочки влиять на состояние объекта, вокруг которого она складывается.

Со временем влияние воздушной оболочки – состава и давления воздуха – фиксируется как фактор, способный влиять на физиологию человека, на систему кровообращения. Такой вывод делается в медицине [29, р. 20]. Это было важное открытие, показывающее, что атмосфера влияет не только на физические объекты, но и на человека. Далее понятие атмосферы

как среды обитания и как фактор, влияющий на жизнедеятельность людей, осознается в эстетике, в последующем – в социальной, политической и экономической жизни общества [29, p. 20].

В конце XIX – начале XX в. понятие атмосферы начинают использовать в психопатологии. Экзистенциальные принципы изучения человека в психопатологии, объединившие идеи З. Фрейда, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, формируются в феноменологический подход, раскрывающий активную роль повседневного социального пространства, определяющим образом влияющего на жизнь и деятельность людей. Многочисленные и многообразные практики накопленного эмоционального опыта, полученного в процессе социального взаимодействия с внешней средой, отражаются в сознании и подсознании личности, являются рефлексией на всю совокупность граней межличностной среды – социально-психологической атмосферы. Эти влияния интегрируются и определенным образом влияют на жизнедеятельность людей [30, p. 167].

Примерно в этот же период, начиная с работ Г. Тарда, К. Левина, Э. Дюркгейма, Г. Лебона, климатические аналогии уже более ста лет активно используются в научной социологической и социально-психологической литературе, в литературе по менеджменту и управлению. Так, Г. Тард непосредственно не использовал понятие атмосферы. Однако, прибегая к описаниям «движения сердца», «социального сердца», «социальной системы чувств», он раскрывает актуальность поиска обобщающего понятия, характеризующего интегративную характеристику всей совокупности факторов, в которых действует личность [31]. Анализируя отношение К. Левина к пониманию социальной атмосферы, Е. П. Шихова отмечает, что именно К. Левин ввел и начал активно использовать для анализа социально-психологических проблем несколько синонимических понятий: «культурная атмосфера», «социальная атмосфера», «общая атмосфера группы», «групповой климат», «социальный климат». Называя явления, стоящие за этими понятиями, «слишком расплывчатыми», «неуловимыми», «неосозаемыми», «абстрактными», он вместе с тем включил «социальную атмосферу» в число наиболее важных динамических характеристик любой социальной коммуникации. По его словам, атмосфера служит «фоном для всех частных ситуаций» и представляет собой «характеристику социальной ситуации в целом» [32, с. 142].

Что касается непосредственно социальной атмосферы, то этот феномен «изучается социальными исследователями, начиная с середины XX в.» – отмечает Е. С. Шишова [33, с. 104]. Наряду с понятием атмосферы в научной литературе широко используются близкие по звучанию понятия, которые связаны с другим природно-физическим явлением – климатом: «микроклимат», «социальный климат», «социально-политический климат», «климат организации», «климат организационной культуры», «морально-психологический климат» и др. Подтверждения широкого применения понятия климата для характеристики социальной реальности у современных исследователей встречаются довольно часто. В основном исследователи определяют понятие социального климата через категорию «состояние» (например, Г. М. Андреева).

Близки по стратегиям исследования социальной атмосферы работы авторов, описывающих «социальные настроения» (Ж. Т. Тощенко, Б. Д. Парыгин, С. В. Харченко), работы, посвященные изучению «творческой», «художественной», «эмоциональной» или «психоло-

гической атмосферы». Следует особо подчеркнуть, что исследования эмоциональной (психологической) атмосферы продолжены в отечественной социологии, в частности, в работах Ю. Левады, В. Немировского, В. Б. Ольшанского и целого ряда других авторов. В частности, В. Б. Ольшанский рассматривает как метафоры понятия климата и атмосферы для описания социальных явлений: все эти выражения, скорее, метафорические, чем строго научные. И тем не менее в дальнейшей операционализации и научном насыщении понятия атмосферы он видит определенную научную перспективу использования этой категории как важную для социологии [34, с. 435]. П. Штомпка наряду с другими авторами использует понятия «интеллектуального климата» и «общего настроения», «рациональной атмосферы социальной жизни» и «оптимистической, прогрессивной атмосферы» [35, с. 47, 59, 103, 114]. «Социально-психологический климат микросреды» рассматривает Ж. Т. Тощенко [36]. Определение эмоциональной атмосферы использовано в диссертационном исследовании М. Ю. Урнова, изучавшего ее влияние на политические процессы (2008). Исследованию влияния социальной атмосферы на здоровье россиян посвящали свои работы В. Н. Аргунова и С. В. Бояринцева [19].

Тем не менее при всем многообразии и высокой частоте использования категории «социальная атмосфера» говорить о завершенном теоретико-методологическом обосновании этого концепта пока рано. «Это связано, в первую очередь, с его размытостью и невозможностью полноценного определения. Как и атмосфера физическая, атмосфера социальная размыта и “витаает в воздухе”» [33, с. 104].

Наряду с этим можно выделить те важные моменты, которые раскрывают понимание социальной атмосферы как категории социологической науки. В частности, это касается объяснения социальной природы этого явления. Если психологическую атмосферу определяют как состояние преимущественно эмоций и настроений, складывающихся как фон проявлений личности, то социальная атмосфера необходимо связывается с социальными феноменами, прежде всего с социальным взаимодействием и социальными отношениями.

Как уже отмечалось ранее: «Истоки атмосферы лежат в идеях материализма, суть которого заключается не просто во взаимодействии субъектов и объектов в пространстве, а в соединении нематериальных свойств и состояний компонентов среды, образующих материальный мир или атмосферу. Атмосфера является глобальной невидимой (эфирной) системой, в состав которой входят такие элементы, как воздух, которым мы дышим, погода, которую мы ощущаем, пульсы и электромагнитные излучения, которые способствуют развитию технологий» [33, с. 105]. По аналогии с атмосферой физической социальная атмосфера в социологии рассматривается как особая (надындивидуальная – Дюркгейм, Вебер) реальность, которая возникает в процессе жизнедеятельности людей, является *рефлексией, результатом и неизбежным атрибутом любого взаимодействия*. Иногда социальную атмосферу определяют как «фон». Однако на наш взгляд, более точно ее природу отражает понятие «оболочка». Собственно, таково этимологическое значение слова «атмосфера», которое имеет греческие корни и образовано из двух слов: «атмос» – дыхание, пар и «сфера» – шар, круглое тело – т. е. совокупность эфирных невидимых частичек, выделяемых объектом и обволакивающих этот объект (источник). В социологическом отношении социальные взаимодействия могут быть рассмотрены как источник проявлений социально-психологических

элементов, возникающих и формирующихся в процессе этого взаимодействия и отражающих особенности этого взаимодействия. Пожалуй, как основные особенности социальной атмосферы следует отметить иррадиацию – ее распространение и заражение ею, ее неочевидность как растворенность в повседневных рутинных практиках и ее неизбежность – фатальность обратной связи – влияния на характер взаимодействий.

Элементный состав социальной атмосферы многогранен: «Отличительной ее особенностью является то, что она объединяет в себе не только осязаемые объекты и субъекты, но и невидимые чувства, отношения, эмоции» [33, с. 104]. Большинство авторов относят сюда рациональные и иррациональные, сознательные и бессознательные элементы и структуры, в частности, – знания, общественную память, цели, эмоции, интересы, чувства, настроения, традиции и общественное мнение, верования, установки, ценности, мотивацию, желания, процессы социального подражания, адаптации, самоутверждения, авторитета, самочувствия и пр., – т. е. все те феномены, которые неизбежно возникают и влияют на любые взаимодействия людей. Одним словом, социальная атмосфера в своем элементном составе – это все то, что может возникать в результате взаимодействия, а также напрямую и косвенно влиять на характер этого взаимодействия. «Смешанная», интегративная природа социальной атмосферы позволяет относить к ее составу во многом противоречивые элементы. Например, описывая социальную атмосферу городской среды, к ней причисляют ритмы жизни города [37], эстетику [38], производство пространства и коммуникационных практик [39] и пр. Как, каким образом могут быть объединены ритм жизни, эстетика и производство – эти разнородные по социальной природе феномены? Вопрос остается во многом открытым и спорным. Но наряду с этим исследователи доказывают, что все это – многочисленные разнородные факторы, влияющие на городскую жизнь и атмосферу, и объективность таких выводов очевидна. Подобных «смешанных» примеров понимания природы социальной атмосферы у одних и тех же социальных объектов может быть приведено немало.

Наряду с этим как объект социологического анализа социальная природа социальной атмосферы позволяет классифицировать все ее элементы в зависимости от их опосредованности характером социального взаимодействия: некоторые характеристики и элементы социальной атмосферы существенно зависимы от характера социального взаимодействия, другая часть, напротив, – менее зависима. По аналогии с идеей стратометрической концепции академика А. В. Петровского все проявления социальной атмосферы могут быть представлены как три слоя феноменов, отражающих различную степень их связи с характером социального взаимодействия.

Первый слой социальной атмосферы концентрирует феномены и явления, существенно зависимые от характера материальных, экономических отношений в обществе. В частности, привлекательная социальная атмосфера ведет к увеличению потоков посетителей на продвигаемых пространствах и приумножению прибыли от потребляемых здесь товаров и услуг [40], она создает интерес к покупкам потенциальных потребителей [41]. К этой же страте могут быть отнесены отношения власти и подчинения [42], социально-атмосферные явления – такие как результаты успешного/неуспешного маркетинга [43], обоснованность и рациональность планирования [44], мера активности и ответственности различных субъектов, участвующих в совместной деятельности, – высокая мера ответственности, не подкреп-

ленная правами и полномочиями, формирует напряженную социальную атмосферу, которая может отрицательно сказываться не только на делах, но и на самочувствии людей. Обобщая, можно говорить, что эта страта социальной атмосферы складывается из феноменов, которые возникают и сопровождаются атмосферной рефлексией на основе деятельности, потребления или производств. Таковыми могут быть рациональные (расчет, объективность, интеллектуальность) или иррациональные (эмоции, чувства) элементы социальной атмосферы, которые могут отражать справедливость-несправедливость распределения благ и вознаграждений, отношение и реакцию на эти факты.

Далее в нашем исследовании будет рассмотрена связь доходов населения как одной из форм материальных отношений, выступающих фундаментальной основой социальной атмосферы, связанной с кризисами здоровья и смертности среди россиян. Эта первая страта понимается как базовый уровень социальной атмосферы общества и его социальных субъектов – социальных групп и институтов, именно здесь закладываются основные тренды и закономерности формирования всех других атмосферных слоев и страт общества. В значительной степени феномены социальной атмосферы проявляются на этом уровне как реакция на целерациональные взаимодействия в соответствии с концепцией М. Вебера.

Второй слой социальной атмосферы складывается из элементов, которые раскрывают рефлексию социальной атмосферы на духовные взаимодействия, например, реакцию на политические, моральные, эстетические, религиозные, правовые и прочие факты и явления общественного сознания. В концепции М. Вебера это слой социальной страты, который формируется на основе ценностно-рациональных взаимодействий. Здесь концентрируются мысли и чувства, интеллектуальные и информационные связи, в которых отражены единство и противопоставление ценностей, ориентаций, интересов и пр., согласие-несогласие с позициями и точками зрения людей различных социальных статусов и ролей, солидарности и конфликтов, единое или локализованное общественное мнение и пр. Напряженность социальной среды не может не сказаться на жизни общества. По мнению И. А. Гундарова, наличие и действие этого слоя социальной атмосферы «доказывается динамикой убийств и самоубийств в России за длительный временной интервал. Обе траектории колеблются совершенно синхронно. И одна линия не может быть причиной другой. Значит, существует что-то третье – “серый кардинал”, который управляет обоими процессами» [45]. Как далее показывает автор, этим «серым кардиналом» собственно и выступают феномены социальной атмосферы – духовной атмосферы (И. А. Гундаров), опосредованные реакциями на события и факты духовной жизни, реакцией на происходящие социально-духовные процессы. Как будет показано далее в эмпирической части настоящего исследования, заболевания, которые в медицине отнесены к социально обусловленным причинам духовного, часто идеологического, нравственного, социально-психологического порядка, – не относящиеся к материальным проблемам, – оказывают самое существенное влияние на здоровье и долгожительство россиян.

Третий слой феноменов социальной атмосферы формируется на основании преимущественно психологических или аффективных (по Веберу) взаимодействий – эмоций, чувств, настроений. Это самый подвижный и самый быстроменяющийся слой социальной атмосферы, здесь эмоции одних людей умножаются эмоциями других людей. На этом уровне

концентрируются такие элементы социальной атмосферы, которые в наибольшей степени зависимы от настроений, переживаний, стрессов, например, аффективная насыщенность или эмоциональная привязанность [46]. Еще раз сошлемся на исследование И. А. Гундарова, который делает вывод о том, что происходящее в сфере духа через психосоматические механизмы влияет на все в организме. Как справедливо считает автор, еще И. П. Павлов в своей кортиковисцеральной теории доказал эти позиции. В том числе это влияние на уровень холестерина, спазмы сосудов сердца, сперматогенез у мужчин, овуляторную способность яичников и проходимость маточных труб у женщин. Невольно приходится говорить о способности организма материализовать дух, хотя это пока неприлично произносить в научной аудитории [45, с. 118–119]. Далее в эмпирической части настоящего исследования будут рассмотрены психосоматические расстройства здоровья населения, отражающие реакцию людей на социально-экономические кризисы.

Как можно видеть, природа социальной атмосферы позволяет довольно точно очертить ее границы. Эти границы определяются степенью связанности, влияния и опосредованности тех или иных элементов социальной атмосферы характером и содержанием социального взаимодействия. Собственно поэтому опосредованность социальной атмосферы характером социального взаимодействия следует рассматривать как центральный критерий и центральное основание ее изучения и диагностики.

Что касается связи социальной атмосферы с социальной структурой общества, то она по-разному формируется в социальных группах и социальных институтах, ее действие специфически сказывается на социальной стратификации и особенностях социальной иерархии. В рамках социальных институтов социальная атмосфера в значительной степени опосредована целями деятельности социальных институтов, их структурой и функциями. Так, например, социальная атмосфера в государственных и негосударственных организациях будет отличаться множеством характеристик. Решающее влияние на социальную атмосферу в социальных группах оказывают базовые социальные особенности этих групп, например, возрастные, гендерные, биологические и прочие различия, которые неизбежно скажутся на характеристиках их социальной атмосферы. В рамках официальных социальных организаций особенности социальной атмосферы определяются не только целями деятельности этих организаций, но и особенностями взаимодействия формальной и неформальной структур, социально-психологическими признаками сотрудников организации. Это атмосфера, которая «образует своего рода призму, которая что-то усиливает, но что-то и ослабляет, нейтрализует, а порой и искажает» [47, с. 101]. В том числе это касается и малых групп: «Духовная атмосфера малой группы принципиально не отлична от духовного состояния общества. Она – единичное по отношению к нему, но выступает уже как особенное, как непосредственная среда взаимодействия людей. Личность не взаимодействует с обществом в целом. Именно в малой группе реализуются ее контакты, ролевые ожидания и исполнения потребностей, моральная поддержка, чувства взаимного уважения, товарищества и дружбы. Но здесь проявляются и конфликты, соперничество, возможна и неприязнь, т. е. проявляется весь спектр межличностных отношений» [47, с. 102].

Социальная атмосфера отражает особенности социальной стратификации и мобильности в различных социумах. Например, атмосфера семьи является базовым параметром

гармоничности распределения социальных ролей внутри семьи, оптимизации функционирования системы социального взаимодействия между семьей, ее членами и окружающим миром [32, с. 141].

Отдельно можно говорить о социальной атмосфере в экономической и политической, духовной и социальной подсистемах общества, в целом о социальной атмосфере всего общества, нации, страны: «Факт существования в обществе такой нематериальной атмосферы иллюстрирует параллельная динамика колебаний смертности на территориях, разделенных тысячами километров. Сравнив западную Калининградскую область и восточную Амурскую область, мы обнаружили параллельные траектории: синхронно взлетают и опускаются инфаркты, инсульты, дизентерии, дифтерии. Значит, есть что-то такое, что функционирует одновременно на огромной территории. Причем ни один материальный фактор не способен обладать подобным свойством», отмечает И. А. Гундаров [45, с. 118].

Социальная атмосфера может проявляться многолико, выступая «одновременно и как состояние, и как процесс, и как интегративная компонента социального взаимодействия» [32, с. 141]. На наш взгляд, также важно охарактеризовать социальную атмосферу и определять ее как особое социальное образование, возникающее на основе взаимодействия, качественно новый социальный феномен, обладающий всеми основными социологическими характеристиками, включая полноту социальных связей, свойств и признаков: реальность существования; возникновение в результате взаимодействия социальных субъектов; наличие множества неповторимых качественных характеристик и других. Основные особенности социальной атмосферы как социального образования раскрывают ее реальность с нескольких сторон. Во-первых, границы социальной атмосферы очерчены субъектами, включенными в социальные взаимодействия (социальная атмосфера малых и больших социальных групп, социальная атмосфера различных социальных институтов (экономика, политика, искусство и пр.), социальная атмосфера регионов, наций и стран. Во-вторых, социодинамика социальной атмосферы отражает обобщенную реакцию на события, условия и факторы, в пространстве которых происходит социальное взаимодействие. Социальная атмосфера может не меняться годами. Наряду с этим ее существенные изменения нередко обусловлены стрессовыми обстоятельствами. В-третьих, существуют интегративные индикаторы ее состояния и влияния, предопределяющие социокультурную деятельность, функции, ее роль и способность адаптации к социуму, что составляет важный эвристический потенциал для ее социологической диагностики [32, с. 141].

Центральными индикативными характеристиками социальной атмосферы как объекта социологического анализа выступают показатели, раскрывающие направленность, действенность и результативность социальной атмосферы:

– направленность формирования социальной атмосферы может быть различной – как положительной, так и нейтральной, отрицательной и даже враждебной;

– действенность социальной атмосферы, существенная, значимая в одних случаях и, напротив, слабая и несущественная – в других. Это определяется степенью влияния социальной атмосферы на характер социального взаимодействия;

– результаты воздействия социальной атмосферы могут выражаться на нескольких уровнях – личностном, групповом, институциональном, т. е. социальная атмосфера способ-

ствует формированию оценки ситуации и самооценки, социального самочувствия, социальных ожиданий и притязаний, социальных позиций, ролей и статусов, различных форм социально-психологической активности.

Надежность прогнозов социальной атмосферы при проведении эмпирических исследований определяется степенью разработанности теоретико-методологических и методических основ ее диагностики. В частности, важно обеспечить систематическую диагностику социальной атмосферы в деятельности различных (конкретных) социальных институтов и групп. Ввиду сложности и многообразия элементов социальной атмосферы, их высокой подвижности и изменчивости целесообразно применение ИТ-технологий в организации диагностических процедур, обеспечивающих оперативность анализируемой информации. Немаловажно использование современного математического аппарата обработки данных, позволяющего выявлять корреляционные зависимости и тренды, влияние глубинных факторов и условий, формирующих социальную атмосферу. Без таких новых подходов к организации диагностики социальная атмосфера по-прежнему останется чем-то неуловимым и абстрактным.

Таковы основные положения, раскрывающие теоретико-методологические и прикладные принципы исследования социальной атмосферы. Очевидно, что социологической науке предстоит преодолеть разрозненность подходов в представлениях о социальной атмосфере и сформулировать (операционализировать) понятие, пригодное для диагностики и измерений в русле социологической науки. Настоящая статья – это только одна из попыток на этом пути.

Гипотеза исследования. Социальные взаимодействия, формирующие социальную атмосферу, могут быть классифицированы и представлены в виде относительно самостоятельных страт – материальных, нематериальных или духовных (социально-психологических) и психосоматических взаимодействий, которые тем не менее находятся в единстве и взаимопроникновении, оказывают определенное влияние друг на друга. Показанные типы взаимодействия страт социальной атмосферы по-разному сказываются на всех сторонах жизни общества, в том числе на продолжительности жизни и здоровье людей как одном из основных критериев развития общества. Наиболее значимое влияние на продолжительность жизни оказывают слои отношений в социальной атмосфере, обусловленные экономическими причинами, т. е. взаимодействия и отношения между людьми, определяемые как материальные. Страта нематериальных отношений в социальной атмосфере концентрирует наиболее подвижные социально-психологические образования, амплитуда изменений в этой страте будет наиболее динамичной и значимой, в частности, она будет проявляться как заболевания (смертность) под влиянием кризисных условий и обстоятельств. Страта психосоматических образований в социальной атмосфере и изменения в этой страте (например, рост числа заболеваний) будут носить отсроченный и менее зависимый от условий и реалий в складывающейся в кризисной обстановке характер.

Результаты и обсуждение. За точку отсчета анализа взят 1990 г., когда начался распад СССР. С этого времени страна вступила в период радикальных социальных трансформаций всех сфер жизни общества, деятельности социальных институтов и социальной структуры, изменения привычного образа жизни, мировоззрения и ценностей россиян.

Результат 1. Страта материальных взаимодействий. Подтверждено важное значение материального благосостояния россиян, которое в значительной степени способствует снижению смертности и увеличению продолжительности жизни россиян, т. е. можно говорить о том, что в рассматриваемый период рост доходов населения коррелирует с обратной связью со смертностью: повышение доходов россиян способствовало уменьшению количества случаев смертности.

На рис. 1 представлены график смертности и относительные показатели уровня реальных доходов населения за тот же период времени.

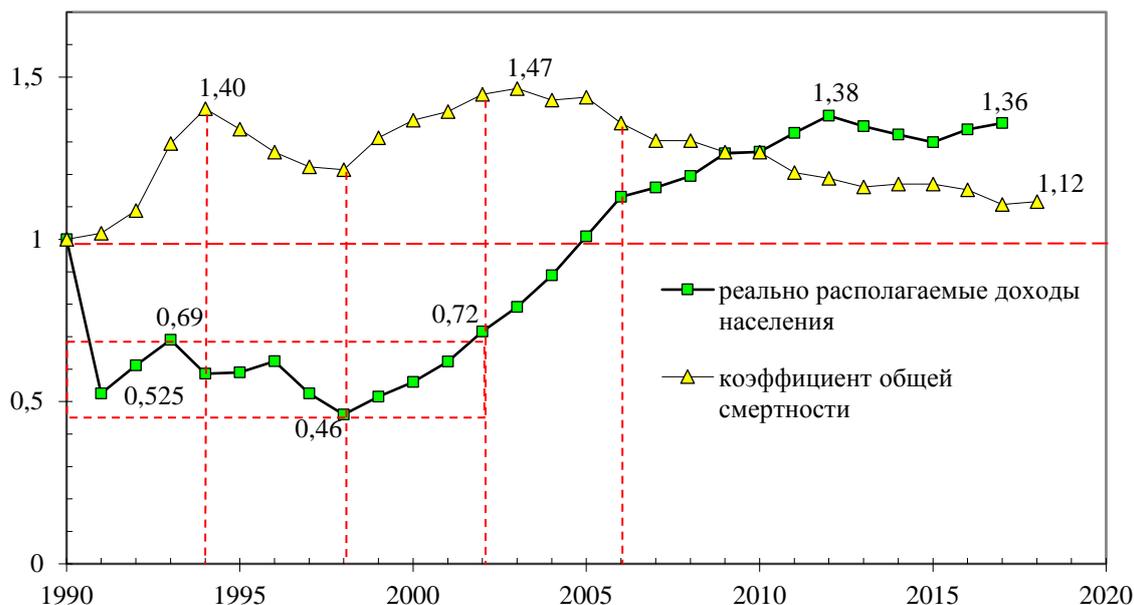

Рис. 1. Реально располагаемые доходы населения и коэффициент общей смертности населения к уровню 1990 г.

Fig. 1. Really disposable income of the population and the overall mortality rate of the population to the level of 1990

Экстремальные точки на графике соответствуют степени психологической реакции населения на наиболее значимые общественно-политические события. Очевидно, динамика отрицательного коэффициента корреляции общей смертности в целом незначительно согласуется с динамикой роста доходов населения. Отрицательный коэффициент корреляции уровня смертности с доходами населения в исследуемый период низкий и составляет всего $-0,3$, т. е. в целом можно говорить, что рост доходов населения и смертность в самом общем случае связаны слабо, на уровне статистической погрешности.

Однако наряду с этим можно выделить характерные периоды, когда доходы населения и смертность коррелируют по-разному. Прежде всего на графике видно, что в период с 1990 по 1998 г. доходы населения снижались. Этот же период характеризуется резким увеличением числа смертей. Далее на отрезке времени с 1998 по 2002 г. рост доходов населения увеличивался, но смертность при этом не только не уменьшалась, но даже увеличивалась. Только с 2002 г. наступает период, когда рост доходов и смертность населения начинают коррелировать с обратной связью, т. е. рост доходов сопровождается снижением смертности. Такой тренд виден наиболее отчетливо с 2002 по 2020 г. За это время рост доходов

населения составил максимальный коэффициент прироста +0,9. При этом коэффициент смертности в целом характеризовался снижением. Подчеркнем, что в целом снижение смертности начинается с момента достижения коэффициентом доходов населения значения 0,72, т. е. приобретает существенное значение.

Настоящий факт фиксирует ситуацию, которая показывает, что уровень доходов становится важным фактором снижения смертности только тогда, когда его рост довольно значим, т. е. не всякий рост уровня доходов скажется позитивно на продолжительности жизни, а только тот, который окажется значимым для определенного социального субъекта. В исследованиях других ученых делается тождественный вывод – о том, что только увеличение доходов до определенного уровня сказывается положительно на сокращении случаев смертности (в каждой стране это различный уровень), т. е. подтверждается гипотеза о том, что увеличение разрыва в доходах необязательно обуславливает рост различий в показателях смертности [48]. Скорее всего, можно считать, что в нашем случае такая точка была достигнута в 2002 г.

Рост смертности, который наблюдался в период 1991–1993 гг., обусловлен рядом негативных социально-политических и экономических обстоятельств, которые можно определить, как слом государственного строя. Следующий подъем смертности фиксируется в период 1998–2003 гг., период дефолта. В эти годы страна пережила глубокий социальный стресс, стресс слома культурных ценностей и разрыва экономических связей. С 1990 по 1991 г. реально располагаемые доходы населения упали в 2 раза и практически оставались на этом уровне вплоть до 2002 г. Как показывает анализ, прежде всего выросла общая смертность трудоспособного населения: с 1990 по 1994 г. – на 40 %, а затем, во вторую волну, еще на 6 % от уровня 1994 г. Обозначенные тренды были характерны для многих регионов России. В частности, они фиксируются в исследованиях Е. Я. Пастуховой, Е. А. Морозовой, А. Н. Челомбитко, проведенных в Кемеровской области. Авторы отмечают, что проделанный анализ позволил выявить статистически значимые взаимосвязи между социальными, экономическими факторами развития Кемеровской области и уровнем смертности от заболеваний системы кровообращения, случайного отравления алкоголем, самоубийств, от всех внешних причин смертности, где зафиксирована положительная корреляционная связь между обозначенными факторами [49].

В настоящем случае можно утверждать, что схожесть и идентичность процессов в регионах России, раскрывающих связь падения уровня доходов и рост смертности населения, оказались типичными и характеризующими устойчивые тренды.

Результат 2. Страта нематериальных (социально-психологических) взаимодействий. Социально-экономические кризисные явления выступили детонаторами роста случаев смертности россиян, обусловленных социально-психическими расстройствами и алкоголизмом, т. е. по существу факторами, которые скорее могут быть отнесены к субъективным причинам смертности. Доказательством этого вывода служит статистика, показывающая зависимость смертности населения от социально значимых (социально обусловленных) заболеваний – маркеров психического расстройства общества (рис. 2).

Наиболее значимой причиной смертности в рассматриваемый период, как это можно видеть на графике, оказались психические расстройства, пик которых приходится на 1995 г. и принимает максимальное значение – 4,8. Психические расстройства имеют большую

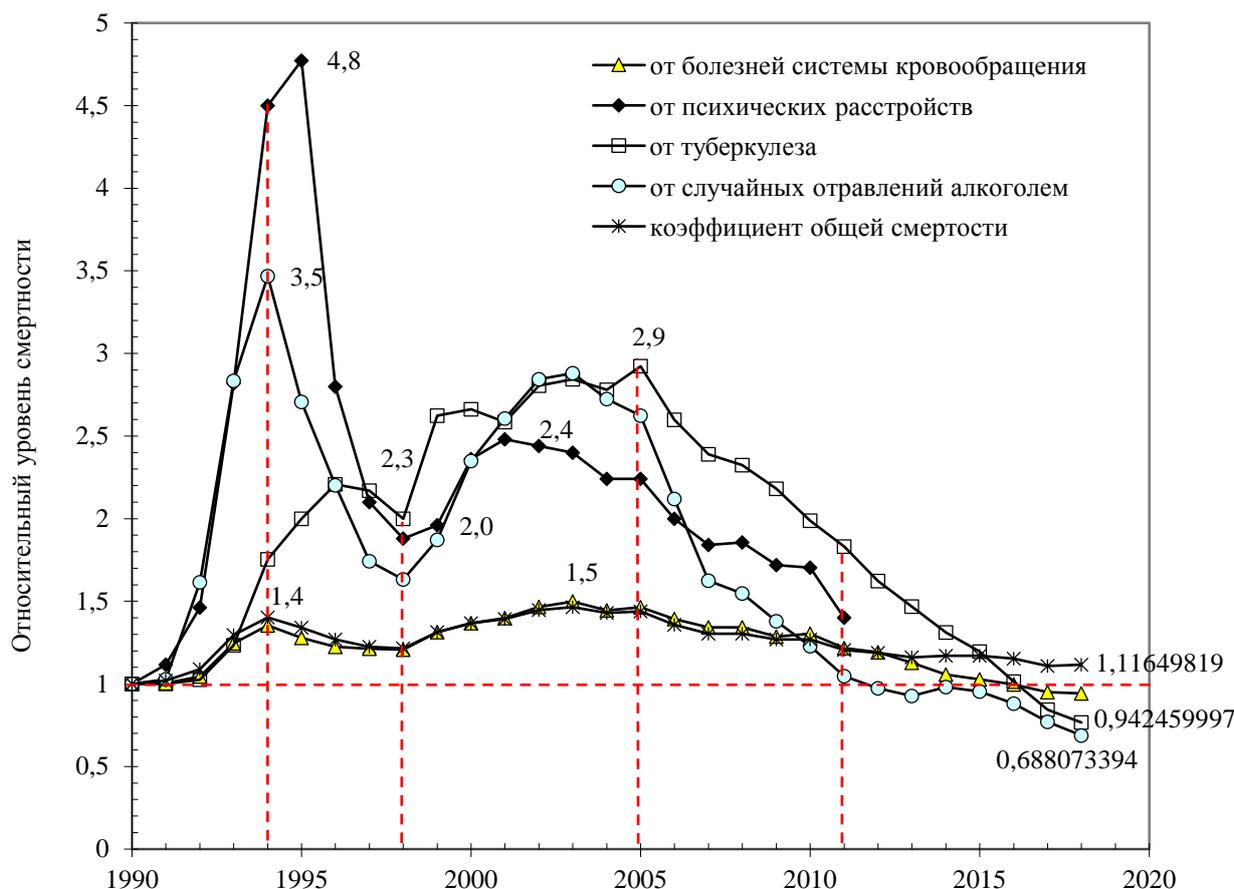

Рис. 2. Динамика относительных показателей смертности населения как зависимых от социально значимых заболеваний

Fig. 2. Dynamics of relative indicators of mortality of the population as dependent on socially significant diseases

социальную значимость, причиняя как обществу в целом, так и отдельным гражданам огромный материальный и нравственный ущерб [50, с. 44]. Напомним, что в этот период происходила массовая приватизация крупных предприятий, определяемая в обыденном сознании россиян как «прихватизация», а также криминальный – рэкетирский передел рынка. В этот год произошла череда громких убийств директоров крупных предприятий и известного журналиста В. Листьева. Однако, как показывает анализ, высокий рост смертности среди россиян в 1995 г. был спровоцирован событиями предыдущего кризисного 1994 г., когда началась первая Чеченская война, произошли потрясения «черного вторника» и резкий скачок курса доллара, затронувшие судьбы миллионов россиян. Сюда же следует причислить обвал пирамиды «МММ», усугублявший психические депрессии и срывы у множества людей. Специалисты в области психиатрии неслучайно фиксируют, что «наиболее выраженный пик смертности от рассматриваемых причин наблюдался в 1994 г.» [51, с. 36].

Новый подъем смертности по причинам психиатрических расстройств наблюдается начиная с 1998 г., и волна смертности длится до 2005 г. После этого периода смертность россиян по психиатрическим основаниям снижается. Однако данными, подтверждающими, что этот показатель снижается до уровня 1990 г., т. е. до начала социально-экономических трансформаций (перестройки), настоящее исследование не располагает.

Можно говорить, что похожие тенденции были характерны и для стран постсоветского пространства, в которых значимым стрессогенным фактором оказалась не бедность сама по себе, а психологическое стрессогенное воздействие грянувших перемен, когда резкое падение уровня доходов сопровождалось разрушением привычного образа жизни и (или) нравственных ориентиров, что вызывало психологический надлом и, как следствие, рост сверхсмертности населения. Например, эти закономерности фиксируются в Казахстане и на Украине [52, 53].

Алкоголизм как причина смертности является постоянным спутником психиатрических расстройств. По результатам исследований смертности в Архангельской области К. В. Шельгин делает вывод, что в 1975 г. на алкоголизм как причину смерти приходилось 60,9 % всех смертей, в 1985 г. этот показатель увеличивается до 61,3 %, а в 1995 г. становится максимальным – 68,6 % [51, с. 38]. Эти данные подтверждают выводы настоящего исследования (рис. 2): начиная с 1990 г. смертность по причинам алкоголизма выросла к 1995 г. в 3,5 раза. В 1998 г. наступает некоторый спад смертности от алкоголизма, а с 1998 по 2006 г. вновь возникает волнообразный подъем, так же, как в случае причин смерти от психиатрических заболеваний. Пик этой волны смертности приходится на 2003 г., т. е. на год, когда Россия возглавила мировой список «стран-смертников» – 39 самоубийств на 100 тыс. человек [54, 55]. Как показывают аналитические материалы, среди самоубийц лишь 10 % душевнобольных людей, а главной причиной самоубийств выступает стечение мелких неурядиц, которые выводят людей из равновесия, и какая-то из них становится последней каплей. В любом случае рост смертности по причинам алкоголизма в этот период следует рассматривать как отсроченную реакцию на трудности конца 1990-х – начала 2000-х гг. К такому выводу приходит множество исследователей, в работах которых показано, что алкоголизм как системная российская причина смертности в этот период обусловлена целым рядом социально-психологических проблем. В частности:

- быстрыми (скороспелыми) и глубокими преобразованиями, которые далеко не всегда готово принимать российское общество, и неготовностью россиян к непрерывным трансформациям;
- утрата нравственных ориентиров, решительные изменения ценностных ориентиров;
- восприятие рыночных преобразований как несправедливых, прежде всего в сфере распределения и доступа к ресурсам;
- невключенность большинства россиян в социальные преобразования;
- внутреннее напряжение, необъясненное напряжение, ожидание новых неприятностей, утомляемость и слабость, конфликтность социальной среды, вызывающие затяжные депрессивные состояния.

Список факторов алкоголизма, характерных для рассматриваемого периода, можно продолжить. Однако важно подчеркнуть главное: в эти годы, начиная с 2006 г., смертность по причинам алкоголизма снижается, а с 2011 г. этот показатель становится ниже, чем в 1990 г. Можно сказать, что наступившие к 2011 г. относительная консервативная стабилизация экономической и социальной жизни, а также переосмысление российским обществом происшедших перемен оказали на социально-психологическую атмосферу общества свое позитивное влияние.

Результат 3. Страта психосоматических взаимодействий. Сбой в социально-психологической страте выступил детонатором новых проблем со здоровьем россиян – психосоматических расстройств, существенно повысив восприимчивость россиян к социально значимым заболеваниям, таким как туберкулез и болезни системы кровообращения.

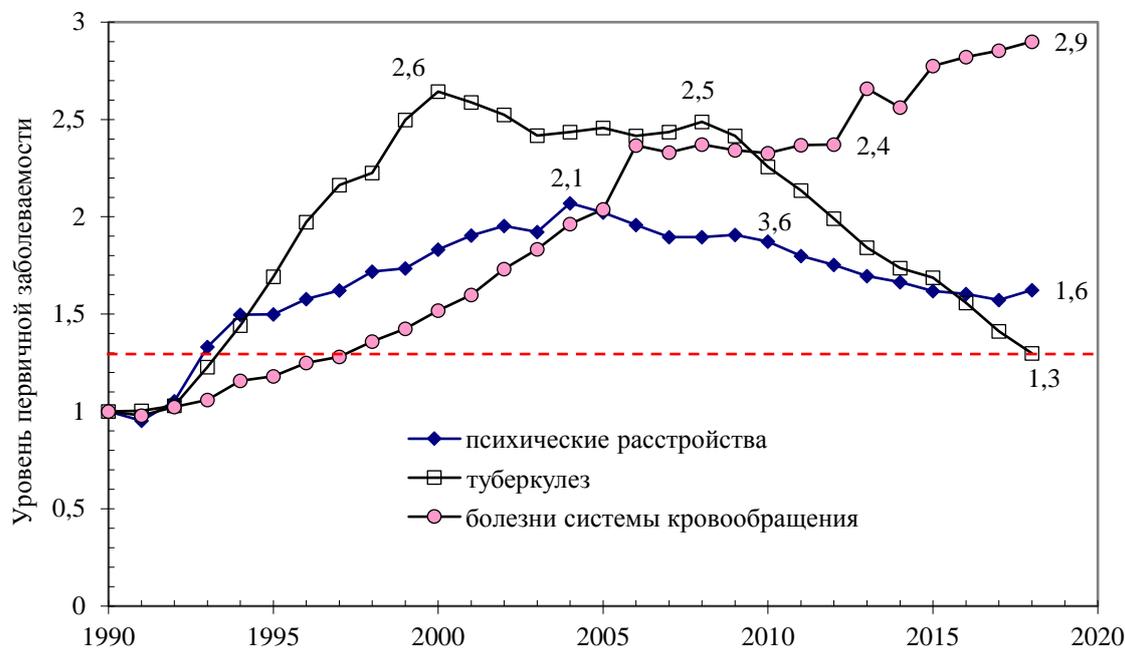

Рис. 3. Динамика числа первичных обращений населения за медицинской помощью
Fig. 3. Dynamics of the number of primary requests of the population for medical care

Как видно из рис. 3, социальные и экономические потрясения, кризисы и трансформации существенно сказались на психическом состоянии россиян. Глубокие психические потрясения, перенесенные ранее, впоследствии выразились в психосоматических расстройствах здоровья населения. Можно сказать, психика россиян отреагировала первой, а потом ее «догнало» физическое тело, что проявилось в росте заболеваний, приводящих к смерти по причинам, например, низкого или высокого давления. Прежде всего это проявилось в росте заболеваний, которые являются следствием ослабления организма – в нашем исследовании ухудшение кровообращения и туберкулез. Так, после 2006 г. наметилась устойчивая тенденция к снижению общей смертности, обусловленная социально-экономической стабилизацией. Тем не менее следует подчеркнуть, что ниже уровня 1990 г. смертность до сих пор не опустилась. При этом число первичных обращений населения за медицинской помощью по поводу социально значимых заболеваний (туберкулез, сосудистые заболевания) продолжает оставаться высоким, а число случаев болезней системы кровообращения не только не снижается, но продолжает расти (рис. 3). В целом, данные статистики подтверждают, что социальный стресс в обществе продолжается, несмотря на некоторое экономическое улучшение, наступившее в последнее время. Но если социальный стресс и его влияние на здоровье россиян стали менее ярко выражены, то на психосоматическом уровне они остаются отчетливо выраженными.

Заключение. Как показали результаты исследований, в любом обществе, которое существует в определенных государственных границах, имеет общую культуру и единое экономическое пространство в результате взаимодействия индивидов, их мыслей, чувств, Социальная атмосфера как интеграция страт взаимодействия: эмпирическая апробация концептуальной позиции 67
Social Atmosphere as Integration of Interaction Strata: Empirical Testing of the Conceptual Position

происходящих социальных процессов, складывается своеобразная социальная атмосфера [20, с. 52–54], которая может быть представлена в виде совокупности страт. Этот вывод соответствует научным представлениям и подтверждается эмпирически, что характеризует социальную атмосферу как «слоистую». Основу базовой – первой – страты создают связи и зависимости, отражающие и преимущественно зависящие от экономических, материальных факторов. В частности, мы это видели при анализе корреляций между доходами населения и смертностью. Вторая страта социальной атмосферы складывается из взаимодействий, которые формируются на уровне социально-психологических связей, где проявляются ментальные, ценностные, поведенческие и эмоциональные характеристики людей. Характерные заболевания (алкоголизм и психические расстройства) отмечены в этой страте самым существенным ростом, что доказывает особую подвижность и динамизм этой страты. Третья страта социальной атмосферы складывается на психосоматическом уровне, проявляясь как физиологическое состояние. Эта страта формируется в результате и развивается на основе изменений, происходящих в материальных и нематериальных слоях социальной атмосферы. Таким образом, основные положения выдвинутой гипотезы получили подтверждение результатами проделанной работы.

Термин «социальная атмосфера» в данном случае может рассматриваться как социологическое понятие, описывающее уникальное стратифицированное (иерархизированное, структурированное) пространство общих материальных связей, общих мыслей и чувств, формирующихся в процессе жизнедеятельности больших социальных групп, проживающих в определенных формальных/неформальных сообществах и территориальных границах. Социальная атмосфера является общей для социальных объектов и влияет на поведение их членов. Социальную атмосферу формируют не только каждый индивид своим настроением, отношением к жизни, но также малые и большие социальные группы, социальные институты и государство как основные акторы экономической и социальной политики и всех общественно значимых целей. Именно от того, насколько благоприятной или патологической оказывается эта атмосфера, в конечном итоге будет зависеть качество человеческого капитала и, в частности, здоровье населения.

В целом проведенное исследование, основанное на анализе статистических данных российской действительности за период с 1990 по 2020 г., указывает на значительное влияние социальной атмосферы на здоровье и смертность населения. Этот факт требует дополнительного глубокого изучения и осмысления, разработки научных понятий и методик, которые можно будет использовать в качестве технологий дальнейших исследований социальных детерминант общественного здоровья и социальной атмосферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прохорова В. В., Медведева О. В. Капитал здоровья как первооснова человеческого капитала // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2019. № 3 (245). С. 84–92.
2. Устав (конституция) Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
3. Гильмундинов В. М., Казанцева Л. К., Тагаева Т. О. Состояние здоровья населения России и причины его ухудшения // ЭКО. 2009. № 2 (416). С. 125–143.
4. Вереникин А. О. Человеческий капитал: концептуальные основания и особенности проявления // США & Канада: экономика – политика – культура. 2005. № 3. С. 85–100.

5. Колпина Л. В. Социальное здоровье: нормативная модель и реальность // Среднерусский вестн. общественных наук. 2009. № 3. С. 53–59.

6. Гафиатулина Н. Х., Кротов Д. В., Самыгин С. И. Социальное здоровье российской молодежи как объект государственной молодежной политики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 38–41.

7. Иванова А. Е., Семенова В. Г., Сабгайда Т. П. Резервы снижения смертности в России, обусловленные эффективностью здравоохранения // Вестн. РАН. 2021. Т. 91, № 9. С. 865–878. DOI: 10.31857/S086958732109005X.

8. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / В. К. Левашов и др. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021.

9. Национальные проекты и реформы 2000-х годов: модернизация социальной политики / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, М. А. Ворона. М.: ООО «Вариант», 2009.

10. Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет / С. В. Шишкин, Г. Е. Бесстремьянная, М. Д. Красильникова и др. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

11. Здоровье и здравоохранение в условиях рыночной экономики / отв. ред. Л. С. Шилова, Л. В. Ясная. М.: ИС РАН, 2000.

12. Шилова Л. С. Реформы здравоохранения как источник новых рисков для здоровья // Социологические координаты риска / под ред. А. В. Мозговой. М.: ИС РАН, 2008. С. 68–88.

13. Пивоварова О. А., Потемкина Р. А., Русанова Н. Е. Становление понятия «качество жизни», концептуализация и методологические аспекты (обзор литературы) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 52. С. 1324–1330. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1324-1330.

14. Бояркина С. И., Колесник Н. В., Ходоренко Д. К. Социальные и институциональные проблемы здоровья и здравоохранения в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 3. С. 245–253. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.3.11.

15. Журавлева И. В., Лакомова Н. В. Российская система здравоохранения как фактор неравенства // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 876–878.

16. Попова И. П. Взаимосвязь состояния здоровья и материального благосостояния: гендерное измерение // Социология медицины. 2014. Т. 13, № 2. С. 58–63.

17. Адамьянц З. Т. Здоровая социокультурная среда как залог здоровья общества и людей // Междунар. социол. конф. Сорокинские чтения. Здоровье российского общества в XXI в.: социологические, психологические, медицинские аспекты. Москва, 17–18 февраля 2016 г. М.: Изд-во МГУ, 2016. С. 4–5.

18. Лебедева-Несевря Н. А. Теория, методология и практика анализа социально детерминированных рисков здоровью населения: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Федер. науч. центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения. Волгоград, 2014.

19. Здоровье нации: влияние ценностных ориентаций / В. Н. Аргунова, С. В. Бояринцева, В. И. Бояринцев и др.; под общ. ред. В. Н. Аргуновой. СПб.: Русь, 2019.

20. Бояринцева С. В. Роль морально-этических принципов в сохранении здоровья общества // Социальная справедливость – основа общественного здоровья. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 41–61.

21. Миловзорова М. Н. Ценностные основы здоровья и качества жизни граждан глобального общества // Социальная справедливость – основа общественного здоровья. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 145–153.

22. Казначеев В. П. Здоровье нации, культура, футурология XXI века / под общ. ред. А. В. Трофимова. Новосибирск: СЗО МСА, 2012.

23. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Центр творчества «Беловодье», 2001.

24. Юревич А. В., Юревич М. А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 21–41.
25. Смидович С. Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социол. исслед. 1990. № 4. С. 74–79.
26. Аргунова В. Н., Бояринцева С. В. Методика количественного анализа социальной атмосферы // Вестн. Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2017. № 2 (46). С. 53–57.
27. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений: дис. ... д-ра социол. наук / СПбГУ. СПб., 2001.
28. Дерюгин П. П. Педагогическая диагностика межличностных отношений в военно-морских коллективах: дис. ... канд. пед. наук / ВПА. Москва, 1991.
29. Gaudin O., Le Calvé M. La traversée des ambiances. Regards sur les atmosphères en sciences sociales // Communications. 2018. Vol. 1, iss. 102. P. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.3917/commu.102.0005>.
30. Thibaud J. P. Petite archéologie de la notion d'ambiance // Communications. 2012. Vol. 1, iss. 90. P. 155–174. DOI:10.3406/comm.2012.2659.
31. Тард Г. Социальная логика / пер. с фр. М. Цейтлин. СПб.: Социально-Психологический Центр, 1996.
32. Шихова Е. П. Социологические подходы к анализу социокультурной атмосферы семьи // Вестн. ЧелГУ. 2010. № 1 (182). Философия. Социология. Культурология. Вып. 16. С. 141–144.
33. Шишова Е. С. Атмосфера города: о происхождении и эволюции понятия в социальных науках // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 437. С. 104–109. DOI: 10.17223/15617793/437/15.
34. Ольшанский В. Б. Социология личности в России // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во «На Воробьевых», 1996. С. 423–456.
35. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
36. Тощенко Ж. Т. Социальные настроения – феномен современной социологической теории и практики // Социол. исслед. 1998. № 2. С. 21–35.
37. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
38. Thibaud J. P. The backstage of urban ambiances: When atmospheres pervade everyday experience // Emotion, Space and Society. 2015. Vol. 15, iss. 3. P. 39–46. DOI:10.1016/j.emospa.2014.07.001.
39. Antchak V. City rhythms and events // Annals of Tourism Research. 2018. Vol. 68. P. 52–54. DOI: 10.1016/j.annals.2017.11.006.
40. Forrest R. Museum atmospherics: The role of the exhibition environment in the visitor experience // Visitor Studies. 2013. Vol. 16 (2). P. 201–216. DOI:10.1080/10645578.2013.827023.
41. Torgue H. Ville, Architecture et Ambiances. Matières et esprit du lieu // École d'Automne du GDR VISIBLE, de la SFA et de l'IRSTV, GDR VISIBLE, SFA, IRSTV. Oct. 2013, Nantes, France. P. 1–14.
42. Harvey D. Social Justice and the City. Athens: Univ. of Georgia Press, 2010. Vol. 1.
43. Kotler P. Atmospherics as a marketing tool // J. of retailing. 1973. Vol. 49, № 4. P. 48–64.
44. Currie M. A. A design framework for small parks in ultra-urban, metropolitan, suburban and small town settings // J. of urban Design. 2017. Vol. 22, № 1. P. 76–95. DOI: 10.1080/13574809.2016.1234334.
45. Гундаров И. А. В муках рождается новая цивилизация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 116–120.
46. Schmitz H. Atmospheric spaces // Ambiances. 2016. P. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.4000/ambiances.711>.
47. Козлов А. С. Малая социальная группа и ее духовная атмосфера (на примере гражданской авиации) // Научный вестн. МГТУ ГА. 2014. № 203. С. 101–105.
48. Смирнов С. Н. Неравенство в доходах и социально-экономические показатели (обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика. 2019. № 2. С. 154–159.

49. Пастухова Е. Я., Морозова Е. А., Челомбитко А. Н. Взаимосвязь социально-экономических факторов и различных причин смертности населения региона // *Фундаментальные исследования*. 2019. № 6. С. 121–125. DOI: 10.17513/fr.42496.

50. Пантюк И. В., Зуева Е. Н. Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения населения Республики Беларусь за период с 1990 по 2010 гг. // *Медицинские новости*. 2012. № 11. С. 42–45.

51. Шелыгин К. В. Динамика и структура смертности от психических расстройств в Архангельской области // *Тюменский мед. журн.* 2012. № 1. С. 37–38.

52. Жусупов Б. С., Сарыбаева Г. К., Сапарбеков М. К., Исмаилова М. М. Влияние уровня доходов на показатели и динамику смертности населения в регионах Казахстана // *Вестн. КазНМУ*. 2016. № 1. С. 589–592.

53. Вильчинская О. М. Оценка связи неравенства в распределении доходов и здоровья населения в Украине // *Актуальные вопросы современной науки*. 2013. № 30–2. С. 80–90.

54. Чеботкова Ю. Ю., Лескова И. В. Алкоголепотребление в России: влияние на здоровье и смертность // *Система ценностей современного общества*. 2010. № 14. С. 393–397.

55. История новой России. События 2003 г. URL: <http://ru-90.ru/chronicle/2003> (дата обращения: 15.02.2022).

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Бояринцева Светлана Владимировна – врач, психолог, сотрудник Независимого исследовательского центра, ул. Алма-Атинская, д. 118, Самара, 443106, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная атмосфера, духовные основы здоровья.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 26.05.2022; принята после рецензирования 28.06.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Prokhorova, V.V. and Medvedeva, O.V. (2019), "Health capital as the first foundation of human capital", *The Bulletin of Adyge State University. Series 5: Economy*, no. 3 (245), pp. 84–92.

2. *World Health Organization*, available at: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (accessed 15.02.2022).

3. Gilmundinov, V.M., Kazantseva, L.K. and Tagaeva, T.O. (2009), "The state of health of the population of Russia and the reasons for its deterioration", *ECO*, no. 2 (416), pp. 125–143.

4. Verenikin, A.O. (2005), "Human capital: conceptual foundations and features of manifestation", *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, iss. 3, pp. 85–100.

5. Kolpina, L.V. (2009), "Social health: normative model and reality", *Central Russian J. of Social Sciences*, no. 3, pp. 53–59.

6. Gafiatulina, N.K., Krotov, D.V. and Samygin, S.I. (2017), "Social health of Russian youth as an object of state youth policy", *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, no. 3, pp. 38–41.

7. Ivanova, A.E., Semenova, V.G. and Sabgaida T.P. (2021), "Reserves for reducing mortality in Russia due to the effectiveness of healthcare", *Herald of the Russian academy of sciences*, vol. 91, no. 9, pp. 865–878. DOI: 10.31857/S086958732109005X.

8. Levashov, V.K. et al. (2021), *Vyzovy pandemii i strategicheskaya povestka dnya dlya obshchestva i gosudarstva: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2021 godu* [Challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021], FNISTS RAN, Moscow, RUS. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021.

9. *Natsional'nye proekty i reformy 2000-kh godov: modernizatsiya sotsial'noi politiki* [National projects and reforms of the 2000s: modernization of social policy] (2009), in Yarskaya-Smirnova, E.R. and Voron, M.A. (eds.), OOO "Variant", Moscow, RUS.

10. Shishkin, S.V., Besstremyannaya, G.E. and Krasil'nikova, M.D. et al. (2004), *Rossiiskoe zdavookhranenie: oplata za nalichnyi raschet* [Russian health care: payment for cash], Izd. dom GU VShE, Moscow, RUS.

11. *Zdorov'e i zdavookhranenie v usloviyakh rynochnoi ekonomiki* [Health and healthcare in a market economy] (2000), Shilova, L.S. and Yasnaya, L.V. (eds.), IS RAN, Moscow, RUS.

12. Shilova, L.S. (2008), "Health care reforms as a source of new health risks", *Sotsiologicheskie koordinaty riska* [Sociological coordinates of risk], in Mozgovaya, A.V. (ed.), IS RAN, Moscow, RUS, pp. 68–88.

13. Pivovarova, O.A., Potemkina, R.A. and Rusanova, N.E. (2021), "Formation of the notion of "quality of life", conceptualisation and methodological aspects (literature review)", *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, vol. 29, no. 52, pp. 1324–1330. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1324-1330.

14. Boyarkina, S.I., Kolesnik, N.V. and Khodorenko, D.K. (2018), "Social and institutional problems of health and health care in Russia", *J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 21, no. 3, pp. 245–253. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.3.11.

15. Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2018), "The Russian healthcare system as a factor of inequality", *Sotsial'naya nespravedlivost' v sotsiologicheskom izmerenii: vyzovy sovremennogo mira* [Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world], MAKSS Press, Moscow, RUS, pp. 876–878.

16. Popova, I.P. (2014), "Relationship between the state of health and material well-being: a gender dimension", *Sociology of Medicine*, vol. 13, no. 2, pp. 58–63.

17. Adamyants, Z.T. (2016), "Healthy socio-cultural environment as a guarantee of the health of society and people", *International Sociological Conference Sorokin Readings. Health of the Russian society in the XXI century: sociological, psychological, medical aspects*, Moscow, February 17–18, 2016, Izd-vo MGU, Moscow, RUS, pp. 4–5.

18. Lebedeva-Nesevrya, N.A. (2014), "Theory, methodology and practice of analyzing socially determined risks to public health", Abstract of Dr. Sci. (Sociology) dissertation, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Volgograd, RUS.

19. Argunova, V.N., Boyarintseva, S.V. and Boyarintsev, V.I. (2019), *Zdorov'e natsii: vliyaniye tsennostnykh orientatsii* [Health of the nation: influence of value orientations], in Argunova, V.N. (ed.), Rus', SPb., RUS.

20. Boyarintseva, S.V. (2018), "The role of moral and ethical principles in maintaining the health of society", *Sotsial'naya spravedlivost' – osnova obshchestvennogo zdorov'ya* [Social justice – the basis of public health], Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, SPb., RUS, pp. 41–61.

21. Milovzorova, M.N. (2018), "Value bases of health and quality of life of citizens of the global society", *Sotsial'naya spravedlivost' – osnova obshchestvennogo zdorov'ya* [Social justice – the basis of public health], Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, SPb., RUS, pp. 145–153.

22. Kaznacheev, V.P. (2012), *Zdorov'e natsii, kul'tura, futurologiya XXI veka* [Health of the nation, culture, futurology of the XXI century], in Trofimov, A.V. (ed.), SZO MSA, Novosibirsk, RUS.

23. Gundarov, I.A. (2001), *Probuzhdenie: puti preodoleniya demograficheskoi katastrofy v Rossii* [Awakening: ways to overcome the demographic catastrophe in Russia], Tsentr tvorchestva "Belovode", Moscow, RUS.

24. Yurevich, A.V. and Yurevich, M.A. (2012), "Dynamics of the psychological state of Russian society: expert assessment", *Nravstvennost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva: psikhologicheskii analiz* [Morality of modern Russian society: psychological analysis], Izd-vo «Institut psikhologii RAN», Moscow, RUS, pp. 21–41.

25. Smidovich, S.G. (1990), "Suicide in the mirror of statistics", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 74–79.

26. Argunova, V.N. and Boyarintseva, S.V. (2017), "A method for the quantitative analysis of social atmosphere", *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 2 (46), pp. 53–57.

27. Deryugin, P.P. (2001), "Theoretical and methodological analysis of social diagnostics of interpersonal relations", Dr. Sci. (Sociology) Thesis, SPbSU, SPb., RUS.

28. Deryugin, P.P. (1991), "Pedagogical diagnostics of interpersonal relations in the naval teams", Can. Sci. (Pedagogy) Thesis, Moscow, VPA, RUS.

29. Gaudin, O. and Le Calvé, M. (2018), "La traversée des ambiances. Regards sur les atmosphères en sciences sociales", *Communications*, vol. 1, iss. 102, pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.3917/commu.102.0005>.

30. Thibaud, J.P. (2012), "Petite archéologie de la notion d'ambiance", *Communications*, vol. 1, iss. 90, pp. 155–174. DOI:10.3406/comm.2012.2659.

31. Tarde, G. (1996), *Sotsial'naya logika* [Social logic], Transl. by Tseitlin, M., Sotsial'no-Psikhologicheskii Tsent, SPb., RUS.

32. Shihova, E.P. (2010), "Sociological approaches to the analysis of the sociocultural family atmospheres", *Bulletin of Chelyabinsk State Univ.*, no. 1 (182), *Philosophy. Sociology. Culturology*, iss. 16, pp. 141–144.

33. Shishova, E.S. (2018), "Urban atmosphere: the genesis of the phenomenon and its evolution in social sciences", *Tomsk State University J.*, no. 437, pp. 104–109. DOI: 10.17223/15617793/437/15.

34. Ol'shanskii, V.B. (1996), "Sociology of personality in Russia", *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia], in Yadov, V.A. (ed.), Izd-vo "Na Vorob'evykh", Moscow, RUS, pp. 423–456.

35. Sztompka, P. (1996), *Sociology of social change*, Transl. by Yadov, V.A. (ed.), Aspect Press, Moscow, RUS.

36. Toshchenko, Zh.T. (1998), "Social moods – a phenomenon of modern sociological theory and practice", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 21–35.

37. Lefebvre, H. (2015), *La production de l'espace*, Transl. by Staff, I. Strelka Press, Moscow, RUS.

38. Thibaud, J.P. (2015), "The backstage of urban ambiances: When atmospheres pervade everyday experience", *Emotion, Space and Society*, vol. 15, iss. 3, pp. 39–46. DOI:10.1016/j.emospa.2014.07.001.

39. Antchak, V. (2018), "City rhythms and events", *Annals of Tourism Research*, vol. 68, pp. 52–54. DOI: 10.1016/j.annals.2017.11.006.

40. Forrest, R. (2013), "Museum atmospherics: The role of the exhibition environment in the visitor experience", *Visitor Studies*, vol. 16 (2), pp. 201–216. DOI:10.1080/10645578.2013.827023.

41. Torgue, H. (2013), "Ville, Architecture et Ambiances. Matières et esprit du lieu", *École d'Automne du GDR VISIBLE, de la SFA et de l'IRSTV, GDR VISIBLE, SFA, IRSTV*, Oct 2013, Nantes, FRA, pp. 1–14.

42. Harvey, D. (2010), *Social Justice and the City*, Univ. of Georgia Press, Athens, USA.

43. Kotler, P. (1973), "Atmospherics as a marketing tool", *J. of retailing*, vol. 49, no. 4, pp. 48–64.

44. Currie, M.A. (2017), "A design framework for small parks in ultra-urban, metropolitan, suburban and small town settings", *J. of urban Design*, vol. 22, no. 1, pp. 76–95. DOI: 10.1080/13574809.2016.1234334.

45. Gundarov, I.A. (2011), "A new civilization is being born in the throes", *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 116–120.

46. Schmitz, H. (2016), "Atmospheric spaces", *Ambiances*, pp. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.4000/ambiances.711>.

47. Kozlov, A.S. (2014), "A small social group and its spiritual atmosphere as applied to civil aviation", *Civil Aviation High Technologies*, no. 203, pp. 101–105.

48. Smirnov, S.N. (2019), "Income inequality and socio-economic indicators (review)", *Social and humanitarian sciences: domestic and foreign literature. Ser. 2, Economics*, no. 2, pp. 154–159.

49. Pastukhova, E.Ya., Morozova, E.A. and Chelombitko, A.N. (2019), "Interrelation of socio-economic factors and various causes of mortality in the population of the region", *Fundamental Research*, no. 6, pp. 121–125. DOI: 10.17513/fr.42496.

50. Pantuk, I.V. and Zueva, E.N. (2012), "Incidence of mental and behavior disorders in Belarus during 1990–2010", *Meditsinskie novosti*, no. 11, pp. 42–45.

51. Shelygin, K.V. (2012), "Dynamics and structure of mortality from mental disorders in the Arkhangelsk region", *Tyumen Medical J.*, no. 1, pp. 37–38.

52. Zhussupov, B., Sarybayeva, G., Saparbekov, M. and Ismailova, M. (2016), "The impact of income on the performance and dynamics of population mortality in the regions of Kazakhstan", *Vestnik KazNMU*, no. 1, pp. 589–592.

53. Vilchinskaya, O.M. (2013), "Evaluation of the relationship between inequality in the distribution of income and health of the population in Ukraine", *Actual issues of modern science*, no. 30–2, pp. 80–90.

54. Chebotkova, Yu.Yu. and Leskova, I.V. (2010), "Alcohol consumption in Russia: impact on health and mortality", *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, no. 14, pp. 393–397.

55. *History of new Russia. Events in 2003*, available at: <http://ru-90.ru/chronicle/2003> (accessed 15.02.2022).

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology) (2002), Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Svetlana V. Boyarintseva – doctor, psychologist, employee Center of Independent Research, 118 Alma-Ata str., Samara 443106, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: social atmosphere, spiritual foundations of health.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 26.05.2022; adopted after review 28.06.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 304.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-75-90>

Сетевой капитал казачьей молодежи как элемент социального капитала российского казачества

**Анна Сергеевна Шиляева^{1✉}, Сергей Владимирович Курапов²,
Максим Евгеньевич Заболотников³, София Владимировна Петрова⁴**

^{1,3,4} Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

² Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», Санкт-Петербург, Россия

^{1✉} ann-shilyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2003-7439>

² sv_ksv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6842-9741>

³ zabolotnikovmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5305-094X>

⁴ kurtkabaina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9533-5417>

Введение. В статье рассматривается современное российское казачество как сложный социальный объект в триединстве коммуникаций межличностного, внутригруппового и внутриличностного порядка. Определяются этномаркеры казачества, влияющие на восприятие «свой-чужой», формулируется проблема концепции сетевого капитала казачества.

Методология и источники. Сформулирована конструкция сетевого капитала с точки зрения структурирования социальных отношений в сетевом подходе и с точки зрения культуры интерактивного общения в сетевом пространстве. Показаны основные подходы к определению и измерению сетевого капитала, выявляется его специфика для социальной группы казачьей молодежи. Описывается сетевая модель казачества и казачьей молодежи как целое и его часть. Показана роль государствообразующих ценностей в казачьей среде. Представлены наиболее крупные сетевые казачьи молодежные организации разных регионов России.

Результаты и обсуждение. В статье описывается методология исследования сетевого капитала, организованного на Всероссийском слете казачьей молодежи осенью 2021 года в городе Красноярске. На основе четырех групп ценностей казачьей молодежи, а именно социальных, личных, ценностей казачества и ценностей непосредственной контактной среды, проводится сетевой анализ положительных и отрицательных связей, а также взаимосвязей в подгруппах ценностей. Для сравнительного анализа используются результаты измерений сетевого капитала студентов IT-факультета вечернего отделения, показывающие четкую профессиональную ориентированность и принадлежность к обобщенному наднациональному сообществу IT-специалистов и невысокий командообразующий потенциал. Авторы делают вывод о том, что конструкция «сетевой капитал» чаще используется в эмпирическом значении для получения информации о механизмах доступа к ресурсам или некоторому воздействию через сетевые отношения.

Заключение. В целом, теория « сетевого капитала » находится в процессе своего формирования и требует дальнейшего научного осмысления. В происходящем процессе институционализации казачества нередко возникают противоречия между традици-

© Шиляева А. С., Курапов С. В., Заболотников М. Е., Петрова С. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ями и ценностями современного общества, которые казачья молодежь стремится разрешить компромиссным путем. Делается вывод о том, что сетевой капитал казачьей молодежи находится в стадии своего активного накопления и непрерывных трансформаций.

Ключевые слова: казачество, человеческий капитал, социальный капитал, сетевой капитал, казачья молодежь, социальная общность, IT-студенты, сетевая коммуникация

Для цитирования: Сетевой капитал казачьей молодежи как элемент социального капитала российского казачества / А. С. Шильяева, С. В. Курапов, М. Е. Заболотников, С. В. Петрова // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 75–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-75-90.

Original paper

The Network Capital of the Cossack Youth as an Element of the Social Capital of the Russian Cossacks

Anna S. Shilyaeva^{1✉}, **Sergey V. Kurapov**², **Maxim E. Zabolotnikov**³, **Sofia V. Petrova**⁴

^{1, 3, 4}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Center for Patriotic Education of Youth "Dzerzhinets", St Petersburg, Russia*

¹✉*ann-shilyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2003-7439>*

²*sv_ksv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6842-9741>*

³*zabolotnikovmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5305-094X>*

⁴*kurtkabaina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9533-5417>*

Introduction. The article considers the modern Russian Cossacks as a complex social object in the trinity of interpersonal, intragroup and intrapersonal communications. The ethno markers of the Cossacks that influence the perception of "friend or foe" are determined; the problem of the concept of the network capital of the Cossacks is formulated.

Methodology and sources. The section formulates the construction of network capital from the point of view of structuring social relations in the network approach, and from the point of view of the culture of interactive communication in the network space. The main approaches to the definition and measurement of network capital are shown, its specificity for the social group of Cossack youth is revealed. The network model of the Cossacks and Cossack youth is described as a whole and its part. The role of state-forming values in the Cossack environment is shown. The largest network Cossack youth organizations from different regions of Russia are presented.

Results and discussion. The article describes the methodology for researching network capital, organized at the All-Russian Gathering of Cossack Youth in the fall of 2021 in the city of Krasnoyarsk. On the basis of four groups of values of the Cossack youth, namely social, personal, values of the Cossacks and values of the direct contact environment, a network analysis of positive and negative relationships, as well as relationships in subgroups of values, is carried out. As a comparative analysis, the results of measuring the network capital of students of the IT faculty of the evening department are used, which show a clear professional orientation and belonging to a generalized supranational community of IT specialists and a low team-building potential. The authors conclude that the construction of "network capital" is more often used in an empirical sense to obtain information about the mechanisms of access to resources or some kind of influence through network relations.

Conclusion. In general, the theory of "network capital" is in the process of its formation and requires further scientific understanding. In the ongoing process of institutionalization

of the Cossacks, contradictions often arise between the traditions and values of modern society, which the Cossack youth seeks to resolve in a compromise way. It is concluded that the network capital of the Cossack youth is in the stage of its active accumulation and continuous transformations.

Keywords: Cossacks, human capital, social capital, network capital, Cossack youth, social community, IT students, network communication

For citation: Shilyaeva, A.S., Kurapov, S.V., Zabolotnikov, M.E. and Petrova, S.V. (2022), "The Network Capital of the Cossack Youth as an Element of the Social Capital of the Russian Cossacks", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 75–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-75-90 (Russia).

Введение. «Казачи от казаков ведуться», «хочешь быть на высоте, выбирай путь в гору» – эти старинные поговорки показывают уникальную социальную общность казачества, особую систему традиций и социальных смыслов. Современное российское казачество можно представить как сложный социальный объект с многочисленными коммуникациями внутригруппового, межличностного и внутриличностного порядка.

Стоит отметить, что внутриличностный аспект для нас имеет важное значение, поскольку личность со своей «самостью», встраиваясь в сложную систему социальных отношений, создает определенные «узлы» коммуникации – пункты, где рождаются и через которые проходят сообщения самого различного характера. Будучи помещенным в эти «узлы» или создавая их, индивид получает власть над потоком сообщений, и от него зависит, как он распорядится поступающей информацией – стоит или не стоит ее принимать, как ее интерпретировать, кому и в каком виде отправить дальше [1].

Особенностью всех внутригрупповых социальных коммуникаций казачества является также то, что они возникают в особой социокультурной среде, построенной на бинарной модели повседневности – военной и гражданской, взаимосвязанных и перекрывающих друг друга [2, с. 92–100]. В традициях казачества война – это неустранимый момент бытия, испытание, необходимое для устойчивой самоидентификации [3, с. 71], образующее центральный ориентир. Гражданская идентификационная модель казачества ориентирована на ценности трудолюбия, честности, справедливости, доброты, щедрости и гостеприимства.

Межличностные коммуникации характеризуются особенностью восприятия «свой-чужой», и это предопределяет качество дальнейшей коммуникации. Поскольку казачество – полужакрытая социальная группа, необходимыми условиями межличностной коммуникации в группе будут некоторые этномаркеры, среди которых назовем православное вероисповедание, принадлежность к какой-либо казачьей организации, территориальную идентичность, потомственность, казачью форму, наличие папахи, умение владеть казачьим оружием, опыт прохождения военной службы и др.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного в 2011 г. по уникальной выборке, среди современных казаков потомственность является значимым маркером идентификации. В совокупности более 90 % опрошенных указали на доминирующую роль кровнородственного признака при определении того, кто такой настоящий казак. Необходимо также обратить внимание, что значимость определения «настоящий казак – это член казачьих организаций» примерно в три раза ниже по степени своей распространенности среди респондентов [4, с. 168].

Основным участником данного процесса является государство, которое стремится перестроить групповые маркеры казачества таким образом, чтобы они были институционально связаны с государством [5].

Сетевизация всех форм коммуникативного поведения и межличностных отношений сформировала новую сетевую социальную модель казачества. Здесь играет особую роль технологически опосредованная коммуникация, или «делокализация», компонентов совместной деятельности, а коммуникативные средства оказываются распределенными в пространстве и времени [6]. Взаимодействие происходит путем следования за «оставленным» в сетевом пространстве «цифровым следом» в форме словесных тезисов, комментариев, картинок, меток и иных результатов виртуальной человеческой деятельности. Накопление «цифровых следов» в сети приводит к перестроению всей социальной действительности.

Методология и источники. А. Этциони, М. Кастельс, Р. Инглетарт видят основной смысл социального капитала в результате деятельности сетевых структур, основанных на принципах коммунитаризма и ориентированных на воспроизводство социальных добродетелей, трансформирующих социальную жизнь и производящих новые формы социального взаимодействия и коммуникаций.

Рассматривая конструкции сетевого капитала, стоит отметить, что помимо прямого указания на социальные связи и сетевую природу этих связей такая форма образуется за счет коллективных акторов, в то время как социальный капитал формируют акторы индивидуальные [7].

Дж. Урри подчеркивал, что социальный капитал не в полной мере объясняет взаимодействие в условиях современных сетевых связей. Сетевой капитал (network capital) выступает как способность создавать и поддерживать социальные отношения с людьми, которые находятся в любой точке мира, а также способность приносить эмоциональную, финансовую и практическую прибыль. Основными критериями сетевого капитала Дж. Урри называет дистанционность, удаленность узлов друг от друга в пространстве и заочное присутствие [8, с. 336].

Вопрос сетевого капитала в казачьей среде возникает как необходимое продолжение темы социального капитала как одного из его элементов, поддающихся измерению и оценке. Ряд социологов полагает, что такой подход возможен, если сети во внутригрупповых отношениях рассматриваются как актив, формируемый посредством целевых стратегических инвестиций во взаимодействия, позволяющие получать доступ к необходимым ресурсам.

Существует также мнение, что термин «сетевой капитал» возник в сетевом подходе для того, чтобы сосредоточиться на реляционном контексте социального капитала, конкретно – на возникновении и поддержании посредством сетевых связей доверия и взаимности – предположительно потому, что именно доверие и взаимность являются теми элементами реляционного капитала, которые необходимы для обеспечения открытости и эмоциональной связанности участников сети. Речь идет о некоторых наиболее значимых аспектах реляционного капитала, «квинтэссенция» которых привлекает наибольшее внимание.

Увлеченность структурированием социальных отношений в сетевом подходе уступила место попыткам объяснить общесетевые процессы и поведение отдельных людей. Вследствие

этого сетевая динамика начала рассматриваться сквозь коммуникативную призму сетевых отношений, а качественные методы исследования существенно разбавили количественные.

Вторая позиция фокусируется на особенностях стремительно развивающейся культуры интерактивного общения в сетевом обществе. Она понимает сетевой капитал как меру, с помощью которой возможно определить ценность связей в электронных (цифровых) сетях, или шире: при появившейся технической возможности свободно перемещаться, сохраняя общение на расстоянии, на первый план выходит способность выстраивать эмоционально, финансово и практически полезные отношения с людьми, не определяющимися как близкие. Иными словами, речь идет о сетевом капитале как капитале подвижности, порождающем социальные последствия [9].

Поскольку сеть является иерархичной, для ее функционирования необходима общая и интересная всем участникам тема, где каждый сетевой актор («сетевой узел») дает дополнительные ресурсы [10, с. 35–37]. По мнению Т. М. Ковалевой, возникает феномен самоорганизации сети, без внешнего воздействия и управления. На первое место выходят межличностные и эмоциональные связи, нежели формальные. Именно эти личные связи и обуславливают жизнеспособность сети и сетевого капитала [10, с. 36].

В соответствии с сетевой теорией формируемое сетевое пространство должно выполнять определенные функции, такие как открытость, стимулирование и мотивация, поддержка и развитие. Только при этих условиях сеть можно рассматривать как эффективную и способную давать развитие своим акторам [11, р. 252].

Развитие сетевого капитала зависит от слабых связей, плотность которых обусловлена совокупностью эмоциональной интенсивности, длительности, сходства и доверительности [12]. Благодаря этому слабые связи становятся ресурсом индивидуальной мобильности индивида и фактором создания социальной сплоченности общности.

Обособленно стоит идея полного изъятия из сетевого подхода концепта «социальный капитал» и его замены на «сетевой капитал» [13]. Обосновывается она тем, что любые формы капитала так или иначе включают в себя социальный аспект. Выделяя же социальный капитал, наука отказывает прочим формам капитала в их социальных особенностях. Сетевой капитал в качестве аналога социального капитала предполагает, что сети должны создаваться намеренно для получения выгод или же, не являясь сознательной инвестицией, должны быть способны потенциально преобразовываться в социальные активы.

Таким образом, внутригрупповое сетевое взаимодействие казачества представляет собой социальную конструкцию с множеством идентичностей, отличающихся от внесетевых идентичностей дополнительным компонентом и «обезличенным доверием». В данной сетевой конструкции казачья молодежь занимает особое место, формируя современные сетевые модели, выстраиваясь в виртуальную социальную общность.

Стоит отметить, что перспектива развития российского казачества как социальной общности и становления его как самостоятельного социального института связана с формированием социального капитала, в котором молодежной группе выделяется особая роль. Мобилизационный социальный капитал в исследовании казачьей молодежи предполагает, что каждый из ее представителей использует приобретенные контакты и социальные ресурсы в процессе обретения значимого социального статуса «казак». В этом смысле количество и качество связей, их происхождение, принадлежность к казачеству семьи молодого человека,

уровень его образования, уровень дохода, несение военной службы и другие факторы значительно влияют на получаемый им статус.

На данный момент существует большое количество организаций казачьей молодежи, в которых часть коммуникаций происходит в сетевом пространстве. Наиболее известные молодежные организации – «Союз казачьей молодежи России», «Молодежь Союза казаков-воинов России и Зарубежья», «Казачья молодежь», «Казачья молодежь Петербурга», Казачья детско-молодежная организация «Донцы», Молодежная казачья организация ВКО «ЦКВ», Казачья детско-молодежная организация «Балтийцы», «Терцы: молодежь Терского казачьего войска», «Союз казачьей молодежи Кубани» и некоторые другие.

Анализируя факторы сетевого капитала казачьей молодежи, стоит отметить, что в социальных сетях созданы многочисленные группы по казачьей тематике, включая и зарубежные. В каждой такой группе найдутся участники непосредственной контактной сетевой среды, включенные в казачье сообщество. В самих группах можно заметить достаточно активное общение, что также указывает на наличие сетевого капитала.

Также важным является тезис о том, что традиционализм выступает фильтром для восприятия влияния цифрового воздействия и сетевого пространства [14].

Результаты и обсуждение. Для участия на Всероссийском молодежном казачьем слете, который состоялся в октябре 2021 г. в Красноярске, Федеральным агентством по делам молодежи Росмолодежь был проведен отбор наиболее активной казачьей молодежи в возрасте от 18 до 35 лет. Основная особенность состоит в том, что все респонденты из разных регионов России знакомы друг с другом в основном через общение в сети Интернет, которое, однако, сохраняется и после проведения мероприятия в процессе реализации совместных проектов.

Социологическое исследование измерения сетевого капитала казачьей молодежи проводилось методом анкетного опроса, в котором были заложены четыре группы ценностей: личные, социальные, характерные черты казачества и ценности непосредственной казачьей среды.

Среди личных ценностей были выделены семья, самообразование, строгость в воспитании, перспективы будущего, ведение подсобного хозяйства.

Социальные ценности казачества представлены самобытностью социальной группы, выбором военной профессии, религиозностью, традициями и обычаями, коммуникацией внутри группы.

Общественные ценности – это участие в международных форумах, применение цифровых технологий, выбор общения со своим народом, занятие предпринимательской деятельностью.

Ценности непосредственной контактной среды сформулированы таким образом: дисциплина, польза от получаемых знаний, желание состояться в казачьей организации, чувство уверенности в организации, оценка организации, отношения с командирами и наставниками.

Для каждой ценности была сформулирована антиценность как противоположный индикатор, отражающий противоположные ориентиры. Соответственно, потенциальный сетевой капитал казачьей молодежи будет определяться при высоких показателях перечисленных ценностей.

Для проведения сравнительного анализа сетевого капитала проводилось исследование студентов вечернего отделения IT-факультета одного из вузов Санкт-Петербурга. Следует обратить внимание на специфику группы студентов-вечерников: это молодые юноши и девушки (18–27 лет), живущие в черте города, не в общежитиях, в основном имеющие постоянную работу и собственный заработок.

Размер выборки нерепрезентативен, поэтому результаты исследования следует оценивать как пилотажные.

Как показано на рис. 1, у казачьей молодежи наибольшая плотность положительных связей складывается между подсистемами «Непосредственная контактная среда» и «Социальная группа», в данном случае «Казачество». Плотность этих связей составляет 21 % от количества всех значимых положительных связей в сети. Взаимосвязь этих двух подсистем характеризует ценностную интегрированность элементов сетевого капитала из микрогрупп «Непосредственной контактной среды» казачьей молодежи в социальном капитале российского казачества.

Рис. 1. Положительные связи ценностей казачьей молодежи
Fig. 1. Positive connections of values of Cossack youth

На представленной схеме можно увидеть, что коммуникации внутри казачьей среды возможны при наличии хороших отношений с командирами, желании состоять в казачьем обществе, дисциплины, профессиональной военной сферы, религиозности, вовлечения семьи в эту общность и участия в международных форумах как возможности выстроить перспективы для своего будущего в своей стране.

Стоит обратить внимание, что наличие положительных связей между предпринимательством и цифровыми технологиями не порождает других сочетаний этих факторов, т. е. ни предпринимательская деятельность, ни цифровые технологии на должном уровне не встроены в систему жизнедеятельности казачьей молодежи.

Плотность положительных связей внутри подсистемы «Непосредственная контактная среда» (38 % от общего числа значимых положительных связей) характеризует высокую системность во взаимосвязи элементов сетевого капитала в микрогруппах казачьей молодежи, высокий ценностный потенциал этих малых сетей. Это подтверждается проведенными интервью с представителями казачьей молодежи (23 респондента), большинство которых выразили желание совместно в команде обсуждать и решать острые и актуальные проблемы казачества.

Рис. 2. Взаимосвязи в подгруппах ценностей казачьей молодежи
Fig. 2. Interrelations in subgroups of values of Cossack youth

На рис. 2 показаны связи индикаторов, которые сложились в подгруппах ценностей. Степень сформированности этих связей раскрывает, какая из подгрупп индикаторов и в какой степени обладает системными характеристиками [15, с. 154–155]. Наиболее сильные связи у казачьей молодежи возникают, во-первых, между отношениями с командирами и дисциплиной, что в целом коррелирует с тезисом о «казачьей демократии», т. е. таком порядке, когда командирами становятся наиболее авторитетные казаки из своей же контактной среды. А во-вторых, сильны связи между дисциплиной и пользой от получаемых выгод в своей контактной казачьей среде, что также находит отражение в приведенном нами ранее тезисе о сетевом капитале как способности выстраивать эмоционально, финансово и практически полезные отношения с людьми, не определяющимися как близкие.

Оценка казачьей организации взаимосвязана с желанием в ней состоять, т. е. если организация оценивается молодым казаком как недостаточно полезная, не дающая определенные конкурентные преимущества, скорее всего, в скором времени она будет отторгнута. Этот процесс в повседневной практике взаимодействия с казачеством можно наблюдать повсеместно. Довольно часто казачьи организации держатся по большей части на личностях

руководителей – атаманов, что также находит отражение в сильной связи между командиром и оценкой организации.

На втором месте (14 % от общего числа положительных связей) находится ценностный потенциал подсистемы «Социальная группа». На рис. 2 показаны взаимосвязи элементов в каждой группе ценностей. В группе ценностей «Социальная среда» видна взаимосвязь традиций казачества и военной службы, традиций и религиозности, которая связана с коммуникациями в социальной группе казачества. Также сильная связь существует во взаимодействии военной сферы и коммуникаций.

Таким образом, для казачьей молодежи сетевой капитал сформировался в границах традиций, военной службы, коммуникаций с группой и религиозностью.

Слабая связь личных ценностей наблюдается в сочетании строгости в воспитании и процесса самообразования. Но несмотря на сильные традиции казачества по отношению к семейным ценностям, они не соединены ни с одним из вариантов.

Рис. 3. Отрицательные связи ценностей казачьей молодежи
Fig. 3. Negative connections of values of Cossack youth

Как показано на рис. 3, наибольшая плотность отрицательных связей приходится на подсистемы индикаторов «Социальная группа» (казачество) и «Общество». Данный факт, исходя из ценностной рефлексии представителей казачьей молодежи, показывает некоторую проблематику в ценностной интеграции элементов социального капитала казачества в систему социального капитала всего российского общества, а другими словами, поиском казачьей молодежи места казачества в российском обществе.

Таким образом, религиозность имеет отрицательную связь с таким важным показателем в сетевом капитале казачьей молодежи, как цифровые технологии, а драйвер роста сетевого капитала – предпринимательство – не сочетается с традициями казачества и поэтому выпадает

и из ценностной матрицы, и из сетевого капитала. Цифровые технологии не имеют системной связи ни с ценностями семьи, ни с коммуникациями в казачестве.

Стоит обратить внимание на силу отрицательных связей с цифровыми технологиями и у других индикаторов, таких как самобытность группы, желание состоять в организации и отношения с командирами. Несмотря на высокий вес цифровых технологий как ценностного индикатора, их значимости как одного из драйверов сетевого капитала, можно наблюдать ценностные противоречия с названными выше индикаторами, характеризующими ценности традиционного общества.

В то же время нами была исследована группа молодых IT-студентов (288 респондентов), обучающихся в одном из вузов Санкт-Петербурга на вечернем отделении.

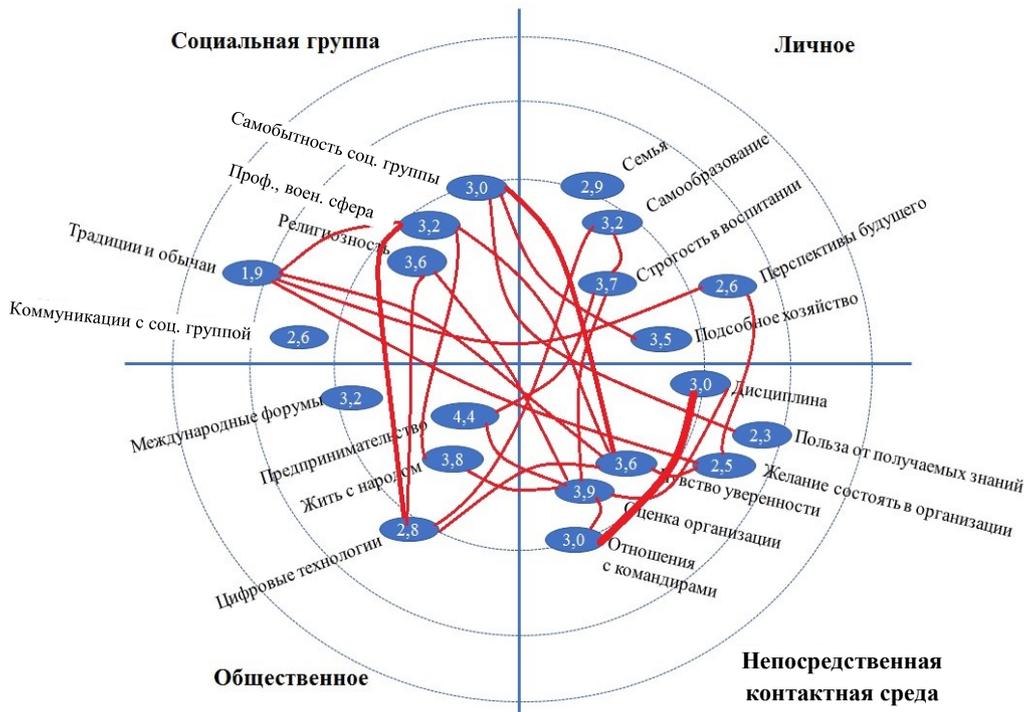

Рис. 4. Положительные связи ценностей IT-студентов
Fig. 4. Positive connections of IT students' values

Как показано на рис. 4, наибольшее количество положительных связей, так же, как и у казачьей молодежи, у IT-студентов наблюдается между подсистемами «Непосредственная контактная среда» и «Социальная группа». Плотность этих связей составляет 25 % от количества всех значимых положительных связей в сети. Это показывает осознанную ценностную принадлежность студентов к социальной группе IT-специалистов с ее традициями, правилами и нормами поведения. Следует отметить, что количество положительных связей между этими подсистемами у казачьей молодежи и студентов одинаково. Однако у казачьей молодежи общее количество значимых положительных связей больше, чем у студентов.

Стоит обратить внимание, что связи ценности использования цифровых технологий у студентов гораздо разнообразней, чем у казачьей молодежи. Так, например, цифровые технологии, профессиональная сфера и религиозность характеризуются плотной связью. Однако в отличие от казачьей молодежи семья и коммуникации со студенческим сообществом

не связаны ни с одной другой ценностью. Этот результат подтверждает тезис о том, что IT-молодежь достаточно индивидуалистична и не характеризуется желанием работать в команде.

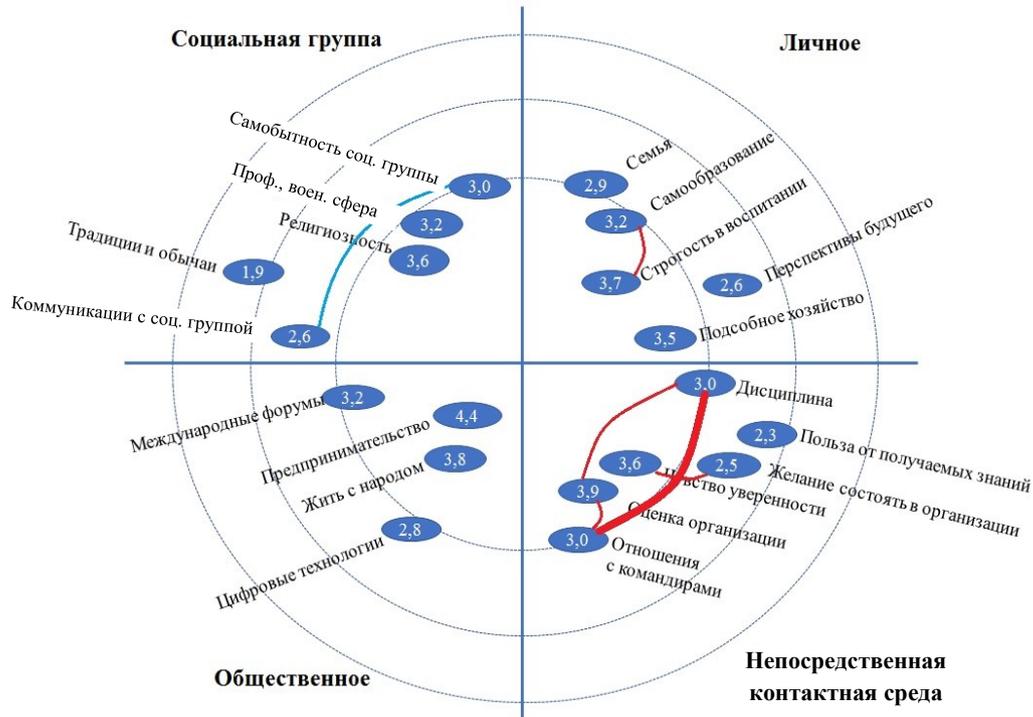

Рис. 5. Взаимосвязи в подгруппах ценностей IT-студентов
Fig. 5. Relationships in subgroups of IT students' values

Плотность положительных связей внутри подсистемы «Непосредственная контактная среда» (17 % от общего числа значимых положительных связей) характеризует некоторую системность взаимосвязей элементов сетевого капитала в микрогруппах студентов. Вместе с тем на рис. 5 можно увидеть, что характер взаимосвязей между индикаторами показывает скорее ценностную принадлежность к профессиональной IT-среде, нежели системность в межличностных коммуникациях. Как и у казачьей молодежи, у IT-студентов наблюдается сильная связь между отношениями с командирами (преподавателями) и дисциплиной, между такими отношениями и оценкой вуза.

Характер и количество значимых взаимосвязей между индикаторами в подгруппах ценностей студентов показывают высокий ценностный потенциал этих малых сетей.

Как показано на рис. 6, наибольшая плотность отрицательных связей складывается между подсистемами «Личное» и «Общество». Прослеживается отрицательная связь ценностных индикаторов личного плана и ценностных индикаторов российского общества. Наиболее сильные отрицательные связи у IT-студентов между коммуникациями со студенческой группой и ее самобытностью (независимостью), между коммуникациями и оценкой университета, между коммуникациями и предпринимательством, а также между коммуникациями и участием в международных форумах и обменах (контекст задаваемого респондентам вопроса – участие в международных форумах на благо Родины). Следующие отрицательные связи отмечаются между перспективой будущего и международными форумами, предпринимательством и жизнью со своим народом в своей стране.

Рис. 6. Отрицательные связи ценностей ИТ-студентов
Fig. 6. Negative connections of IT students' values

Как видно из рис. 3 и 6, общая плотность отрицательных связей у ИТ-студентов в 1,5 раза выше значения данного параметра у казачьей молодежи, что наводит на мысли о том, что данная студенческая группа в целом не видит перспективы своего развития в российском социуме.

Проверка результатов пилотажного исследования сетевого капитала казачьей молодежи проводилась методом интервьюирования ее представителей (всего 24 респондента) и показала ценностное противоречие между драйверами сетевого капитала (цифровыми технологиями) и «столпами» традиционного общества (традициями, непосредственным общением и взаимовыручкой). Таким образом, подтвердилось системное противопоставление ценностей цифрового и традиционного обществ.

Для молодежи, воспитанной в традициях казачества, но идущей на гребне волны цифровизации, важной и острой является проблема поиска путей адаптации традиционной составляющей к условиям сетевого общества. Так, например, институт «казачьего круга» как высшего органа управления в казачьих обществах, подчиненного традиционному регламенту и требующего обязательного очного присутствия всех акторов, в последнее время претерпел некоторые изменения регламента в части присутствия некоторых акторов удаленно, с использованием видеоконференцсвязи.

Анализ результатов исследования группы ИТ-студентов показал ее четкую профессиональную ориентированность и принадлежность к обобщенному наднациональному сообществу ИТ-специалистов. Относительно невысокий потенциал сети ценностей в подгруппе непосредственной контактной среды, противоречие в соотношении ценностей личного и общественного плана определяют низкий уровень межличностных коммуникаций между акторами этой группы и невысокий командообразующий потенциал. Это подтверждается

большим желанием студентов участвовать в тренингах по совершенствованию коммуникативных и командообразующих навыков, навыков публичных выступлений, технике самопрезентации и некоторым другим.

В целом показатель плотности сети ценностей у IT-студентов ниже, чем у казачьей молодежи, хотя условия для повседневных коммуникаций друг с другом и с окружающим социумом у студентов гораздо выше, поскольку они учатся вместе.

Заключение. На данном этапе социологического дискурса социальный и сетевой капитал описываются как часть и целое. При использовании сетевого подхода к исследовательской практике сетевой капитал понимается как аспект реляционного измерения социального капитала, интегрированный в повседневную практику сетевого общения. Конструкция «сетевой капитал» чаще используется в эмпирическом значении для получения информации о механизмах доступа к ресурсам или воздействия через сетевые отношения. Теория «сетевого капитала» находится в процессе своего формирования, и поэтому данный конструкт теоретизируется редко, и еще реже – способы управления им.

Сетевой капитал казачьей молодежи встроен в структуру социального капитала всего казачества, которое, в свою очередь являясь частью социального капитала всего российского социума, и в настоящее время институционализируется в его системе. В процессе институционализации казачества нередко возникают противоречия между традиционными ценностями и ценностями современного общества, которые казачья молодежь стремится разрешить компромиссным путем.

Методологический потенциал сетевого капитала открывает новые направления научно-практической мысли в среде казачества и создает возможности для инновационного подхода к этой традиционной общности.

Сетевой капитал казачьей молодежи находится в стадии своего активного накопления и непрерывных трансформаций. Функционирует множество сообществ в социальных сетях, позволяющих выстраивать общение со своими представителями, находящимися в разных городах и странах. Казачьи круги или рабочие встречи часто стали проходить в режиме видеоконференцсвязи, что противопоставляется традиционному смыслу «плечо к плечу». Общероссийские казачьи организации, такие как «Союз казаков-воинов России и Зарубежья», «Всероссийское казачье войско», позволяют получить членство казакам из любой точки страны или мира. Само включение в казачье сообщество и активное участие в нем позволяют реализовывать личный потенциал, обрести чувство уверенности, приобретать новые знания и навыки, получать моральное удовлетворение и налаживать полезные связи.

Можно с уверенностью предположить, что по мере накопления сетевого капитала в среде казачьей молодежи проблема ценностного противоречия традиционных индикаторов и цифровых драйверов капитала будет минимизирована.

В сравнении с казачьей молодежью сетевой капитал IT-студентов в микрогруппах имеет более низкий уровень. В то же время поодиночке студенты посредством сильных взаимосвязей включены в структуру социального капитала широкой группы IT-специалистов, имеющей наднациональную принадлежность и ориентированную на ценности глобалистического характера. Данное противопоставление показывает, что казачья молодежь с государствообразующими традиционными ценностями посредством накопления сетевого

капитала представляет большой интерес как для теоретической, так и для практической социологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пивоваров А. М. Внутриличностная коммуникация как предмет социологического анализа // Журн. социологии и социальной антропологии СПбГУ. 2006. Т. 9, № 4. С. 50–65.
2. Бондарь Н. Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) // Православие, традиционная культура, просвещение. Краснодар: Деп. культуры адм. Краснодар. края, 2000. С. 92–120.
3. Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр... // Родина. 1995. № 10. С. 68–72.
4. Казачество как этносоциальный феномен современной России (на примере донского казачества) / В. П. Водолацкий, Ю. Г. Волков, Ф. А. Барков и др. Ростов н/Д.: ЮФ ИС РАН, 2011.
5. Сериков А. В., Барков Ф. А. Феноменологическая реконструкция маркеров групповой идентичности донских казаков // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 42–49.
6. Кузнецова Е. В., Жукова Т. И., Тищенко В. И. Сетевая форма человеческого капитала // Труды ИСА РАН. 2020. Т. 70, № 3. С. 29–37. DOI: 10.14357/20790279200304.
7. Байбурина Э. Р., Жуковец О. С. Концепция анализа сетевого капитала как драйвера стоимости компании // Корпоративные финансы. 2009. Т. 3, № 4 (12). С. 130–144.
8. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
9. Wellman B., Frank K. Network Capital in a Multi-Level World: Getting Support from Personal Communities // Social Capital: Theory and Research / N. Lin, R. Burt, K. Cook (eds.). Chicago: De Gruyter, 2001. P. 233–273. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315129457>.
10. Ромм Т. А., Ромм М. В. Сетевой подход в дополнительном образовании: стратегия и тактика // Вестн. ТГПУ. 2019. 3. С. 35–41. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-3-35-41.
11. Kadushin Ch. Understanding social networks: theories, concepts and findings. NY: Oxford Univ. Press, 2012.
12. Грановеттер М. Сила слабых связей / пер. с англ. З. В. Котельникова // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
13. Заякина Р. А. Социальный и сетевой капиталы: соотношение понятий в сетевом подходе // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3. Ч. 2. С. 231–251. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-231-251.
14. Шиляева А. С., Курапов С. В. Традиционализм и цифровизация в казачьих кадетских корпусах (социально-исторический анализ) // Информация – Коммуникация – Общество. 2019. Т. 1. С. 157–163.
15. Человеческий капитал в фокусе современного социологического дискурса / П. П. Дерюгин, О. В. Ярмач, А. С. Шиляева и др. СПб.: Медиапиар, 2020.

Информация об авторах.

Шиляева Анна Сергеевна – кандидат социологических наук (2018), ассистент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология казачества.

Курапов Сергей Владимирович – кандидат социологических наук (2021), специалист по работе с молодежью Центра патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», Шпалерная ул., д. 15-17, Санкт-Петербург, 191187, Россия. Автор 23 научных публикаций.

Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология казачества.

Заболотников Максим Евгеньевич – студент (3 курс) Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 1 научной публикации. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология казачества.

Петрова София Владимировна – студентка (3 курс) Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 1 научной публикации. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология казачества.

Вклад авторов.

Шиляева Анна Сергеевна – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Курапов Сергей Владимирович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Заболотников Максим Евгеньевич – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Петрова София Владимировна – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.06.2022; принята после рецензирования 12.07.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Pivovarov, A.M. (2006), "Intrapersonal communication as a sociological topic", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 9, no. 4, pp. 50–65.
2. Bondar', N. (2000), "Warriors and grain growers (some aspects of the male subculture of the Kuban Cossacks)", *Pravoslavie, traditsionnaya kul'tura, prosveshchenie* [Orthodoxy, traditional culture, education], Krasnodar, Dep. kul'tury adm. Krasnodar. Kraya, RUS, pp. 92–120.
3. Yakovenko, I. (1995), "Mobile, desperate and brave ...", *Rodina*, no. 10, pp. 68–72.
4. Vodolatskii, V.P., Volkov, Yu.G., Barkov, F.A. et al. (2011), *Kazachestvo kak etnosotsial'nyi fenomen sovremennoi Rossii (na primere donskogo kazachestva)* [Cossacks as an ethno-social phenomenon of modern Russia (on the example of the Don Cossacks)], SF IS RAS, R n/D., RUS.
5. Serikov, A.V. and Barkov, F.A. (2014), "Phenomenological reconstruction of the markers of group identity of the Don Cossacks", *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 7, pp. 42–49.
6. Kuznetsova, E.V., Zhukova, T.I. and Tishchenko, V.I. (2020), "Network Human Capital", *Proceeding of the Institute for Systems Analysis of the RAS*, vol. 70, no. 3, pp. 29–37. DOI: 10.14357/20790279200304.
7. Bayburina, E.R. and Zhukovets, O.S. (2009), "Networks capital analytic lens: moving towards the concept of the value drivers", *J. of corporate finance research*, vol. 3, no. 4 (12), pp. 130–144.
8. Urry, J. (2012), *Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century*, Transl. by Kralachkin, D., Ed. house of the Higher School of Economics, Moscow, RUS.
9. Wellman, B. and Frank, K. (2001), "Network Capital in a Multi-Level World: Getting Support from Personal Communities", *Social Capital: Theory and Research*, Lin, N., Burt, R. and Cook, K. (eds.), De Gruyter, Chicago, USA, pp. 233–273. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315129457>.

10. Romm, T.A. and Romm, M.V. (2019), "Network approach to the additional education: strategy and tactic", *Tomsk State Pedagogical Univ. Bulletin*, vol. 3, pp. 35–41. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-3-35-41.
11. Kadushin, Ch. (2012), *Understanding social networks: theories, concepts and findings*, Oxford Univ. Press, NY, USA.
12. Granovetter, M. (2009), "The Strength of Weak Ties", Transl. by Kotel'nikov, Z.V., *Economic sociology*, vol. 10, no. 4, pp. 31–50.
13. Zayakina, R.A. (2021), "Social and network capital: the relationship between concepts in a network approach", *Ideas and ideals*, vol. 13, iss. 3, pt. 2, pp. 231–251. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-231-251.
14. Shilyaeva, A.S. and Kurapov, S.V. (2019), "Traditionalism and digitalization in the Cossack cadet corps (socio-historical analysis)", *Information - Communication – Society*, vol. 1, pp. 157–163.
15. Deryugin, P.P., Yarmak, O.V. and Shilyaeva, A.S. (2020), *Chelovecheskii kapital v fokuse sovremennogo sotsiologicheskogo diskursa* [Human capital in the focus of modern sociological discourse], Mediapiar, SPb., RUS.

Information about the authors.

Anna S. Shilyaeva – Can. Sci. (Sociology) (2018), Assistant at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the Cossacks.

Sergey V. Kurapov – Can. Sci. (Sociology) (2021), Specialist in work with youth, Center for Patriotic Education of Youth "Dzerzhinets", 15–17, Shpalernaya str., St Petersburg 191187, Russia. The author of 23 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the Cossacks.

Maxim E. Zabolotnikov – student (3 year), Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 1 scientific publication. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the Cossacks.

Sofia V. Petrova – student (3 year), Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 1 scientific publication. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the Cossacks.

Author's contribution.

Anna S. Shilyaeva – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

Sergey V. Kurapov – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

Maxim E. Zabolotnikov – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

Sofia V. Petrova – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.06.2022; adopted after review 12.07.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 314.722; 316.334.56
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-91-108>

Ресурсы гражданской науки и социологии (на примере конструирования социальной карты питания дагестанской молодежи в Санкт-Петербурге)

Екатерина Александровна Шекера

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
shekerak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6818-0181>*

Введение. В данной статье рассматриваются возможности и ограничения применения наработок гражданской науки в социологии на примере конструирования карты расположения инфраструктуры удовлетворения национально-религиозных потребностей дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге.

Методология и источники. Помимо описания концептуальных наработок зарубежных исследователей гражданской науки (С. В. Cooper, J. Dickinson, T. Phillips, R. Bonney, K. Purdam, L. Richardson, K. L. Prudic, J. C. Oliver, B. V. Brown, E. C. Long и др.) приведен обзор отечественных публикаций (Е. В. Брызгалина, Ф. Э. Аревало Леон, А. Г. Газоян, Е. Г. Гребенщикова, В. Н. Железняк, Е. В. Середкина и др.). Сделан вывод, что обзор отечественных публикаций демонстрирует аналитику преимущественно зарубежных исследовательских проектов гражданской науки, в то же время самые свежие работы направлены на осмысление опыта российских проектов, включая трудности применения гражданской науки в России. Также составлен обширный обзор направлений проектов гражданской науки в современных научных исследованиях.

Результаты и обсуждение. Сбор данных проходил через социальную сеть ВКонтакте на базе крупной дагестанской группы, ориентированной на проживающих в Санкт-Петербурге земляков. Результатом проведенного исследования является составление карты пунктов питания и реализации продукции халяль в Санкт-Петербурге. Созданная на базе мнений дагестанской молодежи, карта включает в себя 87 объектов. Исходя из пользы проведенного исследования рассмотрено приобретенное благо для науки, общества и гражданских ученых. В целом попытка создания данной карты с привлечением наработок гражданской науки позволила протестировать ресурсы, предоставляемые гражданской наукой, для исследовательских целей, тем самым мы выявили достоинства и недостатки применения гражданской науки в социологии, внеся вклад в популяризацию применения гражданской науки в практических исследованиях.

Заключение. Сделан вывод, что привлечение гражданских ученых является эффективным способом исследований городских пространств, поскольку гражданская наука, как правило, работает в больших масштабах, опираясь на пространственно рассредоточенных участников, но в то же время обладает серьезными ограничениями; необходимо проведение предварительных исследований, поскольку главный ограничитель ее применения – заинтересованность гражданских ученых в самом исследовании.

© Шекера Е. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: гражданская наука, урбанизированная территория, халяль, Санкт-Петербург, социальное картографирование городского пространства, дагестанская молодежь, внутренняя миграция

Благодарность: автор выражает благодарность Поповой Евгении (заместителю директора, старшему научному сотруднику НОЦ PAST-центра НИ ТГУ) за идею реализации задуманного исследования благодаря докладу «Гражданская наука: понятие, история, кейсы», представленному на 4-й летней STS школе «Наука как форма жизни» (Томск, 22–29 июня 2019 г.).

Статья написана на основе доклада «Возможности и ограничения применения методов гражданской науки при исследовании урбанизированных территорий (на примере составления карты пунктов питания и реализации продукции халяль в Санкт-Петербурге)», представленного на Всероссийской научной конференции с международным участием XIII Ковалевские чтения «Молодежь XXI века: образ будущего» (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.).

Для цитирования: Шекера Е. А. Ресурсы гражданской науки и социологии (на примере конструирования социальной карты питания дагестанской молодежи в Санкт-Петербурге) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 91–108. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-91-108.

Original paper

Resources of Civil Science and Sociology (on the Example the Design of the Social Food Map of Dagestan Youth in St Petersburg)

Ekaterina A. Shekera

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
shekerak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6818-0181>*

Introduction. This article examines the possibilities and limitations of applying the concept of civil science on the example of constructing a map of the location of the infrastructure to meet the national and religious needs of Dagestan youth living in St Petersburg.

Methodology and sources. In addition to the conceptual developments of foreign researchers of civil science (C.B. Cooper, J. Dickinson, T. Phillips, R. Bonney, K. Purdam, L. Richardson, K.L. Prudic, J.C. Oliver, B.V. Brown, E.C. Long, etc.), the article contains review of domestic publications (E.V. Bryzgalina, F. Arevalo Leon, A.G. Gazoyan, E.G. Grebenshchikova, V.N. Zheleznyak, E.V. Seryodkina, etc.). It is concluded that the review of domestic publications demonstrates the analytics of predominantly foreign research projects of civil science, while the most recent works are aimed at understanding the experience of Russian projects, including the difficulties of applying civil science in Russia. It also compiled an extensive overview of the directions of civil science projects in modern scientific research.

Results and discussion. Data collection took place through the social network VKontakte based on a large Dagestan group focused on fellow landmen living in St Petersburg. The result of the study is the compilation of a map of food outlets and the sale of halal products in St Petersburg, based on the opinion of Dagestan youth, the map includes 87 objects. Based on the benefits of the study, the acquired benefit for science, society and civil scientists is considered. In general, the attempt to create this map with the involvement of citizen science has allowed us to test the resources provided by citizen science for research purposes, thereby we have identified the advantages and disadvantages of the use of citizen science in sociology, contributing to the popularization of the use of citizen science in practical studies.

Conclusion. It is concluded that engaging citizen science is an effective way to explore urban spaces, since it tends to operate on a large scale, relying on spatially dispersed participants, but at the same time it has serious limitations, therefore, its application requires preliminary research. Since the main limitation of its application is the interest of civil scientists in the research itself.

Keywords: civil science, urbanized area, halal, St Petersburg, social mapping of urban space, Dagestan youth, internal migration

Acknowledgement: the author is grateful to Evgeniya Popova (Deputy Director of PAST-Centre, Tomsk State University) for the idea of implementing the planned research, thanks to the report “Civil Science: Concept, History, Cases” presented at the 4th STS School “Science as a Form of Life” (June 22–29, 2019, Tomsk).

The article is written on the basis of the report on the topic “Possibilities and limitations of the use of citizen science methods in the study of urbanized areas (on the example of mapping food outlets and the sale of halal products in St Petersburg)”, presented at the All-Russian Scientific Conference with international participation XIII Kovalev Readings “Youth of the XXI century: the image of the future” (November 14–16, 2019, St Petersburg).

For citation: Shekera, E.A. (2022), “Resources of Civil Science and Sociology (on the Example the Design of the Social Food Map of Dagestan Youth in St Petersburg)”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 91–108. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-91-108 (Russia).

Введение. Современный мир все чаще сталкивается с проблемами глобального масштаба, такими как изменение климата, дефицит сырья, экологические загрязнения и мн. др. Для выявления, изучения и поиска способов решения глобальных проблем необходимы сбор и анализ огромного количества информации в предельно сжатые сроки, что уже не под силу ученым ввиду их немногочисленности. Так на помощь науке приходит гражданская наука. Конечно, граждане и раньше привлекались к научным исследованиям, но в новейшей истории они стали силой, способной влиять на мировую политику.

Один из ярких примеров – огромный массив данных, собранных орнитологами-любителями, зарегистрировавшими временные сдвиги в откладывании яиц певчими птицами на более ранние периоды. Эти данные, иллюстрировавшие, что изменение климата происходит уже здесь и сейчас, британское правительство использовало для продвижения Киотского протокола, подписанного в 1997 г. и регулирующего выбросы парниковых газов в атмосферу [1]. Применение гражданской науки дает блестящие результаты во многих областях научных знаний, наиболее многочисленные и успешные проекты связаны с экологическим мониторингом.

Однако что если привлечь наработки гражданской науки для изучения городской среды? Городские исследования отличаются рядом особенностей, городская среда – это обширная территория с очень разнообразным (социальным, экономическим, культурным и т. д.) ландшафтом, что влечет дополнительные издержки при проведении исследований. Как собрать необходимую информацию в столь сложных условиях? В данной работе мы попытаемся очертить срез пространства Санкт-Петербурга сквозь призму пищевых привычек дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге, а именно, применяя наработки гражданской науки, составим социальную карту питания, которая представляет собой карту расположения инфраструктуры удовлетворения национально-религиозных потребностей

на примере пунктов питания и реализации продукции халяль¹. Приезжая в Санкт-Петербург – европеизированный город с численно доминирующим русским, преимущественно православным населением, – мусульмане «встраиваются» в существующий исламский мир внутри города. Так, в Санкт-Петербурге функционируют две мечети – Соборная мечеть (вместимость около 5 тыс. чел.) и Квартальная мечеть имени муфтия Джафара Насибулло-вича, или Коломяжская мечеть (вместимость около 1 тыс. чел.), и 8 молельных комнат (мус-саля) [3]. При этом по некоторым подсчетам число мусульман разных национальностей, проживающих в Санкт-Петербурге, около 800 тыс. [4]. Для сравнения: на трехмиллионное население Республики Дагестан приходится 1273 джума-мечети, 899 квартальных мечетей, 265 молитвенных домов (по данным за 2017 г.) [5, с. 142–143]. Таким образом, одной из проблем мусульман Санкт-Петербурга является недостаточно насыщенная инфраструктура удовлетворения национально-религиозных потребностей (нехватка общественных мест для совершения намаза, а также пунктов питания и реализации продукции халяль).

Методология и источники. Исследовательской задачей было рассмотрение возможностей и ограничений применения гражданской науки на примере конструирования карты расположения инфраструктуры удовлетворения национально-религиозных потребностей дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге. Социальное картографирование городского пространства является очень интересным и востребованным, но в то же время сложным и трудозатратным методом [6], поскольку городской ландшафт крайне неоднороден и динамичен, особенно это касается заведений общественного питания и пунктов реализации продукции, которые в основном оформлены как малый бизнес.

Как понять, что такое продукция «халяль»? Как найти пункты питания и реализации продукции халяль в мегаполисе, в условиях ограниченных временных и финансовых ресурсов? Популярны карты, например Google Maps, в халяль также зачисляются сеть ресторанов быстрого питания KFC², но является ли эта сеть халяльной по мнению самих потребителей продукции халяль?

Для решения этих задач мы привлекли наработки гражданской науки. Обычно гражданская наука применяется в больших масштабах, опираясь на пространственно рассредоточенную сеть гражданских ученых. Однако она также применима и на локальных уровнях, когда гражданские ученые сами являются частью группы, на которую направлен исследовательский интерес. Тем самым она предоставляет возможность более широкого охвата представителей группы, т. е. ученому не надо устанавливать личные контакты с каждым респондентом, как, например, при применении классических опросных методов сбора данных, используемых в социальных науках, при этом сохраняется высокая надежность предоставленных данных за счет заинтересованности гражданских ученых в исследовании. Традиционно гражданская наука ориентирована на сбор и анализ данных и материалов, т. е. отсутствует акцент на социально-экономических характеристиках гражданских ученых, однако в последнее время акцент смещается в сторону последних. Тем самым, с одной стороны, сохраняется большая анонимность гражданских ученых, с другой, экономится время,

¹ Халяль – все то, что разрешено и допустимо в исламе. Наиболее часто это понятие используется для обозначения правильно приготовленной и дозволенной мусульманам пищи [2].

² google.ru/maps. Выборка на период исследования – сентябрь–октябрь 2019 г.

затрачиваемое на предоставление данных (например, при классических методах опроса обязательен блок «паспортичка»). Привлечение гражданских ученых к решению нашей задачи имело еще одно важное значение – они сами определили, что такое продукция «халяль».

Гражданская наука в мире. Термин «гражданская наука» (англ. Citizen Science) был одновременно введен в 1990-е гг. независимыми исследователями – А. Ирвином и Р. Бонни. В Оксфордский словарь английского языка термин вошел в 2014 г., где определен как «научная деятельность, осуществляемая представителями общественности, часто в сотрудничестве с профессиональными учеными и научными учреждениями или под их руководством» [7]. Также принято выделять гражданскую социальную науку (Citizen Social Science) – от классической она отличается ориентацией на исследования людей и социальных явлений (групп, сообществ, обществ, феноменов социальной жизни и т. д.) [8]. В целом гражданскую науку можно определить как концепцию проведения исследований посредством привлечения широкой общественности с целью приращения научных знаний. Привлекаемые граждане необязательно должны иметь профессиональные навыки, но располагать временем и желанием участвовать в исследовательских проектах. В настоящее время развитие технологий сделало гражданскую науку масштабной, доступной, более интерактивной и интересной. Модель Citizen Science – это рассеянная сеть добровольцев, оказывающих помощь в профессиональных исследованиях с использованием методологий, разработанных профессиональными исследователями или в сотрудничестве с ними [9].

В истории гражданской науки можно условно выделить три этапа:

1. До XIX в. существовала наука независимых ученых (*gentlemen scientists*), среди которых были И. Ньютон, Ч. Дарвин и др., также к этому явлению можно отнести привлечение граждан к сбору данных, решению практических задач, предоставление экспонатов и иных образцов. Однако данные мероприятия носили разовый или несистематический характер.

2. Появление долгосрочных проектов с формированием устойчивых сообществ гражданских ученых. В 1890 г. в США начала функционировать «Программа совместных наблюдателей», цель которой – сбор данных о климатических условиях. Чуть позже, в 1900 г., Национальное Одюбоновское общество призвало добровольцев к мониторингу и переписи птиц в рамках проекта Christmas Bird Count. Оба проекта действуют в настоящее время.

3. Новейший этап гражданской науки связан с развитием современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и возможностью организовывать проекты в онлайн-режиме. В 2007 г. студент Университетского колледжа Лондона К. Линтотт работал над проектом по химии звездообразования, для проведения исследования необходимо было классифицировать более 1 млн изображений; к этому были привлечены обычные интернет-пользователи – так был создан проект GalaxyZoo, переросший в одну из крупнейших платформ проектов гражданской науки Zooniverse [10]. В целом можно говорить о начавшемся процессе институционализации гражданской науки: в 2009 г. был создан Гражданский научный альянс (Citizen Science Alliance) [11], поддерживающий и развивающий проекты гражданской науки, в 2015 г. Европейской ассоциацией гражданской науки (European Citizen Science Association) были сформулированы 10 принципов гражданской науки [12]. В 2017 г. при поддержке Программы ООН по окружающей среде (UNEP) и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO) была создана сверхсеть

«Глобальное партнерство гражданской науки» (Citizen Science Global Partnership), включающая 39 крупнейших организаций, в том числе две уже названные [13].

В широком смысле гражданской наукой называют любое участие в научной работе, как активное, так и пассивное. К пассивному участию относится любая вовлеченность, не предполагающая прямого занятия научной деятельностью (выполнение задач в определенных условиях, тестирование устройств, заполнение опросников, сдача биоматериала и т. д.). Активное участие предполагает, что участник является членом исследовательского коллектива и может влиять на ход исследования. В узком смысле гражданская наука предполагает именно активное участие – участник сам занимается научной работой [14]. Муки Хакли (Muki Haklay) выделяет четыре уровня участия гражданских ученых в гражданской науке [15, с. 54]:

- 1) краудсорсинг (граждане как датчики, добровольные вычисления);
- 2) распределенный интеллект (граждане как первичные интерпретаторы);
- 3) совместная наука (участие в постановке проблемы и сборе данных);
- 4) экстремальный (совместная наука – постановка проблемы, сбор и анализ данных).

Разная степень вовлеченности приводит к «размытости термина»; по сути, «гражданская наука» – это зонтичная модель разных форм участия, в связи с чем в мировой науке нет единого мнения по наименованию феномена, известного как «гражданская наука» (наиболее полный список альтернативных определений включает 17 вариантов [16]), как следствие, крайне сложно посчитать количество публикаций по данной теме, но исследователи единодушны в выводе, что их количество неуклонно растет [16].

Гражданская наука активно развивается и применяется за рубежом, в первую очередь в Западной Европе, США и Австралии. Кратко рассмотрим, на что в основном ориентированы проекты¹ [14, 17]:

- на сбор данных, в том числе с использованием техники (например, установка специального приложения на смартфон). В основном это различные виды мониторинга (в первую очередь экологического): миграция и гнездование птиц (проекты Celebrate Urban Birds, NestWatch, eBird); измерение циклических явлений в природе – периоды образования почек и зелени у растений (проект BudBurst), изучение бабочек (проекты Monarch Watch, e-Butterfly), изучение лягушек и жаб (проекты Frogwatch), наблюдение за звездами для получения данных о количестве светового загрязнения среды (проект The Great Worldwide Star Count) и др.;

- предоставление неиспользуемых ресурсов и мощностей своей личной техники (смартфонов, компьютеров, ноутбуков, планшетов) (например, проекты SETI@Home и World Community Grid позволяют профессиональным ученым запускать сложные вычисления и обрабатывать большие массивы данных);

- решение различных задач и анализ данных (вычисление, классификация, обработка данных, работа с архивами). В данном виде исследований большую роль в привлечении гражданских ученых сыграла геймификация процесса исследования, когда пользователям в игровой форме необходимо решать различные задачи:

¹ Продолжающийся процесс становления и динамизм развития постоянно привносит новые формы и методы гражданской науки, поэтому вряд ли может быть сформирован окончательный список.

- классифицировать (например, проект Galaxy Zoo – после запуска в 2007 г. пользователи в течение нескольких месяцев классифицировали порядка 900 тыс. галактик);
- картографировать (например, проект ClickWorkers – составление карты Марса и подсчет кратеров);
- решать головоломки (например, проект Foldit – необходимо свернуть структуру белка наилучшим образом).
- участие в экспериментах, прохождение тестов и опросов;
- непосредственную физическую работу в полях: сбор материала (например, разных видов растений и т. д.), а также участие в археологических раскопках;
- предоставление биоматериала для исследований. В данном виде исследований нужно направить свой биоматериал в лабораторию для проведения различных анализов (например, проект Genographic направлен на увеличение количества данных мирового генофонда путем расшифровки ДНК гражданских ученых).

Привлечение сетей добровольцев имеет ярко выраженную прикладную направленность, которая может быть не связана с наукой: широко известны интерактивные так называемые «народные карты», например, карта Recyclemap от Greenpeace [18], на которую наносятся пункты приема вторсырья.

Гражданская наука в России. В настоящее время в русскоязычной литературе не закреплён однозначный перевод термина «citizen science». В целях устранения антонимичной пары «гражданская наука в противовес военной» некоторые ученые используют термин «наука граждан» [19–21]. Однако термин «гражданская наука» также активно применяется [22–26 и др.], особенно он прижился в научно-популярной журналистике. Также в качестве альтернативных вариантов «citizen science» используются следующие термины: «народная наука» [27, 28], «крауд-наука (crowd science)» [22], «краудсорсинговая наука» [29], «научное волонтерство» [30], «волонтерская наука» [31] и др. Отметим, что в более ранних работах термин «гражданская наука» практически не употреблялся. Отечественным публикациям на тему гражданской науки предшествовали работы, посвященные краудсорсингу, в том числе научному, в основе которых преимущественно лежал анализ зарубежного опыта функционирования проектов распределенной деятельности. Видным исследователем в данном направлении является С. В. Егеров, рассматривающий гражданскую науку как этап эволюционирования проектов научного краудсорсинга [20, 21].

Кратко рассмотрим отечественные научные публикации, анализирующие феномен гражданской науки¹. Весомый вклад представляют работы по философскому осмыслению гражданской науки:

- В. Н. Железняк [25] выявляет причины роста популярности гражданской науки, в основе которых лежит человеческая врожденная тяга к познанию, или Фауст-синдром;
- в работе В. Н. Железняка и Е. В. Середкиной [26] представлена попытка «тематизации» гражданской науки, обладающей характеристиками демократизации, трансдисциплинарности, независимости и т. д., выявления ее первоначальных импульсов и проведения анализа сценариев ее развития в философском контексте;

¹ Выборка статей может быть неполной, так как могли прямо не упоминаться термин «гражданская наука» или его альтернативные варианты, но в статьях анализировался этот феномен.

– философский взгляд на роль ученых-профессионалов и ученых-дилетантов на современном этапе развития науки или технонауки представляют Е. В. Масланов и А. В. Долматов [32];

– С. В. Пирожкова [33] рассматривает формы и механизмы производства знаний в современной науке, анализирует принцип участия (партисипации), который отражает разную степень вовлеченности (от слабой до партнерства) гражданских ученых при получении общезначимого и научного знания;

– в статье Е. В. Брызгалиной [23] описан феномен гражданской науки как практики участия граждан, при этом приведена классификация в зависимости от разной степени вовлеченности – от патерналистского подчинения академическим стандартам до активного участия граждан в их выработке, что затрагивает этические и иные аспекты в вопросах взаимодействия научного и профанного знания.

В ряде работ рассмотрен мощный эвристический потенциал привлечения гражданских ученых к научным проектам:

– в статье А. В. Волковой [24] анализируются потенциал и польза гражданской науки в условиях сетевого, цифрового общества (повышение уровня образования, усиление интереса к науке, приобретение опыта публичного согласования интересов, формирование общей системы ценностных ориентиров и совместной ответственности);

– Е. Г. Гребенщикова [19] приводит обзор успешных зарубежных проектов науки граждан в медицине и их вклада в улучшение жизни отдельных категорий граждан.

Ряд работ посвящен анализу российских проектов гражданской науки, в том числе это работы, описывающие собственный опыт применения:

– статья А. Г. Газоян [27] посвящена анализу причин и следствий низкой представленности Citizen Science в России. Важный вывод, который делает автор: в то время как общемировой тренд Citizen Science может быть описан как процесс все большего внедрения онлайн-технологий в практику гражданских ученых, в России это до сих пор оффлайн-активность: возможности современных технологий используются в основном как площадки коммуникации, без акцента на технологические функции;

– А. В. Шучалина [34] рассматривает ограниченное привлечение гражданских ученых к проектам на примере проекта РИВР («Распространение инвазивных видов растений на примере борщевика Сосновского»), что связано с неудобством использования существующих способов передачи информации, и приходит к выводу о необходимости создания и использования чат-ботов на примере Telegram как наиболее эффективного инструмента привлечения;

– в работе А. В. Махнач, А. И. Лактионовой, Ю. В. Постыляковой [35] анализируются феномен и понятие «гражданская наука», рассматриваются ее место, роль и взаимодействие с профессиональной наукой. На примере авторского проекта по изучению жизнеспособности подростков, к которому были привлечены гражданские ученые, рассмотрено приобретенное благо для науки, общества и самих гражданских ученых. Также в данной статье впервые делается попытка определения места гражданской науки в социальных науках и отечественной психологии, отражено сходство гражданской науки с партисипативными и трансдисциплинарными исследованиями;

– интересна магистерская диссертация Ф. Э. Аревало Леона [29], основанная на попытке выявления мест времяпрепровождения иностранных и российских студентов г. Томска с использованием ГИС-технологий. Цель исследования – разработать бесплатный удобный инструмент с открытым исходным кодом для сбора географических данных и их отображения на интерактивных ГИС-картах, которые можно использовать в проектах гражданской науки, поскольку в настоящее время отсутствуют подобные инструменты для сбора географических данных.

В целом обзор отечественных статей демонстрирует аналитику преимущественно зарубежных исследовательских проектов гражданской науки, в то же время самые свежие работы направлены на осмысление опыта российских проектов (также см. об участии школьников в проектах гражданской науки [36, 37]), включая трудности применения гражданской науки в России. Так, основными причинами, препятствующими развитию гражданской науки, являются: отсутствие удобных платформ для сбора и анализа данных, а также недостаточное удобство в использовании технологий. Неслучайно самый успешный отечественный проект гражданской науки «Флора России» базируется на платформе I Naturalist [38] – самого успешного проекта гражданской науки в мире. Создание и поддержание качественной инфраструктуры ИКТ для функционирования проектов гражданской науки требует финансирования, что является одним из крупнейших сдерживающих факторов. Существуют и иные причины, препятствующие развитию, среди которых недоверие ученых к непрофессионалам, мотивация участников, безопасность в полевых исследованиях и др. (более подробно об этом см. интервью А. Максумовой, руководителя проекта «Люди науки» [39]).

Большим шагом в развитии гражданской науки в России стал запуск 1 октября 2020 г. созданной по инициативе Ассоциации коммуникаторов в сфере образования и науки при поддержке Фонда президентских грантов платформы «Люди науки» [40], цель которой – собрать проекты гражданской науки «под одной крышей»; платформа помогает профессиональным ученым в привлечении гражданских ученых [41]. На данный момент (август 2021 г.) на платформе представлено 107 проектов (для сравнения: в феврале 2021 г. на платформе был размещен 61 проект), при этом проекты, направленные на выявление социальных характеристик современной городской среды, отсутствуют. Конечно, такие проекты существуют, наиболее успешные расположены на собственных платформах. Пожалуй, самый успешный проект – «Красивый Петербург» [42], – изначально созданный для решения локальных проблем, на данный момент охватывает многие регионы России. Также можно отметить успешный локальный проект «Томск. Карта историй» [43] Академии фотографии г. Томска (документирование жизни и борьбы людей, которые живут в деревянных зданиях кон. XIX – нач. XX вв.).

Результаты и обсуждение. Сбор информации проходил через социальную сеть ВКонтакте на базе крупной дагестанской группы, ориентированной на проживающих в Санкт-Петербурге земляков¹ (18,5 тыс. подписчиков на время проведения исследования). На рис. 1 отображена статистика среднесуточных посещений с октября 2019 по август 2020 г.

¹ Название группы в статье не упоминается по просьбе администратора группы. Данная сеть в качестве площадки исследования была выбрана по двум причинам: во-первых, нас интересует именно молодежь, поэтому Ресурсы гражданской науки и социологии (на примере конструирования социальной карты питания... 99
Resources of Civil Science and Sociology (on the Example the Design of the Social Food Map...

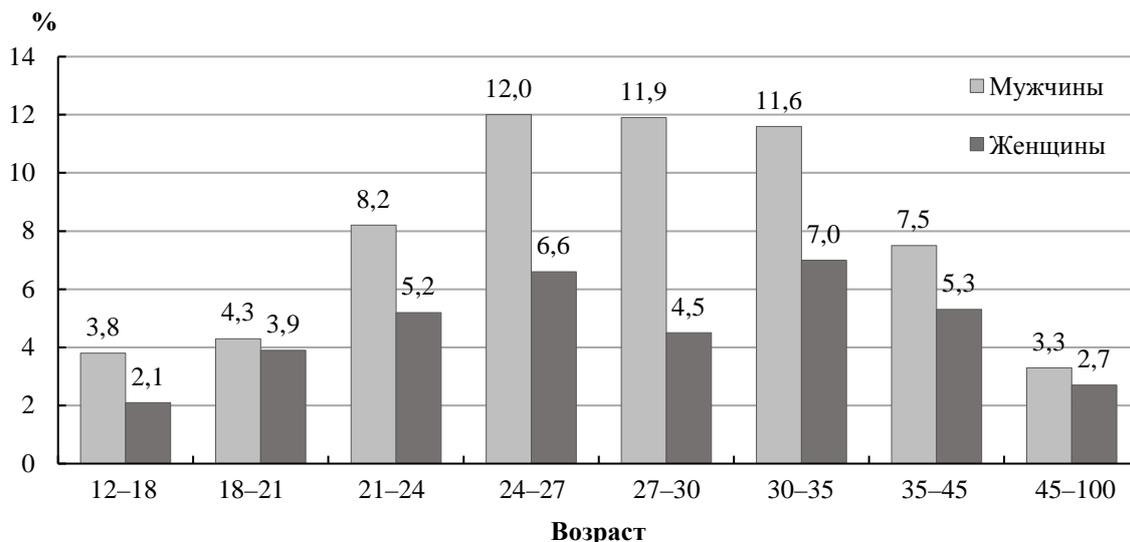

Рис. 1. Статистика среднесуточных посещений с октября 2019 по август 2020 г.¹
Fig. 2. Statistics of average daily visits from October 2019 to August 2020

Как видно из представленных данных, основу подписчиков группы составляет молодежь, к тому же исходя из возрастной градации пользователей социальной сети ВКонтакте пользователи старше 45 лет не являются целевой аудиторией. Собранные данные выгружались на платформу halalguide.me [3].

Мы выбрали платформу halalguide.me, поскольку она полностью ориентирована на мусульман. Так, на платформе введено понятие «уровень доверия», которое применяется к градации всех точек (кафе, магазинов и т. д.) по трем типам: красный – в точке помимо продукции халяль продается алкоголь, желтый – продается продукция халяль, но не сертифицирована соответствующим органом, зеленый – у точки есть сертификат Международного центра стандартизации и сертификации халяль при Совете муфтиев России [3].

Итак, мы применили технологию создания «народной карты»: на базе социальной сети ВКонтакте мы попросили пользователей крупной дагестанской группы, ориентированной на проживающих в Санкт-Петербурге земляков, через объявление на стене группы добавить известные им места (рестораны, кафе, магазины), предлагающие продукцию халяль, на карту Санкт-Петербурга, используя платформу halalguide.me. В задании было необходимо помимо обязательной информации (названия, графика работы, адреса) также добавить фотографии (входа с вывеской со стороны улицы и для кафе/ресторана – меню, хотя бы одну страницу с основными блюдами). Также в качестве дополнительной информации предлагалось указать, продают ли в данном заведении алкоголь (эта позиция стала наиболее спорной, поскольку разгорелась дискуссия по поводу того, что если в заведении продается алкоголь, то оно автоматически лишается статуса «халяль»). Таким образом, был поднят вопрос о том, что сами исследуемые/гражданские ученые понимают под словом «халяль».

Но несмотря на 18,5 тыс. участников группы, виральный охват – более 12 тыс., за две недели мы не получили никакого результата. Причинами нулевого результата являются,

социальная сеть «Одноклассники» не подошла именно как сеть для более взрослых групп; во-вторых, удобство использования – функция закрепленного сообщения, что позволило держать информацию об исследовании в топе новостей (в популярной сети Instagram такая функция отсутствует).

¹ Данные предоставлены администратором группы, возрастная градация принадлежит ВКонтакте.

во-первых, неудобство заполнения данной карты для пользователей: для того, чтобы добавить точку на карте, нужно зарегистрироваться, подтвердить авторизацию через сообщение по электронной почте и только потом заполнять информацию по заданной форме; во-вторых, на данном сайте долго проходит модерация новых точек (по этой же причине полученные данные в настоящей статье визуализированы на платформе Google карты).

Тогда мы изменили условия задания: необходимо было написать в комментариях под постом название заведения, адрес и прикрепить фотографии, т. е. пользователь оставался в рамках одной социальной сети и все операции можно было выполнить со смартфона. На этот раз виральный охват составил более 16 тыс., под постом было оставлено 70 комментариев, конечно, не все комментарии были точно по теме, например, это дискуссии о «халяльности» предлагаемой в местах общественного питания еды. Также мы не учитывали расплывчатое указание на объекты, например, все узбекские шавермы или рекламу халяльных полуфабрикатов на заказ без указания конкретного адреса. В итоге данные были получены тремя путями: количество оставивших данные под самим постом – 17 чел. (30 объектов), в личные сообщения написали 5 чел. (21 объект), также лично ответили 7 чел. (36 объектов), итого участие приняли 29 чел.

Удобство заключается в том, что можно добавить что-то новое, вспомнив через неделю-другую, таким образом, мы не привязаны к коммуникации «здесь и сейчас», как, например, при стандартных опросах. Стоит отметить, что 12 чел., сообщивших сведения лично и написав в личные сообщения, также выступили в качестве собирателей данных, проведя сбор информации у родственников и знакомых. Участники предоставляли данные от 1 до 8 объектов, дублированные объекты не учитывались. На основе полученных данных нам удалось составить социальную карту питания, а именно карту пунктов питания и реализации продукции халяль в Санкт-Петербурге (рис. 2), опираясь на мнение дагестанской молодежи. Карта насчитывает 87 объектов, среди которых 44 магазина, 32 кафе, 8 ресторанов, 3 фермерских хозяйства¹.

Нам удалось визуализировать пространственную сеть инфраструктуры удовлетворения национально-религиозных потребностей дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге. Однако не исключено попадание «случайных» объектов или объектов, которые, например, посещает только один человек, поэтому необходимы дальнейшие исследования для «очищения» полученных данных.

Исходя из пользы проведенного исследования для благополучателей (науки, общества и гражданских ученых) можно указать следующее:

Для науки:

- проведена операционализация термина «халяль» в значении смыслов, вкладываемых представителями исследуемого сообщества;
- составлена карта общепита, актуальная для исследуемого сообщества, которая будет задействована в дальнейших исследованиях;
- визуализация данных позволяет увидеть «точки притяжения» исследуемого сообщества;

¹ Фермерские хозяйства не представлены на данной карте, так как расположены за пределами города.

- собранные данные по запросу могут быть предоставлены исследователям, занимающимся изучением и улучшением городской среды: специалистам в области городского планирования, градостроителям, урбанистам, социологам и т. д.

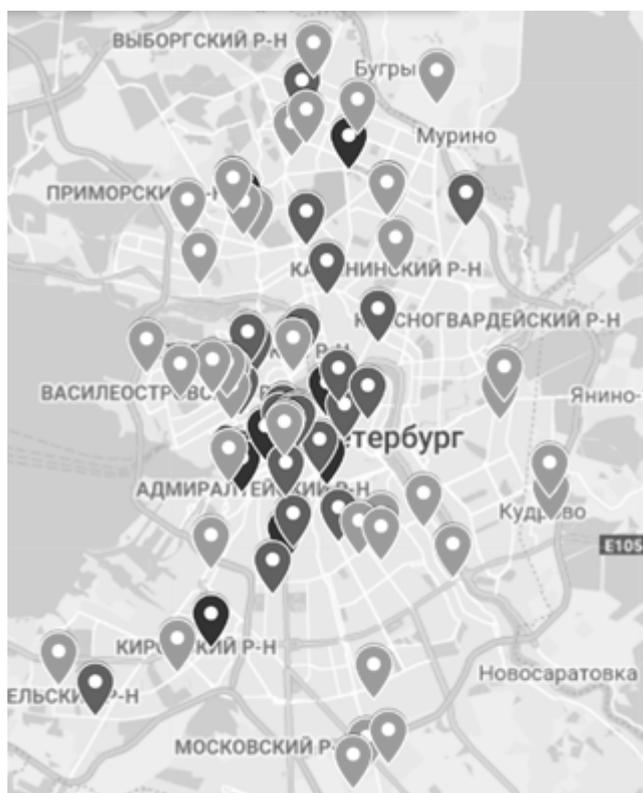
Для общества:

- в настоящее время большой популярностью пользуются продукты со знаком «эко», зачастую продукция халяль реализуется в магазинах эко-продукции, таких как «Эко Прод», соответственно, горожане смогут получить информацию о пунктах реализации эко-продукции, которые, например, ранее не рассматривались ими таким образом;

- также существует потенциальная польза для представителей бизнес-сообщества: визуализированные данные наглядно демонстрируют «слепые зоны» – участки, в которых отсутствуют точки реализации продукции халяль.

Для гражданских ученых:

- вклад в создание более комфортной среды, поскольку формируется наиболее полная карта пунктов питания и реализации продукции халяль с указанием адресов, что позволяет более комфортно ориентироваться в городской среде.

Темно-серый – рестораны; серый – кафе; светло-серый – магазины

Рис. 2. Карта расположения инфраструктуры удовлетворения национально-религиозных потребностей – пунктов питания и реализации продукции

Fig. 2. Map of the location of the infrastructure to meet the national and religious needs of food outlets and product sales

В целом, попытка создания данной карты с привлечением наработок гражданской науки позволила протестировать ресурсы, предоставляемые гражданской наукой, для исследовательских целей, тем самым мы выявили достоинства и недостатки применения гражданской

науки в социологии, внеся вклад в популяризацию применения гражданской науки в практических исследованиях.

Заключение. Итак, кратко обозначим, какие возможности дает привлечение гражданских ученых в исследованиях городской среды [44]:

1. Городская среда – это обширная территория с очень разнообразным (социальным, экономическим, культурным и т. д.) ландшафтом, не на все ее участки у исследователя может быть доступ, таким образом, гражданские ученые могут помочь в сборе информации на территориях или в группах с ограниченным доступом.

2. Обращение к непосредственным пользователям данной инфраструктуры гарантирует репрезентативность данных.

3. Привлечение пользователей данной инфраструктуры помогает корректировать исследовательские вопросы, изъяны в которых могут быть неочевидны для ученых.

4. Профессиональные ученые, действующие в одиночку или в малом коллективе, как правило, не имеют ни необходимого финансирования, ни достаточного количества рабочей силы, чтобы собрать обширную, но в то же время детальную информацию [45]. Так, в исследовании городского пространства как альтернативный способ можно было бы применить обход точек методом «снежного кома», что было бы очень накладно как по затрачиваемому времени, так и по обширности территории, подлежащей исследованию. Также сбор информации ученым или группой ученых может привести к большой потере данных, например, затруднителен поиск точек, расположенных на крупных рынках или «своих территориях», поэтому не исключено, что некоторые пункты из собранной базы остались бы просто незамеченными.

5. Результаты таких исследований помогут выявить ключевые районы, имеющие наиболее важное значение для проживающих в городе мигрантов, а также составить удобную карту города, отвечающую потребностям мигрантов.

Также применение данной концепции обладает серьезными ограничениями:

1. Для реализации гражданской науки требуются: а) создание академической, проектной и информационной инфраструктуры, а также необходимой материально-технической базы; б) заинтересованность граждан в исследовании для обеспечения достаточного участия [9]. Так, исследование должно опираться на какой-то запрос сообщества, а результаты проведенной работы должны содержать ответы на данный запрос.

2. Подключение к существующим группам или партнерским организациям представляется особенно эффективным: для получения довольно закрытой информации необходимо действовать с поддержкой лидера, желательного обладающего символической властью, т. е. способного «достучаться» до исследуемой группы.

3. Удобство использования предлагаемых исследовательских инструментов для пользователя.

Таким образом, стратегия привлечения гражданских ученых обладает мощным эвристическим потенциалом, особенно для исследований таких сложных пространств, как урбанизированные территории, но для их применения необходимо проведение предварительных исследований, поскольку главный ограничитель их применения – заинтересованность гражданских ученых в самом исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cooper C. Citizen Science: How Ordinary People are Changing the Face of Discovery. NY: The Overlook Press, 2016.
2. Гогиберидзе Г. М. Исламский толковый словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2009.
3. HalalGuide.me. URL: <https://halalguide.me> (дата обращения: 12.02.2020).
4. Яловкина А. Непрозрачный ислам Петербурга // Кавполит. 2016. URL: http://kavpolit.com/articles/neproзраchnyj_islam_peterburga-25953/ (дата обращения: 12.02.2019).
5. Абакаров Р. И., Адиев А. З. Межконфессиональные и внутриконфессиональные отношения, этноконфессиональная ситуация в Республике Дагестан // Состояние межэтнических отношений и этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (второе полугодие и итоги 2017 г.) / отв. ред. М. А. Аствацатурова. М., Пятигорск, Ставрополь: ПГУ, 2017. С. 142–151.
6. Нотман О. В., Багирова А. П. Социальное картографирование пространства мегаполиса: микрорайоны как места проживания, места приложения труда и места досуговой активности жителей // Социол. журн. 2020. Т. 26, № 2. С. 124–143. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7269>.
7. Citizen Science // Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/33513?redirectedFrom=citizen+science#eid316619123> (дата обращения: 03.02.2021).
8. Purdam K., Richardson L. Citizen social science methods for social research // The Univ. of Manchester. 2017. URL: <https://www.socialsciences.manchester.ac.uk/socialstatistics/research/projects/citizen-social-science-methods-for-social-research/> (accessed 08.08.2019).
9. Citizen science as a tool for conservation in residential ecosystems / C. B. Cooper, J. Dickinson, T. Phillips, R. Bonney // Ecology and Society. 2017. Vol. 12, iss. 2, art. 11. DOI:10.5751/ES-02197-120211.
10. People-powered research // Zooniverse. URL: <https://www.zooniverse.org/> (дата обращения: 05.10.2020).
11. Citizen Science Alliance. URL: citizensciencealliance.org (дата обращения: 05.10.2020).
12. Documents // European Citizen Science Association. URL: <https://ecsa.citizen-science.net/documents/> (дата обращения: 05.10.2020).
13. Citizen Science Global Partnership. URL: <http://citizenscienceglobal.org/> (дата обращения: 24.08.2021).
14. Максимова А. Что такое гражданская наука? // Всероссийский Фестиваль науки «Наука 0+». 2018. URL: <http://www.festivalnauki.ru/statya/68366/grazhdanskaya-nauka> (дата обращения: 05.10.2019).
15. Citizen Science: Innovation in Open Science. Society and Policy / S. Hecker, M. Haklay, A. Bowser et al. London: UCL Press, 2018.
16. Analysis of the evolution and collaboration networks of citizen science scientific publications / M. Pelacho, G. Ruiz, F. Sanz et al. // Scientometrics. 2021. Vol. 126, iss. 1. P. 225–257. DOI: 10.1007/s11192-020-03724-x/
17. Загрядская А. Гражданская наука в помощь специалистам // Newtonew. 2016. URL: <https://newtonew.com/science/citizen-science> (дата обращения: 05.10.2019).
18. Greenpeace // Recyclemap.ru. URL: <https://recyclemap.ru/> (дата обращения: 05.10.2019).
19. Гребенщикова Е. Г. Вовлечение общества в медицину: Наука граждан и инициативы государственных структур // Научно-исследовательские исследования. 2019. С. 131–142. DOI: 10.31249/scis/2019.00.08.
20. Егерев С. В. От краудсорсинга простых операций к «науке граждан» // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 4. С. 74–85.
21. Егерев С. В., Захарова С. А. Краудсорсинг в науке // Наука. Инновации. Образование. 2013. Т. 8, № 2. С. 175–186.
22. Аргамасова А. А., Яшина А. В. Crowd science: исследование и преобразование общества через технологии краудсорсинга // Ценности и смыслы. 2016. № 5 (45). С. 137–150.

23. Брызгалина Е. В. Гражданская наука как феномен цифровой культуры: задачи гуманитарной рефлексии // Межкультурные, научные и образовательные диалоги. 2020. С. 20–35.
24. Волкова А. В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-полит. исслед. 2019. № 1. С. 41–50. DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10337.
25. Железняк В. Н. Наука без ученой степени // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 37–44. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.1.05.
26. Железняк В. Н., Середкина Е. В. Гражданская наука в эпоху высоких технологий // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 10. С. 27–34.
27. Газоян А. Г. Гражданская наука как инструмент научной коммуникации: анализ российской практики // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 4. С. 810–817. DOI: <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-810-817>.
28. Шевченко С. Ю. Народная наука: отличимы ли люди от бактерий? Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 1. С. 171–183. DOI: 10.5840/eps201855115.
29. Аревало Леон Ф. Э. «Гражданская наука» (Citizen Science) с использованием ГИС-технологий как инструмент общественного участия в «умном городе»: магист. дис. / НИ ТПУ. Томск, 2020.
30. Гражданская наука глазами ученых: как труд волонтеров помогает в научных исследованиях // ITMO.NEWS. 2021. URL: <https://news.itmo.ru/ru/news/10139/> (дата обращения: 25.04.2021).
31. Липецкая М. Современная гражданская (волонтерская) наука: предложения для старта политики в России // Центр стратегических разработок «Северо-Запад». 2021. URL: <https://csr-nw.ru/publications/> (дата обращения: 18.08.2021).
32. Масланов Е. В., Долматов А. В. Гражданская наука – наука как призвание // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 40–44. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201956345>.
33. Пирожкова С. В. Принцип участия и современные механизмы производства знаний в науке // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 1. С. 67–82. DOI: 10.5840/eps20185519.
34. Шучалина А. В. Разработка системы добровольного сбора пользовательских данных посредством мессенджеров на примере задачи по определению мест произрастания борщевика Сосновского // Вестн. Сыктыв. ун-та. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2018. Вып. 4 (29). С. 50–59.
35. Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В. Гражданская наука в социально-психологических исследованиях // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 4 (16). С. 43–70.
36. Власов В. В., Седых С. Е. Им светят звезды // Наука из первых рук. 2018. Т. 79, № 4. С. 6–15.
37. Власов В. В., Воронина Е. Н., Галямова М. Р., Седых С. Е. Привлечение школьников и студентов к исследованиям окружающей среды, актуальным для фундаментальной и прикладной науки: иностранный и российский опыт // Исследователь. 2020. № 2 (30). С. 12–20.
38. Флора России // I Naturalist. URL: <https://www.inaturalist.org/projects/flora-of-russia> (дата обращения: 25.04.2021).
39. Салькова А. Ловить ежей, есть ягоды: как стать гражданским ученым // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/06/12_a_13632614.shtml?updated (дата обращения: 08.08.2021).
40. Люди науки. URL: <https://citizen-science.ru/> (дата обращения: 28.02.2021).
41. Experion. URL: <https://experion.citizen-science.ru/> (дата обращения: 22.08.2021).
42. Красивый Петербург. URL: <http://krasimir.org> (дата обращения: 05.10.2020).
43. Томск. Карта историй. URL: <https://www.kartatomsk.ru/> (дата обращения: 28.02.2021).
44. Шекера Е. А. Возможности и ограничения применения методов гражданской науки при исследовании урбанизированных территорий (на примере составления карты пунктов питания и реализации продукции халяль в Санкт-Петербурге) // Молодежь XXI в.: образ будущего: мат. науч. конф. XIII Ковалевские чтения, СПб., 14–16 ноября 2019 г. / СПбГУ. СПб., 2019. С. 121–122.

45. McCaffrey R. E. Using Citizen Science in Urban Bird Studies // *Urban Habitats*. 2005. № 3 (1). URL: http://www.urbanhabitats.org/v03n01/citizenscience_full.html (дата обращения: 08.08.2019).

Информация об авторе.

Шекера Екатерина Александровна – соискатель ученой степени кандидата социологических наук Санкт-Петербургского государственного университета, ул. Смольного, д. 1/3, Санкт-Петербург, 191124, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная адаптация мигрантов, внутренняя миграция, Республика Дагестан, социология города.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.05.2022; принята после рецензирования 21.06.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Cooper, C. (2016), *Citizen Science: How Ordinary People are Changing the Face of Discovery*, The Overlook Press, NY, USA.
2. Gogiberidze, G.M. (2009), *Islamskii tolkovyi slovar'* [Islamic explanatory dictionary], Feniks, Rostov n/D, RUS.
3. *HalalGuide.me*, available at: <https://halalguide.me> (accessed 12.02.2020).
4. Yalovkina, A. (2016), "Opaque Islam of St. Petersburg", *Kavpolit*, available at: http://kavpolit.com/articles/neproзраchnyj_islam_peterburga-25953/ (accessed 12.02.2019).
5. Abakarov, R.I. and Adiev, A.Z. (2017), "Inter-confessional and intra-confessional relations, ethno-confessional situation in the Republic of Dagestan", *Sostoyanie mezhetnicheskikh otnoshenii i etnokonfessional'naya situatsiya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga (vtoroe polugodie i itogi 2017 g.)* [The state of interethnic relations and the ethno-confessional situation in the constituent entities of the Russian Federation of the North Caucasian Federal District (the second half of the year and the results of 2017)], in Astvatsaturova, M.A. (ed.), PGU, Moscow, Pyatigorsk, Stavropol, RUS, pp. 142–151.
6. Notman, O.V. and Bagirova A.P. (2020), "Social Mapping of Megalopolis Space: Micro-Districts as Places of Residence, Places of Labor and Places of Leisure Activities", *Sociological J.*, vol. 26, no. 2, pp. 124–143. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7269>.
7. "Citizen Science", *Oxford English Dictionary*, available at: <http://www.oed.com/view/Entry/33513?redirectedFrom=citizen+science#eid316619123> (accessed 03.02.2021).
8. Purdam, K. and Richardson, L. (2017), "Citizen social science methods for social research", *The Univ. of Manchester*, available at: <https://www.socialsciences.manchester.ac.uk/socialstatistics/research/projects/citizen-social-science-methods-for-social-research/> (accessed 08.08.2019).
9. Cooper, C.B., Dickinson, J., Phillips, T. and Bonney, R. (2017) "Citizen science as a tool for conservation in residential ecosystems", *Ecology and Society*, vol. 12, iss. 2, art. 11. DOI:10.5751/ES-02197-120211.
10. "People-powered research", *Zooniverse*, available at: <https://www.zooniverse.org/> (accessed 05.10.2020).
11. *Citizen Science Alliance*, available at: citizensciencealliance.org (accessed 05.10.2020).
12. Documents, *European Citizen Science Association*, available at: <https://ecsa.citizen-science.net/documents/> (accessed 05.10.2020).
13. *Citizen Science Global Partnership*, available at: <http://citizenscienceglobal.org> (accessed 24.08.2021).
14. Maksutova, A. (2018), "What is citizen science?", *Vserossiiskii Festival' nauki «Nauka 0+»* [All-Russian Science Festival "Science 0+"], available at: <http://www.festivalnauki.ru/statya/68366/grazhdanskaya-nauka> (accessed 05.10.2019).

15. Hecker, S., Haklay, M., Bowser, A., Makuch, Z., Vogel, J. and Bonn, A. (2018), *Citizen Science: Innovation in Open Science. Society and Policy*, UCL Press, London, UK.

16. Pelacho, M., Ruiz, G., Sanz, F., Tarancón, A. and Clemente-Gallardo, J. (2021), "Analysis of the evolution and collaboration networks of citizen science scientific publications", *Scientometrics*, vol. 126, iss. 1, pp. 225–257. DOI: 10.1007/s11192-020-03724-x.

17. Zagryadskaya, A. (2016), "Citizen science to help professionals", *Newtonew*, available at: <https://newtonew.com/science/citizen-science> (accessed 05.10.2019).

18. "Greenpeace", *Recyclemap.ru*, available at: <https://recyclemap.ru/> (accessed 05.10.2019).

19. Grebenshchikova, E.G. (2019), "Public engagement in medicine: citizen science and government initiatives", *Naukovedcheskie issledovaniya* [Scientific research], pp. 131–142. DOI: 10.31249/scis/2019.00.08.

20. Egerev, S.V. (2016), "From scisourcing of simple operations to the citizen science", *Sociology of science and technology*, vol. 7, no. 4, pp. 74–85.

21. Egerev, S.V. and Zakharova, S.A. (2013), "Crowdsourcing in science", *Science Governance and Scientometrics*, vol. 8, no. 2, pp. 175–186.

22. Argamakova, A.A. and Yashina, A.V. (2016), "Crowd science: social studies and social changes through the crowdsourcing techniques", *Values and Meanings*, no. 5 (45), pp. 137–150.

23. Bryzgalina, E.V. (2020), "Citizen science as a phenomenon of digital culture: tasks of humanitarian reflection", *Intercultural, scientific and educational dialogues*, pp. 20–35.

24. Volkova, A.V. (2019), "Potential of "civil science" in social and political development", *Social and political researches*, no. 1, pp. 41–50. DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10337.

25. Zheleznyak, V.N. (2017), "Science without the academic credentials", *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, no. 1, pp. 37–44. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.1.05.

26. Zhelesniak, V.N. and Sereidkina, E.V. (2016), "Citizen science in the age of high technology", *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 10, pp. 27–34.

27. Gazoyan, A.G. (2020), "Citizen science as an instrument of science communication: analysis of Russian practice", *NOMOTHIKA: Philosophy. Sociology. Law*, Vol. 45, no. 4, pp. 810–817. DOI: <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-810-817>.

28. Shevchenko, S.Yu. (2018), "Citizen science: are people distinguishable from bacteria?", *Epistemology & philosophy of science*, vol. 55, no. 1, pp. 171–183. DOI: 10.5840/eps201855115.

29. Arevalo Leon, F.E. (2020), "Citizen Science" using GIS technologies as a tool for public participation in the "smart city", Master's dissertation, Tomsk Polytechnic Univ., Tomsk, RUS.

30. "Citizen science through the eyes of scientists: how volunteer work helps in scientific research" (2021), *ITMO.NEWS*, available at: <https://news.itmo.ru/ru/news/10139/> (accessed 25.04.2021).

31. Lipetskaya, M. (2021), "Modern civil (volunteer) science: proposals for the start of politics in Russia", *Center for Strategic Research "North-West"*, available at: <https://csr-nw.ru/publications/> (accessed 18.08.2021).

32. Maslanov, E.V. and Dolmatov, A.V. (2019), "Citizen Science – Science as a Vocation", *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 56, iss. 3, pp. 40–44. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201956345>.

33. Pirozhkova, S.V. (2018), "The principle of participation and contemporary mechanisms of producing knowledge in science", *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 55, iss. 1, pp. 67–82. DOI: 10.5840/eps20185519.

34. Shuchalina, A.V. (2018), "Development of a system for voluntary collection of user data through messengers on the example of the task of determining the habitats of Sosnovsky's hogweed", *Bulletin of Syktyvkar University. Series 1: Mathematics. Mechanics. Informatics*, iss. 4 (29), pp. 50–59.

35. Makhnach, A.V., Laktionova, A.I. and Postylakova, Yu.V. (2019), "Citizen science in socio-psychological research", *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 4, no. 4 (16), pp. 43–70.

36. Vlasov, V.V. and Sedykh, S.E. (2018), "The stars shine for them", *Science First Hand*, vol. 79, no. 4, pp. 6–15.

37. Vlasov, V., Voronina, E., Galyamova, M. and Sedykh, S. (2020), "Involving schoolchildren and students in environmental studies relevant for fundamental and applied science: foreign and Russian experience", *Researcher*, no. 2 (30), pp. 12–20.

38. "Flora of Russia", *I Naturalist*, available at: <https://www.inaturalist.org/projects/flora-of-russia> (accessed 25.04.2021).

39. Salkova, A. (2021), "Catching hedgehogs, eating berries: how to become a citizen scientist", *Gazeta.ru*, available at: https://www.gazeta.ru/science/2021/06/12_a_13632614.shtml?updated (accessed 08.08.2021).

40. *Science people*, available at: <https://citizen-science.ru/> (accessed 28.02.2021).

41. *Experion*, available at: <https://experion.citizen-science.ru/> (accessed 22.08.2021).

42. *Beautiful Petersburg*, available at: <http://krasimir.org> (accessed 05.10.2020).

43. *Tomsk. Story map*, available at: <https://www.kartatomsk.ru/> (accessed 28.02.2021).

44. Shekera, E.A. (2019), "Possibilities and Limitations of the Application of Citizen Science Methods in the Study of Urbanized Territories (on the Example of Mapping Food Stations and the Sale of Halal Products in St. Petersburg)", *Youth of the XXI century: the image of the future, Scientific conf. XIII Kovalev Readings*, St. Petersburg, RUS, November 14–16, 2019, pp. 121–122.

45. McCaffrey, R.E. (2005), "Using Citizen Science in Urban Bird Studies", *Urban Habitats*, no. 3 (1), available at: http://www.urbanhabitats.org/v03n01/citizenscience_full.html (accessed 08.08.2019).

Information about the author.

Ekaterina A. Shekera – applicant for the degree of Can. Sci. (Sociology), Saint Petersburg State University, 1/3 Smolnyi str., St Petersburg 191124, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: social adaptation of migrants, internal migration, Republic of Dagestan, urban sociology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.05.2022; adopted after review 21.06.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 316:378
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-109-121>

Региональные особенности формирования преподавательского персонала системы высшего образования

Юлия Семеновна Пиньковецкая

*Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия,
judy54@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8224-9031>*

Введение. Целью исследования была оценка доли профессорско-преподавательского персонала с различным стажем работы на педагогических должностях в высших учебных заведениях в общем числе преподавателей в организациях системы высшего образования в каждом из регионов России. Научная новизна связана с анализом пространственных аспектов формирования преподавательских коллективов организаций высшего образования с учетом педагогического стажа работников. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена необходимостью снижения сложившихся диспропорций в кадровом персонале вузов и привлечения к преподавательской деятельности молодых ученых.

Методология и источники. В исследовании использовалась официальная статистическая информация о стаже работы преподавателей вузов по 82 регионам России в 2020 году. Авторский методический подход основывался на использовании в качестве математических моделей функций плотности нормального распределения. В ходе работы были определены показатели, характеризующие долю преподавателей, относящихся к пяти группам по стажу педагогической работы.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показали: примерно каждый четырнадцатый преподаватель имел педагогический стаж менее пяти лет, каждый девятый преподаватель работал на таких должностях от пяти до десяти лет, каждый седьмой преподаватель работал на таких должностях от десяти до пятнадцати лет, каждый пятый преподаватель работал на таких должностях от пятнадцати до двадцати лет. Доказано, что число преподавателей со стажем работы до двадцати лет составило 52 % и было немного больше, чем число преподавателей со стажем работы двадцать и более лет. Проведенный анализ показал наличие определенной дифференциации значений рассматриваемых показателей по регионам.

Заключение. Предлагаемый методологический подход и полученные результаты обладают оригинальностью и научной новизной. Они могут быть использованы федеральными и региональными органами власти при разработке мероприятий по формированию преподавательского персонала организаций высшего образования.

Ключевые слова: система высшего образования, кадровый менеджмент, стаж преподавателей, профессорско-преподавательский персонал, высшие учебные заведения, региональная дифференциация, функции нормального распределения

Для цитирования: Пиньковецкая Ю. С. Региональные особенности формирования преподавательского персонала системы высшего образования // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 109–121. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-109-121.

© Пиньковецкая Ю. С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Regional Peculiarities of the Formation of the Teaching Staff of the Higher Education System

Iuliia S. Pinkovetskaia

*Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia,
judy54@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8224-9031>*

Introduction. The aim of the study was to assess the share of teaching staff with various work experience in teaching positions in higher education institutions in the total number of teachers in higher education organizations in each of the regions of Russia. The scientific novelty is connected with the analysis of spatial aspects of the formation of teaching teams of higher education organizations, taking into account the teaching experience of employees. The relevance of the problem under consideration is due to the need to reduce the existing imbalances in the personnel of universities and attract young specialists to teaching.

Methodology and sources. During the study the author used official statistical information on the work experience of university teachers in 82 regions of Russia in 2020. The author's methodological approach was based on the use of normal distribution density functions as mathematical models. In the course of the work, there were determined the indicators characterizing the share of teachers belonging to five groups by experience of pedagogical work.

Results and discussion. The results of the study showed that approximately every fourteenth teacher had less than five years of teaching experience, every ninth teacher worked on such positions from five to ten years, every seventh teacher worked on such positions from ten to fifteen years, every fifth teacher worked on such positions from fifteen to twenty years. It is proved that the number of teachers with work experience up to twenty years was 52% and it is slightly more than the number of teachers with work experience of twenty years or more. The analysis showed the presence of a certain differentiation of the indicator values under consideration by region.

Conclusion. The proposed methodological approach and the results obtained are characterized have originality and scientific novelty. They can be used by federal and regional authorities in the development of measures for the formation of teaching staff in higher education organizations.

Keywords: higher education system, personnel management, teaching experience, teaching staff, higher education institutions, regional differentiation, normal distribution functions

For citation: Pinkovetskaia, Iu.S. (2022), "Regional Peculiarities of the Formation of the Teaching Staff of the Higher Education System", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 109–121. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-109-121 (Russia).

Введение. Высшее образование является определяющим фактором развития современных стран и одной из самых важных инвестиций, которые эти страны осуществляют в своих граждан для обеспечения социализации, модернизации и трансформации жизни общества [1]. На основе института высшего образования гарантируется, что достигнутый уровень знаний, навыков и ценностей будет передан будущим поколениям [2]. Преподаватели высших учебных заведений обучают студентов, передавая им значительный объем новых знаний, навыков, компетенций [3]. Сегодняшний преподавательский труд направлен на формирование человеческого капитала у студентов, обеспечение их информационной грамотности,

креативности и адаптивности. Основной задачей профессорско-преподавательского персонала, как указывается в монографии О. Шкаратана [4], является воспроизводство специалистов в сфере интеллектуального труда. В статьях [5, 6] подчеркивается особая роль преподавателей вузов в формировании социальных ценностей общества. По мнению Ф. Шереги и А. Кириллова [7], большинство преподавателей системы высшего образования являются не только профессионалами высокой квалификации, обладающими природными талантами в соответствующих отраслях знаний, но и способны обеспечить передачу этих знаний своим студентам.

В конце XX и начале XXI веков в подавляющем большинстве стран повышенное внимание уделялось развитию высшего образования [8–10]. Для развития системы высшего образования необходимо решить такую проблему, как постоянное пополнение научно-педагогических кадров в высших учебных заведениях. С учетом этого одной из актуальных научных проблем является оценка показателей, характеризующих распределение числа преподавателей, высших учебных заведений по их стажу. Проблема оценки такого аспекта развития высшего образования, как педагогический стаж преподавателей, нашла отражение в ряде научных публикаций. Особенности, характерные для начальных этапов педагогической деятельности работников высших учебных заведений в Германии, рассмотрены в статье М. Alles с соавторами [11]. Повышение мотивации преподавателей университетов в начале их карьеры на основе их привлечения к проведению научных исследований анализируется в исследовании М. Wosnitza и др. [12]. Вывод о небольшой численности молодых докторов и кандидатов наук в системе высшего образования сделан в статье J. King Rice [13]. Структура научно-педагогических кадров высших учебных заведений в России в 1980–2017 гг. приводится в работе V. Volchik с соавторами [14]. В монографии R. Graham [15] приведены варианты развития академической карьеры сотрудников университета в зависимости от их педагогического стажа. Изучение психологических особенностей профессорско-преподавательского персонала в зависимости от стажа работы приведено в статье Т. Богдановой с соавторами [16], причем сделаны выводы о повышении негативного влияния педагогического стажа на состояние преподавателей.

Объектом нашего исследования являются пространственные аспекты формирования трудовых коллективов организаций высшего образования с учетом педагогического стажа работников. Исследование было посвящено проблеме оценки сложившегося в России распределения профессорско-преподавательского персонала по стажу педагогической работы. Изучение современного уровня решения этой проблемы важно как для государственных органов, регулирующих деятельность в этой области, так и непосредственно для высших учебных заведений [17, 18]. Кроме того, эта проблема представляет определенный интерес для людей, которые хотели бы продолжить свою карьеру в качестве преподавателей.

Целью нашего исследования была оценка доли преподавателей с различным стажем работы на педагогических должностях в организациях высшего образования в общем числе профессорско-преподавательского персонала в каждом из регионов России.

Методология и источники. Значительное количество научных публикаций в нашей стране посвящено социальным аспектам преподавательской деятельности в высших учебных заведениях. Большинство работ акцентирует особое внимание на факторах, оказыва-

ющих влияние на решение людей посвятить себя педагогической работе. Рассмотрим некоторые исследования, проведенные в последние годы. В статье Е. Шуклиной [19] сделан вывод о высокой самооценке профессионального статуса профессорско-преподавательского персонала. Большинство кадров, осуществляющих обучение по программам высшего образования, считают, что обладают необходимыми знаниями и профессионально-квалификационными компетенциями, в полной мере соответствующими требованиям к их профессии. В опросе о социальной роли преподавателей высших учебных заведений, итоги которого были приведены в статье Г. Крайнова [20], показано, что абсолютное большинство (86 %) респондентов указали, что рассматривают себя в качестве педагогов и воспитателей. Достоинства работы преподавателей подробно представлены в исследовании [21], где указывается, что эта деятельность позволяет своевременно осваивать сложившиеся тенденции развития науки, создает комфортные условия труда, является достаточно престижной, обеспечивает наличие стабильного работодателя. В некоторых публикациях рассматриваются недостатки, характерные для работы преподавателя, к которым относятся неудовлетворенность заработной платой [22], переход от постоянных гарантированных трудовых отношений к неустойчивым формам занятости [23], большое количество плановых и отчетных документов [24].

В целом к настоящему времени достаточно многочисленную группу людей (почти 222 тыс. чел.) относят к категории профессорско-преподавательского персонала системы высшего образования [25]. Эти люди обладают во многом сходными компетенциями и характером трудовой деятельности, общностью прав и обязанностей. Вместе с тем эта категория людей неоднородна, поскольку, как отмечается в ряде научных публикаций, ее состав существенно различается по такому показателю, как наличие соответствующего стажа. В статье Е. Балезиной [26] указывается на то, что начинающим преподавателям необходимо уделять большое внимание не только педагогической деятельности, но и совмещению ее со значительной научной составляющей. Только после получения необходимого опыта возможно успешное совмещение учебной и исследовательской работы. Аналогичный вывод сделан в исследовании [27], где обращается внимание на то, что преподаватели с небольшим стажем рассматривают свою деятельность как возможность самоутверждения и самореализации.

Набор необходимых профессионально важных качеств наиболее полно проявляется у преподавателей со стажем более 10 лет. Преподаватели с большим стажем (20 и более лет) чувствуют себя более свободно и уверенно, поэтому основное внимание уделяют непосредственно педагогической деятельности и передаче накопленного опыта. Интересно отметить, что, как указывается в статье Д. Федосюка [28], большинство (80 %) всех преподавателей с большим стажем хотели бы продолжить трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста.

В статье рассматривается распределение профессорско-преподавательского персонала высших учебных заведений в зависимости от опыта педагогической деятельности. При этом учитываются преподаватели, обучавшие студентов в 2020 г. в России по программам бакалавриата, специалитета, а также магистратуры.

Процесс исследования включал пять этапов. На первом этапе были сформированы исходные данные, описывающие общее количество преподавателей, работающих в системе

высшего образования каждого из регионов России, а также количество преподавателей, включенных в пять основных групп в зависимости от их стажа работы. В первую группу вошли преподаватели, занимавшие соответствующие должности менее пяти лет, во вторую группу – от пяти до десяти лет, в третью – от десяти до пятнадцати лет, в четвертую – от пятнадцати до двадцати лет и в пятую – более пятнадцати лет. На втором этапе были рассчитаны показатели, характеризующие долю преподавателей, принадлежащих к каждой из пяти групп, в общем количестве преподавателей высших учебных заведений, расположенных в каждом из регионов России. На третьем этапе на основе разработки математических моделей было оценено распределение показателей по регионам. На четвертом этапе были определены средние значения показателей по регионам России, а также диапазоны, в которых находятся значения этих показателей для большинства из них. На пятом этапе были определены регионы, в которых отмечались максимальные и минимальные значения показателей.

В исследовании использовалась официальная статистическая информация Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за 2020 год о численности преподавателей, работающих в высших учебных заведениях в 82 регионах России [25].

В нашем исследовании были проверены три гипотезы:

– гипотеза 1: доля профессорско-преподавательского состава с определенным педагогическим стажем увеличивается с ростом количества лет, отработанных на преподавательских должностях;

– гипотеза 2: значения пяти рассматриваемых показателей имеют существенную дифференциацию между разными регионами;

– гипотеза 3: регионы, характеризующиеся максимальными и минимальными значениями каждого из пяти показателей, относятся к разным федеральным округам.

Оценка значений пяти рассматриваемых показателей проводилась на основе экономико-математического моделирования исходных эмпирических данных. В качестве моделей использовались функции плотности нормального распределения, метод разработки которых для оценки значений конкретных показателей был предложен автором. Некоторые аспекты использования метода приведены в работе И. Пиньковецкой с соавторами [29]. Полученные функции позволили определить средние значения каждого из пяти показателей для рассматриваемых регионов, а также диапазоны их изменений, характерные для большинства регионов. Кроме того, в ходе исследования были выявлены регионы, в которых рассматриваемые показатели имеют значения выше верхней и ниже нижней границ диапазонов. Границы диапазонов показателей для 68 % регионов были определены на основе средних значений показателей и соответствующих стандартных отклонений.

Результаты и обсуждение. В ходе вычислительного эксперимента было проведено экономико-математическое моделирование на основе эмпирических данных. Модели, описывающие распределения $(y_1, y_2, y_3, y_4, y_5)$ пяти показателей $(x_1, \%; x_2, \%; x_3, \%; x_4, \%; x_5, \%)$, представлены ниже:

– доля преподавателей со стажем менее 5 лет в общем количестве работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам:

$$y_1(x_1) = \frac{160,00}{2,42 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1-7,16)^2}{2 \times 2,42 \times 2,42}}, \quad (1)$$

– доля преподавателей со стажем от 5 до 10 лет в числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам:

$$y_2(x_2) = \frac{210,00}{2,89 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2-10,78)^2}{2 \times 2,89 \times 2,89}}, \quad (2)$$

– доля преподавателей со стажем от 10 до 15 лет в количестве работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам:

$$y_3(x_3) = \frac{240,00}{2,70 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-14,45)^2}{2 \times 2,70 \times 2,70}}, \quad (3)$$

– доля преподавателей со стажем от 15 до 20 лет в количестве работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам:

$$y_4(x_4) = \frac{240,00}{3,21 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4-19,17)^2}{2 \times 3,21 \times 3,21}}, \quad (4)$$

– доля преподавателей со стажем 20 и более лет в количестве работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам:

$$y_5(x_5) = \frac{550,00}{7,13 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5-48,05)^2}{2 \times 7,13 \times 7,13}}. \quad (5)$$

Качество функций (1)–(5) мы проверили с использованием трех тестов (критериев): Колмогорова–Смирнова, Пирсона и Шапиро–Вилка. Рассчитанные значения критериев приведены в табл. 1 (данные в таблице основаны на результатах вычисленных функций).

Таблица 1. Рассчитанные значения критериев
Table 1. Calculated values of criteria

Показатель	Тест Колмогорова–Смирнова	Тест Пирсона	Тест Шапиро–Вилка
Доля преподавателей со стажем менее 5 лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	0,05	1,41	0,97
Доля преподавателей со стажем от 5 до 10 лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	0,03	1,13	0,98
Доля преподавателей со стажем от 10 до 15 лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	0,04	2,86	0,96
Доля преподавателей со стажем от 15 до 20 лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	0,03	0,52	0,98
Доля преподавателей со стажем 20 и более лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	0,05	1,81	0,97

Информация, приведенная в столбце 2 табл. 1, показала, что все рассчитанные значения меньше критического значения по критерию Колмогорова–Смирнова (0,174) при уровне значимости, равном 0,05. Данные в столбце 3 меньше критического значения критерия Пирсона (9,49) при уровне значимости 0,05. Данные в столбце 4 превышают критическое значение 0,93 критерия Шапиро–Вилка при уровне значимости 0,05. Таким образом, вычислительный эксперимент показал, что все пять разработанных функций обладают высоким качеством.

На основе разработанных функций (1)–(5) были определены средние значения показателей, характеризующих распределение преподавателей по стажу работы в системе высшего образования по регионам России. Эти значения приведены во втором столбце табл. 2. В третьем столбце этой таблицы показаны стандартные отклонения для каждого из пяти показателей. Значения показателей, характеризующих верхнюю и нижнюю границы интервалов, соответствующих большинству регионов, приведены в четвертом столбце. Мы вычисляем нижнюю границу интервала как разницу между средним значением и стандартным отклонением. Соответственно, верхняя граница рассчитывается как сумма среднего значения и стандартного отклонения. Расчеты выполнены автором на основе функций (1)–(5).

Таблица 2. Значения показателей, характеризующих распределение преподавателей вузов по стажу работы в системе высшего образования в регионах России в 2020 году, %
Table 2. Values of indicators characterizing the distribution of the number of university teachers by work experience in the higher education system in the regions of Russia in 2020, %

Показатель	Среднее значение	Значение стандартного отклонения	Значение по большинству регионов
Доля преподавателей со стажем менее 5 лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	7,16	2,42	4,74–9,58
Доля преподавателей со стажем от 5 до 10 лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	10,78	2,89	7,89–13,67
Доля преподавателей со стажем от 10 до 15 лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	14,45	2,70	11,75–17,15
Доля преподавателей со стажем от 15 до 20 лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	19,17	3,21	15,96–22,38
Доля преподавателей со стажем 20 и более лет в общем числе работающих в системе высшего образования педагогических кадров по регионам	48,05	7,13	40,92–55,18

Среднее значение по регионам России доли преподавателей со стажем менее пяти лет в системе высшего образования педагогических кадров составляет 7,2 %, т. е. примерно каждый четырнадцатый преподаватель работал в системе высшего образования менее 5 лет. Значения этого показателя для большинства регионов колеблются от 4,7 % до 9,6 %.

Среднее значение по регионам России доли преподавателей с педагогическим стажем от 5 до 10 лет в общем числе работающих профессорско-преподавательских кадров составило 10,8 %, т. е. примерно каждый девятый преподаватель имел педагогический стаж от 5 до 10 лет. Значения этого показателя, характерные для большинства регионов, колебались от 7,9 % до 13,7 %.

Среднее значение по российским регионам доли преподавателей с педагогическим стажем от 10 до 15 лет в общем числе работающих профессорско-преподавательских кадров составило 14,5 %, т. е. примерно каждый седьмой преподаватель работал в системе высшего образования от 10 до 15 лет. Значения этого показателя, характерные для большинства регионов, колебались от 11,7 % до 17,2 %.

Среднее значение по российским регионам доли преподавателей с педагогическим стажем от 15 до 20 лет в общем числе профессорско-преподавательских кадров составило 19,2 %, т. е. примерно каждый пятый преподаватель работал в качестве педагога от 15 до 20 лет. Значения этого показателя, характерные для большинства регионов, колебались от 15,9 % до 22,4 %.

Анализ средних значений четырех рассмотренных выше показателей позволил нам сделать вывод о том, что эти значения демонстрировали стабильный рост с увеличением стажа работы на преподавательских должностях. Средняя доля преподавателей с небольшим стажем работы (менее пяти лет) была в 2,7 раза меньше доли преподавателей, работавших в системе высшего образования от 15 до 20 лет. Таким образом, подтвердилась первая гипотеза о том, что доля профессорско-преподавательского состава с определенным педагогическим стажем увеличивается с ростом количества лет, отработанных на преподавательских должностях.

Среднее значение по российским регионам доли преподавателей с педагогическим стажем 20 лет и более в общем количестве профессорско-преподавательских кадров составило чуть более 48 %, т. е. примерно каждый второй преподаватель проработал в этом качестве более 20 лет. Значения этого показателя, характерные для большинства регионов, колебались от 40,9 % до 55,2 %.

Необходимо отметить, что в 2020 г. в регионах России количество преподавателей со стажем работы до 20 лет составило 52 % и было немного больше, чем количество преподавателей со стажем работы 20 и более лет (48 %). Аналогичная тенденция наблюдалась и в регионах России. В 43 регионах доля преподавателей, относящихся к первой категории, превысила долю преподавателей по второй категории, в 12 регионах значения по этим двум категориям практически совпали. А в 27 регионах число преподавателей с педагогическим стажем 20 и более лет превысило число преподавателей со стажем менее 20 лет.

Для проверки гипотезы 2 о дифференциации показателей по регионам был проведен анализ степени вариации каждого из показателей, представленных в табл. 2. Для этого мы использовали стандартные отклонения, указанные в столбце 3. Индексы вариации следующие: по первому показателю – 34 %, по второму показателю – 27 %, по третьему – 19 %, по четвертому – 17 %, по пятому – 15 %. Этот анализ продемонстрировал значительную (более 33 %) дифференциацию стоимости только по первому показателю. По другим показателям дифференциация была не очень значительной, т. е. вторая гипотеза частично подтвердилась.

Следующим этапом было определение российских регионов, где были отмечены максимальные и минимальные значения каждого показателя. В этом случае максимальными значениями являются те, которые превышают верхние границы диапазонов, указанных столбце 4 табл. 2, а минимальными – значения меньше нижних границ указанных диапазонов. Анализ информации о местоположении регионов с максимальными и минимальными

значениями каждого из четырех показателей свидетельствует о том, что эти регионы расположены в разных федеральных округах. Это позволило сделать вывод о подтверждении третьей гипотезы.

Заключение. Цель нашего исследования, связанная с оценкой доли преподавателей с различным стажем работы на преподавательских должностях в общей численности профессорско-преподавательского персонала организаций высшего образования, была достигнута. Полученные результаты, приведенные выше, обладают научной новизной и оригинальностью. Приращение научных знаний, полученное в результате проведенного исследования, заключается в следующем:

– доказано, что доля профессорско-преподавательского персонала с относительно небольшим стажем работы (до 10 лет) составляет в среднем по регионам России 18,0 % от общего количества кадров, замещающих соответствующие должности;

– доказано, что около трети (33,6 %) общего количества профессорско-преподавательского персонала обладает стажем педагогической деятельности от 10 до 20 лет;

– доказано, что почти половина специалистов, работающих на педагогической работе в системе высшего образования, имеет стаж работы 20 и более лет.

Одним из наиболее важных выводов из полученных новых знаний является констатация факта слабого притока новых кадров в систему высшего образования в последние десять лет. Сложившаяся структура численности преподавателей по стажу работы не обеспечивает полную компенсацию сокращения численности преподавателей со стажем работы 20 и более лет в связи с прекращением деятельности их менее опытными коллегами. Это может привести в среднесрочной перспективе к дефициту профессорско-преподавательского персонала в российских регионах.

Практическая значимость исследования для федеральных и региональных органов государственного управления заключается в том, чтобы учесть существующие территориальные различия по педагогическому стажу преподавателей системы высшего образования. Результаты работы могут быть использованы при обосновании планируемых ими мероприятий по привлечению научно-педагогических кадров для работы в системе высшего образования. При этом особое внимание необходимо уделять сложившейся в настоящее время диспропорции, связанной с преобладанием преподавателей с большим педагогическим стажем в современных высших учебных заведениях. Как правило, это люди предпенсионного и пенсионного возраста. Их превалирование в структуре профессорско-преподавательского персонала может негативно сказаться на дефиците кадров в системе высшего образования уже в ближайшее время. Дальнейшие исследования могут быть направлены на установление гендерной структуры распределения преподавателей в регионах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pee S., Vululleh N. Role of Universities in Transforming Society: Challenges and Practices // Innovations in Higher Education Teaching and Learning. 2020. Vol. 32. P. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.1108/S2055-36412020000032005>.

2. Saha L. J. Educational Sociology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Amsterdam: Elsevier, 2015. P. 289–296.

3. Mokyř J. The gifts of Athena: Historical origins of the knowledge economy. Princeton: Princeton Univ. Press, 2002.
4. Шкаратан О. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
5. Markus V., Weber C. The Role of Universities in a Sustainable Society. Why Value-Free Research is Neither Possible nor Desirable // Sustainability. 2020. Vol. 12, iss. 7: 2811. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12072811>.
6. Воробьев В. П., Скворцова А. А. Вузовская интеллигенция как ценностно-детерминируемая общность: опыт социологического исследования // Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион. 2015. № 2 (34). С. 145–153.
7. Шереги Ф. Э., Кириллов А. В. Труд преподавателя вуза: творчество или “выживание”? // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 87–98. DOI: 10.78 6 8 / S0132162517110101.
8. Jung Cheol Shin. Higher education development in Korea: western university ideas, Confucian tradition, and economic development // Higher Education. 2012. Vol. 64, iss. 1. P. 59–72. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-011-9480-5>.
9. Li J. Learner-Centred Learning Tasks in Higher Education: A Study on Perception among // Education Science. 2021. Vol. 11: 230. DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci11050230>.
10. The Development of Global Higher Education in a World of Transformation / E. G. Mense, P. Lemoine, C. J. Garretson, M. D. Richardson // J. of Education and Development. 2018. Vol. 2, № 3. P. 47–60. DOI: 10.20849/jed.v2i3.529.
11. How Candidate Teachers Experience Coherence in University Education and Teacher Induction: the Influence of Perceived Professional Preparation at University and Support during Teacher Induction / M. Alles, J. Apel, T. Seidel, K. Stürmer // Vocations and Learning. 2019. Vol. 12 (1). P. 87–112. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12186-018-9211-5>.
12. Wosnitza M., Helker K., Lohbeck L. Teaching goals of early career university teachers in Germany // International J. of Educational Research. 2014. Vol. 65. P. 90–103. DOI: 10.1016/j.ijer.2013.09.009.
13. King Rice J. Learning from Experience? Evidence on the Impact and Distribution of Teacher Experience and the Implications for Teacher Policy // Education Finance and Policy. 2013. Vol. 8, № 3. P. 332–348. DOI: 10.1162/EDFP_a_00099.
14. Analysis of the institutional building and sustainable development of higher education in transition economies / V. Volchik, A. Zhuk, A. Kuryshva, J. Abrhám // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2019. Vol. 7, № 2. P. 1413–1423. DOI: 10.9770/jesi.2019.7.2(43).
15. Graham R. The Career Framework for University Teaching: background and overview. London: Royal Academy of Engineering Prince Philip House, 2018.
16. Психологические личностные характеристики преподавателя в зависимости от стажа работы / Т. М. Богданова, М. С. Синкеев, М. А. Занкин др. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 6. P. 198–202.
17. Barnett R. Constructing the university: Towards a social philosophy of higher education // Education Philosophy Theory. 2017. Vol. 49, iss. 1. P. 78–88. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2016.1183472>.
18. Marginson S. Dynamics of National and Global Competition in Higher Education // Higher Education. 2006. Vol. 52, iss. 2. P. 1–39. DOI: 10.1007/s10734-004-7649-x.
19. Шуклина Е. Преподаватели вузов о социальном благополучии в сфере профессиональной деятельности // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 1. С. 20–34. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.1.2.
20. Крайнов Г. Н. О социальном статусе преподавателей российских вузов // Вестн. МИРБИС. 2019. № 3 (19). С. 174–178. DOI: 10.25634/MIRBIS.2019.3.21.
21. Грибовский М. В., Сорокин А. Н., Ефимова Г. З. Pro et contra. Преподаватели Томского и Тюменского университетов о достоинствах и недостатках своей профессии // Университетское

управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 3. С. 77–89. DOI: <https://doi.org/10.15826/umra.2020.03.027>.

22. Шманцарь М. В. Характеристики социально-профессиональной группы преподавателей вузов в условиях изменений в системе высшего образования // Вестн. университета. 2018. № 3. С. 149–152. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-3-149-152>.

23. Старцев М. В. Социально-экономические аспекты деятельности преподавателя провинциального российского вуза // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2019. Т. 18, № 4 (42). С. 82–86. DOI: [10.20310/1810-231X-2019-19-4\(42\)-82-86](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-19-4(42)-82-86).

24. Минзарипов Р. Г., Фурсова В. В., Махамбетова М. А. Влияние содержания труда преподавателей вузов на их социальное самочувствие // Казанский социально-гуманитарный вестн. 2019. № 6. С. 43–49. DOI: [10.24153/2079-5912-2019-10-6-43-49](https://doi.org/10.24153/2079-5912-2019-10-6-43-49).

25. Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры // Министерство науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 25.03.2022).

26. Балезина Е. А. Молодые преподаватели в современном вузе: социальная типизация // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 3. С. 65–75. DOI: [10.15593/2224-9354/2019.3.6](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2019.3.6).

27. Бессонова Т. И., Пароньянц И. В. Особенности восприятия профессии молодыми и пожилыми преподавателями вуза // Гуманитарно-педагогическое образование. 2020. Т. 6, № 1. С. 80–86.

28. Федосюк Д. В. Специфика социальной адаптации преподавателей вузов предпенсионного возраста // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2020. Т. 12, № 4. С. 124–130. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2020-12-4-124-130>.

29. Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution / I. Pinkovetskaia, Y. Nuretdinova, I. Nuretdinov, N. Lipatova // Revista de la Universidad Del Zulia. 2021. № 12 (33). P. 34–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.46925/rdluz.33.04>.

Информация об авторе.

Пиньковецкая Юлия Семеновна – кандидат экономических наук (2011), доцент (2013), доцент кафедры экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ул. Л. Толстого, д. 42, Ульяновск, 432000, Россия. Автор более 400 научных публикаций. Сфера научных интересов: моделирование социально-экономических процессов, социология управления, экономика предпринимательства, менеджмент, статистика, математические методы и модели, высшее образование.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.04.2022; принята после рецензирования 06.06.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Pee, S. and Vululleh, N. (2020), "Role of Universities in Transforming Society: Challenges and Practices", *Innovations in Higher Education Teaching and Learning*, vol. 32, pp. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.1108/S2055-364120200000032005>.

2. Saha, L.J. (2015), "Educational Sociology", *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, Elsevier, Amsterdam, NDL, pp. 289–296.

3. Mokyry, J. (2002), *The gifts of Athena: Historical origins of the knowledge economy*, Princeton Univ. Press, Princeton, USA.

4. Shkaratan, O. (2012), *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'* [Sociology of inequality. Theory and reality], Izd. dom VShE, Moscow, RUS.

5. Markus, V. and Weber, C. (2020), "The Role of Universities in a Sustainable Society. Why Value-Free Research is Neither Possible nor Desirable", *Sustainability*, vol. 12, iss. 7: 2811. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12072811>.

6. Vorob'ev, V.P. and Skvortsova, A.A. (2015), "University intelligentsia as a value-determined community: experience of a sociological research", *Univ. proceedings. Volga region. Social sciences*, no. 2 (34), pp. 145–153.

7. Sheregi, F.E. and Kirillov, A.V. (2017), "Higher education teacher's labor: creativity or "survival"?", *Sociological Studies*, vol. 11, pp. 87–98. DOI: 10.78 6 8 / S0132162517110101.

8. Jung Cheol Shin (2012), "Higher education development in Korea: western university ideas, Confucian tradition, and economic development", *Higher Education*, vol. 64, iss. 1, pp. 59–72. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-011-9480-5>.

9. Li, J. (2021), "Learner-Centred Learning Tasks in Higher Education: A Study on Perception among", *Education Science*, vol. 11: 230. DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci11050230>.

10. Mense, E.G., Lemoine, P., Garretson, C.J. and Richardson, M.D. (2018), "The Development of Global Higher Education in a World of Transformation", *J. of Education and Development*, vol. 2, no. 3, pp. 47–60. DOI: 10.20849/jed.v2i3.529.

11. Alles, M., Apel, J., Seidel, T. and Stürmer, K. (2019), "How Candidate Teachers Experience Coherence in University Education and Teacher Induction: the Influence of Perceived Professional Preparation at University and Support during Teacher Induction", *Vocations and Learning*, vol. 12 (1), pp. 87–112. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12186-018-9211-5>.

12. Wosnitza, M., Helker, K. and Lohbeck, L. (2014), "Teaching goals of early career university teachers in Germany", *International J. of Educational Research*, vol. 65, pp. 90–103. DOI: 10.1016/j.ijer.2013.09.009.

13. King Rice, J. (2013), "Learning from Experience? Evidence on the Impact and Distribution of Teacher Experience and the Implications for Teacher Policy", *Education Finance and Policy*, vol. 8, no. 3, pp. 332–348. DOI: 10.1162/EDFP_a_00099.

14. Volchik, V., Zhuk, A., Kurysheva, A. and Abrahám, J. (2019), "Analysis of the institutional building and sustainable development of higher education in transition economies", *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 7, no. 2, pp. 1413–1423. DOI: 10.9770/jesi.2019.7.2(43).

15. Graham, R. (2018), *The Career Framework for University Teaching: background and overview*, Royal Academy of Engineering Prince Philip House, London, UK.

16. Bogdanova, T.M., Sinkeev, M.S., Zankin, M.A., Demin, A.S. and Zankina, A.Yu. (2018), "Psychological personal characteristics of the faculty depending on employment period", *International J. of Applied and Fundamental Research*, no. 6, pp. 198–202.

17. Barnett, R. (2017), "Constructing the university: Towards a social philosophy of higher education", *Education Philosophy Theory*, vol. 49, iss. 1, pp. 78–88. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2016.1183472>.

18. Marginson, S. (2006), "Dynamics of National and Global Competition in Higher Education", *Higher Education*, vol. 52, iss. 2, pp. 1–39. DOI: 10.1007/s10734-004-7649-x.

19. Shuklina, E. (2022), "The view of university teachers about social welfare in their professional field", *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, vol. 1, pp. 20–34. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.1.2.

20. Kraynov, G. (2019), "On the social status of teachers of Russian universities", *Vestnik MIRBIS*, no. 3 (19), pp. 174–178. DOI: 10.25634/MIRBIS.2019.3.21.

21. Gribovskiy, M.V., Sorokin, A.N. and Efimova, G.Z. (2020), "Pro et contra. Lecturers of Tomsk and Tyumen Universities on the advantages and disadvantages of their profession", *Univ. management: practice and analysis*, vol. 24, no. 3, pp. 77–89. DOI: <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.03.027>.

22. Shmantsar, M.V. (2018), "Characteristics of the socio-professional group of university teachers in the context of changes in the higher education system", *Vestnik Universiteta*, no. 3, pp. 149–152. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-3-149-152>.

23. Startsev, M.V. (2019), "Socio-economic aspects of the activity of the provincial Russian university teacher", *Psychological-Pedagogical J. "Gaudeamus"*, vol. 18, no. 4 (42), pp. 82–86. DOI: 10.20310/1810-231X-2019-19-4(42)-82-86.

24. Minzaripov, R.G., Fursova, V.V. and Makhambetova, M.A. (2019), "Impact of the work of university teachers on their social well-being", *The Kazan socially-humanitarian bulletin*, no. 6, pp. 43–49. DOI: 10.24153/2079-5912-2019-10-6-43-49.

25. "Information about the organization carrying out educational activities in educational programs of higher education – bachelor's programs, specialist's programs, master's programs", *Ministry of Science and Higher Education*, available at: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (accessed 25.03.2022).

26. Balezina, E.A. (2019), "Young teachers at modern university: the social typology", *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, vol. 3, pp. 65–75. DOI: 10.15593/2224-9354/2019.3.6.

27. Bessonova, T.I. and Paronyants, I.V. (2020), "Features of the perception of the profession by young and elderly university teachers", *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, vol. 6, no. 1, pp. 80–86.

28. Fedosyuk, D.V. (2020), "Specificity of social adaptation of university teachers approaching retirement age", *Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologiceskogo Universiteta*, vol. 12, no. 4, pp. 124–130. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2020-12-4-124-130>.

29. Pinkovetskaia, I., Nuretdinova, Y., Nuretdinov, I. and Lipatova, N. (2021), "Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution", *Revista de la Universidad Del Zulia*, no. 12 (33), pp. 34–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.46925/rdluz.33.04>.

Information about the author.

Iuliia S. Pinkovetskaia – Can. Sci. (Economics) (2011), Docent (2013), Associate Professor at the Department of Economic Analysis and State Management, Ulyanovsk State University, 42 L. Tolstogo str., Ulyanovsk 432000, Russia. The author of more than 400 scientific publications. Area of expertise: modeling of socio-economic processes, sociology of management, economics of entrepreneurship, management, statistics, mathematical methods and models, higher education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.04.2022; adopted after review 06.06.2022; published online 23.09.2022.

Оригинальная статья
УДК 81'13
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-122-135>

Лингвокогнитология & системология: интегративность in actu (теоретический и методологический аспекты сопряжения)

Диана Михайловна Миронова

*Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия,
mir-lina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1450-515X>*

Введение. В статье проводится анализ системологической адекватности когнитивного подхода к языку и на этой основе предлагается метод когнитивно-системологической интерпретации языковых фактов. Когнитивный подход хорошо согласуется с функциональной природой объекта языкознания. Вместе с тем теоретико-методологические установки когнитивной лингвистики позволяют более глубоко и целостно раскрыть онтологические свойства языка как системного образования.

Методология и источники. Задачи данного исследования предполагают оценку роли и новизны когнитивной лингвистики в описании языка как системы, в обосновании значимости интерпретации мыслительно-языкового взаимодействия в соотношении с конкретными параметрами системной природы языка и, как следствие, в разработке возможного метода такой интерпретации. В статье использовался описательный метод с его приемами наблюдения, обобщения, систематизации и интерпретации. Кроме того, на этапе представления метода автор прибегал к моделированию его методики. Материалом исследования послужили методологические принципы когнитивной лингвистики, философской диалектики и общей теории систем, изложенные в отечественных и зарубежных источниках.

Результаты и обсуждение. Анализ методологической и предметной области лингвокогнитологии позволяет говорить о том, что когнитивные модели языка обладают экзпланаторностью и полнотой в плане представления языка как естественно развивающейся сложной и большой системы открытого типа. В этом смысле лингвокогнитология предстает как логическое продолжение развития системного подхода в языкознании на новом уровне. В статье предложена структурно-логическая организация метода когнитивно-системологической интерпретации в виде ряда процедур.

Заключение. Автор приходит к выводу о целесообразности когнитивно-системологической интерпретации разноуровневых явлений семантического пространства, что обусловлено, с одной стороны, тесной связью естественного языка с когнитивной средой и, с другой – его общесистемным характером. Системологический аспект рассмотрения когнитивной сущности языка отвечает как онтологии самого объекта, так и ценностным ориентирам философии науки и современной парадигмы языкознания. Исследовательский ракурс, акцентирующий когнитивную причинность системных параметров или системологический статус лингвоментальных фактов, лежит в основе выделения двух версий данного метода.

© Миронова Д. М., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: лингвистическая методология, когнитивная лингвистика, когнитивно-системологическая интерпретация языковых фактов, концептуализация и категоризация мира в языке, методика исследования, общая теория систем, системный подход

Для цитирования: Миронова Д. М. Лингвокогнитология & системология: интегративность in actu (теоретический и методологический аспекты сопряжения) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 122–135. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-122-135.

Original paper

Linguocognitology & Systemology: Integrativity in actu (Theoretical and Methodological Aspects of Interaction)

Diana M. Mironova

*Southwest State University, Kursk, Russia
mir-lina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1450-515X>*

Introduction. The study analyzes the systemological adequacy of the cognitive approach to language and on this basis suggests a method of cognitive-systemological interpretation of linguistic facts. The cognitive approach is in a good agreement with the functional nature of the object of linguistics. At the same time the theoretical and methodological guidelines of cognitive linguistics allow us to reveal more deeply and holistically the ontological properties of language as a system phenomenon.

Methodology and sources. The research tasks involve assessing the role and novelty of cognitive linguistics in description language as a system, in substantiating the significance of interpreting thought-language interaction in the context of certain parameters of the system nature of language and, as a consequence, in developing a possible method of such interpretation. The paper used the axiomatic-deductive method, as well as the descriptive method with its techniques of observation, generalization, systematization and interpretation. In addition, at the stage of presenting the method, we resorted to the modeling its procedure. The research material consists of the methodological principles of cognitive linguistics, philosophical dialectics and general theory of systems presented in domestic and foreign sources.

Results and discussion. The analysis of the methodology and subject area of linguocognitology suggests that cognitive models of language have the great explanatory power and completeness in terms of representing this phenomenon as a naturally developing complex and large open-type system. In this sense, linguocognitology appears as a logical continuation of the development of a system approach in linguistics at a new level. The work proposes a structural and logical organization of the method of cognitive-systemological interpretation in the form of a number of procedures.

Conclusion. As a result of the conducted searches, the author comes to the conclusion about the practicability of cognitive-systemological interpretation of multilevel phenomena of semantic space, which is due, on the one hand, to the close links of natural language with the cognitive environment and, on the other hand, its system-wide nature. The systemological aspect of the consideration on the cognitive essence of language corresponds both to the ontology of the object itself and to the value orientations of the philosophy of science and the modern paradigm of linguistics. The research aspect, emphasizing the cognitive causality of system parameters or the systemological status of linguistic facts, underlies the identification of two versions of this method.

Keywords: linguistic methodology, cognitive linguistics, cognitive-systemological interpretation of language facts, conceptualization and categorization of the world in language, research methodology, general theory of systems, system approach

For citation: Mironova, D.M. (2022), "Linguocognitology & Systemology: Integrativity in actu (Theoretical and Methodological Aspects of Interaction)", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 122–135. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-122-135 (Russia).

Введение. Феномен системности представляет собой глобальный способ существования мира и находится в ряду универсальных свойств онтологии окружающей действительности. Она находит выражение в человеческой практике, организуя ее и определяя наиболее адекватные способы повседневного или научного освоения объективной реальности. Закономерно в этой связи поступательное развитие теории и методологии науки от субстанционального подхода к своему объекту, с его вниманием к отдельным элементам, через структурный, выделяющий связи между элементами, в направлении к целостному, системному взгляду в его собственном смысле.

На современной ступени развития науки представления о системе сложились в стройную междисциплинарную область знания, именуемую *общей теорией систем*, или *системологией*. Ее предмет сосредоточен на вопросах устройства, функционирования и взаимодействия систем различной природы, которые рассматриваются здесь с единых организационных позиций и в терминах выявленных системных характеристик. Более чем полувековой опыт практического использования системологических представлений обосновывает фундаментальное значение системно-организационного подхода в целом ряде аспектов [1, 2]. Так, он создает почву для комплексного анализа объекта системной природы в диалектическом единстве его разнообразных сторон (субстанциональных, структурных, функциональных характеристик). Системная логика предполагает в качестве естественного сочетание организованности и изменчивости познаваемого и, как следствие, наделяет гибкостью и конструктивностью [2] сам метод познания, увеличивая его адекватность изучаемому объекту. Тем самым повышается эвристическая и прагматическая ценность научного подхода в объяснении реалий и решении как простых, так и более сложных задач; в опоре на законы системного развития облегчается создание прогнозов поведения различных объектов. При этом в силу фундаментального характера системности данное утверждение применимо к содержанию и инструментарию любых научных исследований, на что неоднократно указывали представители различных областей знания. Например, отечественный кибернетик И. В. Блауберг считает проекцию системных идей в частные науки плодотворной на том основании, что она способна обеспечить «кумулятивное развертывание предмета исследований в тех условиях, когда теряют эффективность традиционные предметные конструкции» [3, с. 12].

Один из основоположников отечественной теории систем биолог Ю. А. Урманцев объясняет потенциал учения о системах ее широкими возможностями в плане обобщения, объяснения, установления междисциплинарных связей и формулирования научных предсказаний [4]. Другой представитель биологической науки Л. фон Берталанфи, известный как создатель теории систем за рубежом, акцентирует сходство законов существования объектов природы и общества и на основе этой общности допускает возможность построения научной картины мира на единых теоретико-методологических установках [5]. Ранее созвучная мысль была высказана отечественным врачом и ученым-энциклопедистом А. А. Богдановым, который, однако, точнее выразил ее, обращая внимание научной общественности на значимость универсальных организационных законов (законов тектологии), знание которых

позволило бы методом дедукции выстраивать любую, в том числе научную, деятельность наиболее планомерно [6].

В методологии науки системный подход, наряду с математикой, приобретает роль общенаучной платформы, начиная с середины XX в., и с успехом применяется в естественных и технических, социальных и гуманитарных отраслях знания. Накопление частнонаучных достижений и назревшая необходимость интегрировать их в единую, совокупную картину объективного мира закономерно повлекли за собой процесс межотраслевого синтеза, актуальный в наше время. На смену последовательной дифференциации научных сфер пришла их нарастающая интеграция, что выразилось в появлении междисциплинарных областей, интегративных проектов и активной разработке методологического аппарата для их реализации. На базе теории систем в современной области интердисциплинарных знаний уже сложились техническая и экономическая кибернетика, биокибернетика, интеллектуально-информационная технология и когнитивистика (когнитология) [7].

В рамках последней и в полном соответствии с интегративными тенденциями самостоятельное направление исследований представляет сегодня *когнитивная лингвистика*. В сопряжении языковедения, когнитивной психологии, семиотики и теории информации она активно исследует бытование языковой системы в концептуальной среде человеческого сознания с целью получения, переработки и передачи информации при помощи знаков языка. Происходит целесообразное приспособление понятий и концепций смежных дисциплин к задачам описания естественного языка как инструмента познавательной деятельности. При этом закономерно, что интегративный предмет такого исследования ведет не только к частичному теоретическому синтезу задействованных в нем отраслей, но и вслед за новыми концепциями – к выработке все новых подходов к анализу и интерпретации материала с учетом его антропоцентрической природы.

Наряду с непрелюдностью и новизной, стремлением к достоверности и обоснованности, используемые подходы как методологические принципы остаются актуальной характеристикой научного знания. Зачастую от них зависит судьба исследования в науке уже на первых подступах к объекту. Под *методологическими принципами* нами подразумеваются такие «познавательные установки, которые играют роль связующего звена в движении науки, обеспечивая единство развития знания на разных субъектных уровнях научного творчества...», «задают идеалы и нормы исследования в соответствии с представлениями о мире и конкретной дисциплинарной теорией» [7, с. 15–16]. Проблема дисциплинарно-методологической структуры, отделяющей научный подход от вненаучного, становится одной из центральных еще в Новое время, когда в лице оппозиции эмпиризма или рационализма решался вопрос об эффективности индуктивной либо дедуктивной логики познавательного процесса.

На сегодняшний день в абстрактной модели познавательной деятельности (эпистемической ситуации [8, с. 21]) различные установки и источники познания входят, соответственно, в *методологический ее компонент*, связанный со «способами получения, развития и обоснования научного знания, а также его репрезентацией в содержательно-логических формах понятий, категорий, идей, концепций» [9, с. 30]. Вместе с тем важно отметить, что, порождая новое знание, он функционирует в единстве с другими компонентами эпистемической ситуации: онтологическим, рефлексивным, аксиологическим и коммуникативно-

прагматическим, отражая в себе предметно-содержательный, операциональный, аксиологический аспекты метода [10]. Это происходит постольку, поскольку факты становятся научным знанием лишь будучи обобщенными и систематизированными соотносительно с существенными параметрами исследуемого, с нормами научной коммуникации, а также ценностными парадигмальными установками и метанаучными ценностями. Важно отметить при этом, что в наше время подобного рода установки согласуются с предпосылочными общенаучными принципами, диалектическими аксиомами, которые отображают законы бытия и поэтому нередко лежат в основе частнонаучных методологий. Они обеспечивают исследователя постулатами высшей степени абстракции, содействуя выявлению сущности исследуемого за многообразными явлениями. Среди них безусловное место занимает *принцип системности*. Он лежит в основе комплексного анализа сложных явлений (онтологический аспект системы), детерминирует системное мышление исследователя (гносеологический аспект системы) и методологически предполагает:

- понимание первичности материи, а также ее единства с сознанием;
- разграничение сущности и ее проявлений;
- раскрытие целостности различных сторон объекта и способов их взаимодействия;
- учет связей изучаемой реалии с окружающей средой;
- историзм, понимаемый как изменчивость объекта во времени;
- сочетание методологического анализа с синтезом [10];
- возможность многоаспектного описания одного и того же объекта с позиций различных научных областей и, как следствие, взаимосвязь разных уровней полученного знания [11].

История лингвистической науки характеризуется сменой парадигм в поступательном приближении к собственно системному моделированию естественного языка. Многообразие его моделей, предложенных с позиций исторической, структурной, антропоцентрической трактовки, обусловлено как исключительной сложностью, эмпирической недоступностью языковой системы, так и господствующей научной традицией разных эпох в описании объективного мира. По существу, каждая модель акцентирует тот или иной параметр, аспект системной организации какого-либо участка или всей языковой системы (притом что их авторы зачастую вкладывали в понятие системы, структуры и ее элементов разное содержание). Вследствие такого положения дел правомерно вести речь о взаимодополняющих отношениях моделей системы языка, созданных с помощью общих и специальных методов в лоне различных лингвистических парадигм и направлений: субстанциональных (XIX в.), структурных (1960-е гг. XX в.), семиотических (1970-е гг. XX в.), функциональных (1980-е гг. XX в. по настоящее время).

Репрезентативность и адекватность оригиналу определяют научную ценность, а также информативность модели объекта. В этом отношении специфический ракурс лингвокогнитологии с ее интересом к среде функционирования языка и ориентацией на структурно-функциональную целостность объекта открывает новые возможности для моделирования языка как сущности *системной*. Когнитивный подход повышает адекватность лингвистического описания постольку, поскольку степень соответствия теории и методологии природе языка «может оцениваться по тому, в какой мере при его анализе учтено единство и взаимодействие всех трех миров: **реального, мыслительного и языкового**» [12, с. 12]. А именно сбалансированный учет онтологических свойств языка в свое время укрепил позиции

антропоцентризма в качестве магистральной установки языкознания конца XX – начала XXI вв. [13]. Были преодолены ограничения предыдущих, доантропоцентрических, подходов, связанные с имманентностью объяснительного анализа, предельной абстрактностью и во многих случаях – с отрывом от реальной коммуникации и среды языкового функционирования.

Раскрывая это положение в проекции на когнитивные исследования языка, отметим, что их ведущий подход в полной мере соответствует устоявшемуся в науке пониманию системы как многомерного феномена. Так, высвечивая новый аспект языковой природы, базовые принципы лингвокогнитивной теории и методологии находятся тем не менее в полном соответствии как с отечественными традициями изучения, так и с принципами существования сложных динамических систем, какой является человеческий язык. Это положение представляется существенным для осмысления значимости и дальнейшей эволюции когнитивного подхода к языку. В работе [14] нами было установлено, что теоретико-методологические основы когнитивной лингвистики лежат на пересечении широкого круга «системных аксиом», среди которых *принципы структурности, взаимодействия системы и среды, обратной связи и детерминизма, постулат целеполагания и связанный с ним принцип качества, постулаты выбора и устойчивости, специализации, многообразия и координации элементов, принцип иерархии и изменчивости функций компонентов, аксиома нелинейности.*

Результаты и обсуждение. В большой мере созвучие лингвокогнитивных идей этим онтологическим аксиомам природы языка стало закономерным следствием введения в обиход понятия языковой личности с ее когнитивными и прагматическими аспектами. С системологических позиций это позволило лингвистам отказаться от абсолютизации одной из сторон объекта и сконцентрироваться на двух фундаментальных свойствах системы: на ее связях с внешней средой и функциональной детерминации структурных/субстанциональных «граней» языкового знака. Применительно к семиотической роли языка во главу угла при таком подходе ставится естественное для речемыслительной деятельности взаимодействие языковых элементов, механизмов и структур не только между собой (на уровне парадигматических, синтагматических, эпидигматических связей), но и с компонентами и механизмами концептуальной системы ввиду адаптации к конкретно-речевым (дискурсивным) условиям¹.

Интерпретация языка как явления «в себе и для себя» уступает, таким образом, место его трактовке в качестве природной подсистемы познавательной деятельности, «закрепляющей достижения мышления» [15, с. 26–27] и адаптирующейся к запросам построения и трансляции ментальных репрезентаций. А это, в свою очередь, «предполагает исследование семантики языковых единиц как *сложной и самоорганизующейся системы открытого типа*», т. е. такой, которая отличается «постоянным обменом информацией» со средой [16, с. 77]. В частности, на смену моделированию языковой структуры как исключительно внутрисистемного феномена, автономного от любых внеязыковых факторов, приходит понимание ее целесообразной обусловленности когнитивными задачами, строением менталь-

¹ Ср. показательное в этом отношении понимание дискурса в виде единства когнитивных и коммуникативных признаков. В таком ключе дискурс рисуется как «тот когнитивный “котел”, в котором происходит смыслообразование, лингвосемиозис...» [16, с. 77], и каждый языковой знак здесь выступает в его множественных дискурсивных связях.

ного лексикона/грамматикона. Сеть отношений в языковой структуре предстает «как отображение сети нервных связей в мозгу человека», а системность языка в целом начинает интерпретироваться относительно системности психических процессов и концептуальных структур [17]. Аналогично виртуальное и актуальное значение языковой единицы рассматривается в когнитивном контексте, т. е. в контексте определенных когнитивных структур (ментальных областей и форматов знания). В то же время как открытая система естественный язык обнаруживает обратное влияние на концептуальную систему, упорядочивая ее содержание в целостную картину мира и, соответственно, детерминируя стратегии поведения людей в этнокультурном сообществе, так что познание самого человека вряд ли возможно в отвлечении от языка.

В современной лингвистике когнитивное описание языка достигается с помощью различных вариантов концептуального анализа. Оформление концептуально-дефиниционной, концептуально-репрезентативной, фреймовой, прототипической, концептуально-таксономической и некоторых других версий собственного метода когнитивной лингвистики окончательно укрепило ее самостоятельность в ряду интегративных отраслей. В контексте вышеизложенных наблюдений полагаем, что один из эвристических векторов развития инструментария когнитивной лингвистики представляет разработка таких методов и алгоритмов анализа, отправная точка которых лежит на пересечении двух явлений современной лингвистической реальности: системологической адекватности когнитивных исследований языка и осознания продуктивной роли системных идей в науке. С одной стороны, выработка такой гибридной методологии позволила бы более рельефно, эксплицитно раскрыть внутреннюю согласованность лингвокогнитивных установок, а также системный характер мыслительно-языкового взаимодействия в его естественности. С другой стороны, за созданием такого рода методик и эвристик усматривается обогащение системной методологии языкознания, которая на сегодняшний день далека от завершенного состояния. В проекции на предмет лингвокогнитологии это могло бы означать целенаправленное исследование разнообразных системных качеств языка, как они реализуются на уровне взаимовлияния языка и когниции, в ходе участия языковой системы в процессах концептуализации и категоризации.

В этом смысле новое звучание приобретают те размышления лингвистов, которые подчеркивают плодотворность антропоцентризма в целом и лингвокогнитивистики в частности в плане охвата изучаемых языковых свойств. Так, по словам Ю. Н. Караулова, постулат антропоцентричности порождает концепции, которые дают возможность успешно «интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [18, с. 16]. Более того, как пишет Е. Н. Сергеева, когнитивный подход эффективно объединяет «лингвистические и экстралингвистические (фоновые) знания о мире, а также различные коммуникативные факторы на основе единой концептуальной базы» [19, с. 72]. Полагаем, что на единой платформе когнитологии может выстраиваться и комплексное системное исследование языка, синтезируя вокруг нее субстанциональные, структурные и функциональные свойства языковой системы, каждое из которых вносит вклад в общее качество системы. В пользу этой гипотезы свидетельствует и тот факт, что принцип системности является общенаучным диалектическим регулятором научной работы и, как следствие, «уравновешивает» частнонаучный лингвистический анализ «философским синтезом» [20, с. 26]. Поэтому закономерно, что и сами лингвистические концепции, выстроенные в содружестве когнитивного

и системологического подходов, обладают экспланаторностью и доказательностью, прогностичностью и способностью обобщать эмпирические факты на сущностном для них основании. Кроме того, это выражает преимущество идей, исторически принадлежащих различным парадигмам языкознания, а также демонстрирует их кооперативный эффект, содействующий обогащению научного знания о языке.

Обращаясь к описанию предложенного метода, отметим, что в современной методологии науки термины «метод», «прием», «методика», «технология», «процедура», «аспект исследования» часто употребляются недифференцированно, и, соответственно, для улучшения научной коммуникации в каждом конкретном случае возникает проблема разграничения этих понятий. В своем исследовании мы руководствуемся логико-философским определением термина «метод», согласно которому метод представляет собой совокупность приемов (процедур) организации теоретического и практического осмысления действительности в целях выявления или преобразования объективных свойств некоторого фрагмента действительности [21, 22]. Выполняя свою инструментальную функцию, метод существует в рамках определенной научной парадигмы и более или менее общепринятой теории, касающейся тех или иных аспектов постигаемого. При этом один и тот же метод может выступать в своих разновидностях. Для сравнения можно привести свободный и направленный виды ассоциативного эксперимента или лингвокультурологический анализ, выстроенный по линии от фактов культуры к их языковой репрезентации или наоборот. Подобным же образом варианты метода семантико-когнитивного анализа допускают ход анализа от ментальных структур к языку либо, наоборот, реконструкцию этих структур по итогам семантического анализа. Совокупность познавательных приемов реализации метода, организованных в соответствии с логикой исследования, составляют его методику или технологию, если речь идет о научно-практической работе [9]. В исследовательской практике вопрос выбора методики или технологии встает в связи с инструментальным уровнем всякого метода. Оптимальная методика исследования отвечает требованиям целесообразности, реалистичности, воспроизводимости и ясности, обоснованности и результативности, соотносимым со свойствами научного знания.

Каждый научный метод воплощается структурированной последовательностью приемов (наблюдения, эксперимента, обобщения, интерпретации), что выступает как схема производства нового знания на базе уже существующего. Следовательно, выполняя инструментальную функцию, метод, безусловно, исходит из некоторых теоретических посылок, которые сопровождают весь ход реализации цели исследования. В этом отношении научный поиск на стыке системологии и когнитивной теории языка предусматривает в качестве ведущей такую методику, которая была бы соразмерна стратегии картирования системозначимых свойств языка как лингвоментального феномена. Такого рода методику, на наш взгляд, мог бы представить метод когнитивно-системологической интерпретации языковых фактов, получивший свое название по модели уже известных наименований (ср. метод интерпретации эмпирических данных [7], метод когнитивной интерпретации результатов семантического анализа [23], метод интерпретации сновидений пациента). Данный метод не ограничен изучением отдельных фрагментов объекта, что характерно, например, для компонентного анализа значений слов или метода фонологических оппозиций. Он направлен на комплексное междисциплинарное моделирование когнитивно-системологической основы разноуровне-

вых семантических явлений и соположен этой глобальной задаче на каждом этапе ее решения. В соответствии с характером исходной и конечной точки в развертывании исследования данный метод может выступать по меньшей мере в двух своих разновидностях: от выбранного аспекта когнитивной функции языка к реализующим его системно-языковым параметрам и, напротив, от некоторого системного свойства к его роли для осуществления языком задач концептуализации/категоризации. В первом случае методика применения когнитивно-системологического метода анализа языкового материала, на наш взгляд, может быть представлена следующим образом:

- 1) выбор системообразующего когнитивного процесса, объективированного в языке и речи;
- 2) определение круга разноуровневых вербальных средств, которые задействованы в этом процессе;
- 3) детализированная когнитивная интерпретация¹ выявленных средств;
- 4) систематизация материала по итогам когнитивной интерпретации;
- 5) выбор интересующего системного параметра языка, обоснование этого выбора;
- 6) анализ актуализации этого параметра для каждой группы единиц, выделенных на когнитивном основании (системологическая интерпретация);
- 7) обобщение и систематизация результатов исследования.

Далее охарактеризуем содержание каждого из этапов логической организации исследования.

Первый и второй этапы реализуют фактологическую сторону научного знания и, как можно заключить, очерчивают объект и предмет для последующего анализа. В качестве системообразующего когнитивного процесса могут быть выбраны первичные или вторичные процессы концептуализации либо категоризации с помощью языка. Очевидно, что в поле рассмотрения оказываются единицы знаковой природы, охватывающие морфемный, лексический и синтаксический уровни.

Третья и четвертая ступени алгоритма содержат первую предпосылку для перехода от фактологического знания к теоретическому, когда семантика единиц, подвергнутых анализу, получает интерпретацию относительно широкого спектра когнитивных условий формирования в виде языковых значений или речевых смыслов. В частности, в центре внимания, а затем и в основе классификации могут оказаться вербализованный формат знания; связи единиц анализа с тематическим или операционным концептом (и, соответственно, репрезентация языковым значением или смыслом); соотнесенность с тем или иным модусом интерпретации (для вторичных единиц) и концептом в сознании; вовлеченность элементов языка в конкретные когнитивные механизмы концептуализации/категоризации, а также роль данного вербального средства в развитии концептуальной системы. Суть когнитивной интерпретации хорошо сформулировал Н. Н. Болдырев, согласно которому семантико-когнитивный анализ сконцентрирован на том, чтобы «установить ... область знания, которая лежит в основе значения... и определенным образом ее структурировать, показав, какие

¹ Понятие о методе когнитивной интерпретации введено в обиход воронежской школой лингвокогнитологии во главе с И. А. Стерниным [23, с. 200] применительно к способу реконструкции концепта на основе языковых значений. Как представляется, название этого метода позволяет распространить его на реконструкцию любых статических/динамических когнитивных оснований языковой/речевой единицы.

участки этой области и каким образом (посредством какой схемы) “схвачены” знаком...» [24, с. 35]. При этом необходимо учитывать дискурсивные условия, к которым адаптируется процесс «форматирования» концептуального содержания при актуализации знака. По выявленным когнитивным основаниям языковой материал может быть упорядочен в классы или полевые структуры единиц, родственных по когнитивной функции (ср., например, построение номинативного поля концепта или ядерно-периферийной структуры прототипических языковых категорий).

Поскольку любое явление языка существует на пересечении системных параметров, на следующем *пятом этапе* стоит задача выбора системной характеристики, помещаемой в поле внимания. Решение этой частной задачи производится в опоре на достижения общей теории систем (понятие о системе, обзор и взаимоотношения ее характеристик) в сочетании с собственно лингвистическими воззрениями на язык как систему (существующие модели системы языка). На данной ступени окончательно определяется предмет рассмотрения.

Анализ значимости системной характеристики в реализации когнитивной функции вербальной единицы составляет задачу *шестого этапа* применения когнитивно-системологического метода. В русле этой задачи в действие вступает сопряженность двух подходов к исследованию языка. Относительно участия в языковой концептуализации/категоризации для каждой группы вербальных средств выбранная системная характеристика интерпретируется как конститутивная (системообразующая), системоприобретенная или системонейтральная, устанавливается ее равномерная/неравномерная «разработка» в подсистеме. Обозначаются принципы существования открытых и сложных систем, в соответствии с которыми проявляется и функционирует выделенный системный признак, взаимодействуя с когницией. Характеризуется его детерминационный организующий или в какой-то степени дезорганизующий вклад в мыслительно-языковое взаимодействие на данном участке языковой системы. Устанавливается положительный или отрицательный тип информационной обратной связи анализируемого фрагмента с концептуальной средой, поскольку обратная связь со средой влияет на устойчивость функционирования системы. И, наконец, может быть рассмотрена эволюция когнитивной значимости этого системного параметра в языковой диахронии при формировании языковой картины мира (историческая грань метода). Касаясь этого вопроса, мы полностью разделяем точку зрения Н. С. Трубецкого, усматривающего «осмысленность», закономерность языковой динамики в том, что язык есть система [25].

Заключительный *седьмой этап* связан с необходимым обобщением и систематизацией итогов последовательного соотнесения системологического и ментального планов естественного языка. По всей видимости, систематизация результатов может производиться на основании уровневой принадлежности единиц анализа или сообразно их роли в обработке информации и оперировании знанием. Кроме того, полученный материал может быть упорядочен в системологическом ключе относительно какой-либо существенной черты, выявленной на предыдущем этапе. Завершающая ступень методики позволяет представить более или менее целостную картину связей функционирования системологических и когнитивных аспектов языковой реальности, сформировать на конкретном эмпирическом материале новое теоретическое знание о способах их корреляции. В этом воплощается конструктивный уровень описанного метода, обусловленный потенциалом предложенного подхода для приращения знаний. Таким образом, взяв за основу слова Н. Н. Болдырева о том, что «изучение

языка как определенной системы репрезентации знаний не может не учитывать... общие принципы и механизмы соотношения когнитивных и языковых структур» [26, с. 17], можно было бы добавить, что постижение когнитивной природы языка в наши дни не может также не учитывать его системную природу.

Во второй версии предлагаемый метод мог бы содержать следующие основные этапы:

- 1) выбор интересующего системного параметра языка, обоснование этого выбора;
- 2) отбор круга вербальных средств, связанных с данным системным параметром;
- 3) когнитивная интерпретация выделенных средств;
- 4) системологическая интерпретация выявленных когнитивных оснований семантики с точки зрения интересующего системного свойства языка;
- 5) обобщение результатов исследования.

В данной версии методика когнитивно-системологической интерпретации отталкивается от системной сущности феномена языка, избирая в качестве отправного некоторый интересующий исследователя системный параметр сложной открытой материально-идеальной системы. Вместе с тем общность конечной цели – раскрыть связи когнитивной природы с системными параметрами языка – приводит к тому, что по предметно-содержательному и операциональному наполнению этапы второй разновидности метода во многом схожи с предыдущей. Выбор той или другой версии подчиняется, скорее, субъективной стороне в технике реализации метода, обнаруживая зависимость от исходных исследовательских акцентов. В одном случае они сконцентрированы на выявлении системологического статуса определенных фактов языковой концептуализации или категоризации, в другом – призваны осмыслить когнитивную природу одного либо нескольких параметров системы.

Заключение. «Видимость и сущность в языке не совпадают, и задача лингвистической науки состоит в том, чтобы проникнуть через видимость в сущность», – писал Ю. С. Степанов [27]. Одна из продуктивных линий в постижении сущности и тайнства этого феномена, безусловно, связана с совершенствованием системной методологии языкознания, которая раскрывала бы не только имманентные, автономные свойства системы, но и ее взаимодействие со средой в статике и динамике. Обзор дисциплинарно-методологической и предметной области лингвистической науки привел нас к заключению о целесообразности когнитивной интерпретации многих системных явлений семантического пространства, что обусловлено их внешними структурными связями с когнитивной средой. Данный подход к естественному языку может быть реализован с помощью метода когнитивно-системологической интерпретации, который, на наш взгляд, обладает рядом достоинств. Так, в плане онтологии исследуемого феномена применение этого метода, с одной стороны, дает возможность выстроить более полное объяснительное и целостное описание языка как сложного, многогранного явления. Оно позволяет проследить детерминационную зависимость ряда субстанциональных, структурных, интегративных его качеств от функции языка быть атрибутом познания. Тем самым создается почва для теоретического и методологического сопряжения тех сторон языкового бытия, которые ранее изучались отдельно или вовсе исключались из рассмотрения. Они предстают объединенными общими когнитивными задачами/механизмами участия в процессах концептуализации и категоризации мира. С другой стороны, и сами когнитивные черты языка приобретают более фундаментальное осмысление, получив научную интерпретацию сквозь призму универсальных принципов существо-

вания систем. Эти две посылки характеризуют эмерджентный эффект совмещения когнитивной и системологической интерпретаций материала.

В аксиологическом плане данный подход отвечает полипарадигмальному характеру современной лингвистики и ведущим установкам ее методологии. В их числе – стремление к взаимодополняющему синтезу достижений различных парадигм на уровне существующих языковых моделей и способов их построения. Одновременно создание методов, реализующих этот синтез на практике, как уже отмечалось, вписывается в решение одной из актуальнейших общенаучных проблем по совершенствованию частных методологий в сторону большей экспланаторности. В данном случае речь идет о преемственности и дальнейшем углублении лингвистического анализа, выполненного в духе системного и антропоцентрического (когнитивного) подходов к своему объекту. Таким образом, операциональная сторона метода, являясь инновационной в целостном виде, вбирает в себя, однако, и те элементы методики, которые неоднократно и с успехом применялись в лингвистике и в этом смысле проверены временем. Думается, что сочетание отмеченных положительных сторон свидетельствует о праксеологической значимости когнитивно-системологической интерпретации языковых/речевых фактов, делая ее перспективной и интересной для практической апробации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Качанова Т. Л., Фомин Б. Ф. Основания системологии феноменального. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 1999.
2. Борзенко И. М. Наука глазами системолога. URL: <http://www.humanism.ru/biblioteka/68-poruganie/277-sistemolog.html> (дата обращения: 10.12.2021).
3. Блауберг И. В. Диалектика точного и неточного в современном научном познании // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 12–18.
4. Урманцев Ю. А. Девять плюс один этюд о системной философии. Синтез мировоззрений. М.: Институт Холодинамики, 2001.
5. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем / общ. ред. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
6. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989.
7. Шипунова О. Д. История и методология науки. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016.
8. Котюрова М. П. Стилистика научной речи. М.: Академия, 2010.
9. Комарова З. И. Технология научных исследований в системной методологии современной лингвистики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016.
10. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Изд-во «Проспект», 2005.
11. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М.: Наука, 1997.
12. Зубкова Л. Г. Общая теория языка в развитии. М.: Изд-во РУДН, 2002.
13. Миронова Д. М. Основные принципы существования открытых систем в зеркале лингвокогнитивных исследований // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. 2015. № 1–2 (21). С. 35–41.
14. Миронова Д. М. К вопросу о системологической адекватности когнитивного подхода к языку // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Филология. 2020. № 63. С. 64–82. DOI: 10.17223/19986645/63/4.
15. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002.

16. Алефиренко Н. Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестн. Вятс. гос. гуман. ун-та. 2008. № 2 (1). С. 75–78.
17. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
18. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
19. Сергеева Е. Н. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике // Вестн. ВЭГУ. 2009. № 3 (41). С. 72–85.
20. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. К вопросу о методах лингвистических исследований // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2010. № 1. С. 23–31.
21. Пономарев А. Б., Пикулева Э. А. Методология научных исследований. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014.
22. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Книга по требованию, 2012.
23. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010.
24. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001.
25. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987.
26. Болдырев Н. Н. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: результаты и перспективы исследования // Взаимодействие мыслительных и языковых структур. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 17–22.
27. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=53123> (дата обращения: 15.12.2021).

Информация об авторе.

Миронова Диана Михайловна – кандидат филологических наук (2017), доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета, ул. 50 лет Октября, д. 94, Курск, 305040, Россия. Автор 52 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, системные исследования языка, методика преподавания родного и иностранного языков.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.12.2021; принята после рецензирования 01.02.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Kachanova, T.L. and Fomin, B.F. (1999), *Osnovaniya sistemologii fenomenal'nogo* [Foundations of the systemology of the phenomenal], Izd-vo SPbGETU "LETI", SPb., RUS.
2. Borzenko, I.M. (2001), *Nauka glazami sistemologa* [Science through the eyes of a systemologist], available at: <http://www.humanism.ru/biblioteka/68-poruganie/277-sistemolog.html> (accessed 10.12.2021).
3. Blauberg, I.V. (1988), "Dialectics of exact and inaccurate in modern scientific knowledge", *Russian Studies in Philosophy*, no. 12, pp. 12–18.
4. Urmantsev, Yu.A. (2001), *Devyat' plus odin etyud o sistemnoi filosofii* [Nine plus one etude on system philosophy. Synthesis of worldviews], Institut Kholodinamiki, Moscow, RUS.
5. fon Bertalanfi, L. (1969), "General theory of systems: critical review", *Issledovaniya po obshchei teorii system* [Research on the general theory of systems], in Sadovskiy, V.N. and Yudina, E.G. (eds.), Progress, Moscow, USSR, pp. 23–82.
6. Bogdanov, A.A. (1989), *Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka)* [Tectology: A universal Organizational Science], in 2 books, book 1, Ekonomika, Moscow, USSR.
7. Shipunova, O.D. (2016), *Istoriya i metodologiya nauki* [History and methodology of science], Izd-vo Politekhnikheskogo universiteta, SPb., RUS.
8. Kotyurova, M.P. (2010), *Stilistika nauchnoi rechi* [The style of scientific speech], Akademiya, Moscow, RUS.

9. Komarova, Z.I. (2016), *Tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v sistemoi metodologii sovremennoi lingvistiki* [Technology of scientific research in the system methodology of modern linguistics], Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Ekaterinburg, RUS.
10. Alekseev, P.V. and Panin, A.V. (2005), *Filosofiya* [Philosophy], 3rd ed., revised. and additional, TK Velbi: Izd-vo Prospekt, Moscow, RUS.
11. Shchedrovitskii, G.P. (1997), *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology], Nauka, Moscow, RUS.
12. Zubkova, L.G. (2002), *Obshchaya teoriya yazyka v razvitiy* [General theory of language in development], Izd-vo RUDN, Moscow, RUS.
13. Mironova, D.M. (2015), "The fundamental principles of open systems in the mirror of cognitive linguistics", *Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical Univ.*, no. 1–2 (21), pp. 35–41.
14. Mironova, D.M. (2020), "On the systemological adequacy of a cognitive approach to language", *Tomsk State Univ. J. of Philology*, no. 63, pp. 64–82. DOI: 10.17223/19986645/63/4.
15. Sannikov, V.Z. (2002), *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry* [The Russian language in the mirror of the language game], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
16. Alefirenko, N.F. (2008), "Cognitive linguistics: prerequisites, subject, categories", *Herald of Vyatka State Humanitarian Univ.*, no. 2 (1), pp. 75–78.
17. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics], ACT: Vostok-Zapad, Moscow, RUS.
18. Karaulov, Yu.N. (2010), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality], Izd-vo LKI, Moscow, RUS.
19. Sergeeva, E.N. (2009), "The idea of a concept and aspects of its study in modern linguistics", *Vestnik VEGU* [Bulletin of Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy], no. 3 (41), pp. 72–85.
20. Grinev-Grinevich, S.V. and Sorokina, E.A. (2010), "The methods of linguistic research revisit", *Bulletin of the Moscow State Region Univ. Ser. Linguistics*, no. 1, pp. 23–31.
21. Ponomarev, A.B. and Pikuleva, E.A. (2014), *Metodologiya nauchnykh issledovaniy* [Methodology of scientific research], Izd-vo Perm. nats. issled. politekh. un-ta, Perm', RUS.
22. Kondakov, N.I. (2012), *Logicheskii slovar'-spravochnik* [Logical dictionary-reference], Kniga po Trebovaniyu, Moscow, RUS.
23. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2010), *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics], AST: Vostok-Zapad, Moscow, RUS.
24. Boldyrev, N.N. (2001), *Kognitivnaya semantika: kurs lektsii po angl. filologii* [Cognitive semantics: a course of lectures on English philology], Izd-vo TGU, Tambov, RUS.
25. Trubetskoi, N.S. (1987), *Izbrannye trudy po filologii* [Selected works on philology], Progress, Moscow, USSR.
26. Boldyrev, N.N. (2010), "Interaction of cognitive and linguistic structures: results and prospects of the study", *Vzaimodeistvie myslitel'nykh i yazykovykh struktur* [Interaction of cognitive and linguistic structures], Izdatel'skii dom TGU imeni G. R. Derzhavina, Tambov, RUS, pp. 17–22.
27. Stepanov, Yu.S. (1975), *Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics], Nauka, Moscow, RUS, available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=53123> (accessed 15.12.2021).

Information about the author.

Diana M. Mironova – Can. Sci. (Philology) (2017), Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, 94 50 let Otyabrya str., Kursk 305040, Russia. The author of 52 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, system language research, methods of teaching native and foreign languages.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.12.2021; adopted after review 01.02.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 811.112.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-136-145>

Южнонемецкие диалекты как лингвокультурный феномен

Галина Андреевна Баева¹, Анастасия Алексеевна Пономарёва²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹baevaga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5058-7175>

²ann.ponomaryova1111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2804-2806>

Введение. В статье диалект анализируется как элемент регионально-культурной специфики через призму семантики лексических единиц. Отмечается, что современная лингвокультурология большей частью сфокусирована на расшифровке национальных культурных кодов, в то время как исследования особенностей региональных лингвокультур в рамках полицентричных языков все еще остаются несистематизированными, что определяет научную новизну и актуальность настоящего исследования.

Методология и источники. Исследовательским материалом стали более 100 лексических единиц с регионально-культурным компонентом из баварского и швабского диалектов, отобранных методом систематической выборки из художественной литературы XX–XXI вв., материалов региональных СМИ и рекламы. Для выявления регионально-культурного компонента используется двухуровневый алгоритм, состоящий из анализа лексикографических источников, материалов интервью и анкетирования 66 носителей диалекта. Актуализированный спектр денотативных и коннотативных значений единиц рассматривается в рамках 10 тематических групп.

Результаты и обсуждение. Основным результатом исследования является демонстрация роли диалекта как репрезентанта истории и традиции южнонемецкого пространства, которые удастся проследить во внутренней структуре диалектных единиц. Несмотря на влияние глобализационных процессов, отчасти схожее историческое развитие регионов, а также принадлежность баварского и швабского диалектов к одному диалектному континууму, анализ диалектных единиц показал, что картина мира двух исследуемых регионов южной Германии характеризуется как сходствами, так и различиями.

Заключение. В заключении отмечается, что дальнейшее изучение диалекта с точки зрения междисциплинарности, в том числе с позиции лингвокультурологии и лингвопрагматики, позволит приблизиться к целостному пониманию роли диалекта в современной коммуникации.

Ключевые слова: баварский, швабский, диалект, лингвокультура, вариативность, полицентричность

Для цитирования: Баева Г. А., Пономарёва А. А. Южнонемецкие диалекты как лингвокультурный феномен // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 136–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-136-145.

© Баева Г. А., Пономарёва А. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Upper German Dialects as a Linguo-Cultural Phenomenon

Galina A. Baeva¹, Anastasiya A. Ponomareva²

^{1,2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*baevaga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5058-7175>*

²*ann.ponomaryova1111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2804-2806>*

Introduction. The study attempts to reveal the role of the dialect as a linguo-cultural phenomenon through the prism of its semantics. The lack of studies on dialects from the linguo-cultural point of view – modern cultural linguistics is mostly focused on standard languages and national cultural codes – determines the novelty and relevance of this issue.

Methodology and sources. The research content consists of more than 100 Bavarian and Swabian dialect words which reflect culture specifics of each region, selected from the 20th–21st centuries fiction, regional media materials and local advertising by using the systematic sampling method. To identify the regional culture specifics, the study provides a two-level method, based on the analysis of lexicographic sources and results of the interview and questionnaire of 66 respondents. The updated range of denotative and connotative meanings of each lexeme is considered within 10 thematic groups.

Results and discussion. It has been found out that the researched dialects clearly reflect the South German regional tradition and history which can be traced in the semantics of the dialect words. Despite the globalization, a partly similar historical development of the two regions, as well as the belonging of the Bavarian and Swabian dialects to the same dialect continuum, the analysis of the dialect semantic structures within thematic groups revealed some similarities and differences which lead to conclusions regarding the specifics of the South German linguo-cultural code.

Conclusion. It has been concluded that the further study on linguistic variety from the interdisciplinary point of view, including cultural linguistics and pragmatics, allows to better understand the role of dialect in modern communication.

Keywords: Bavarian, Swabian, dialect, linguoculture, variety, polycentric language

For citation: Baeva, G.A. and Ponomareva, A.A. (2022), "Upper German Dialects as a Linguo-Cultural Phenomenon", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 136–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-136-145 (Russia).

Введение. На современном этапе развития лингвистики не возникает сомнений в том, что культурный код того или иного этноса находит свое отражение в языке. При этом следует отметить, что лингвокультурный потенциал заключен в структурах не только стандартного языка, но и диалекта, что уже было доказано рядом отечественных исследований русских говоров [1]. Если данная проблематика была рассмотрена в рамках относительно моноцентричного русского языка, то ее актуальность в рамках изучения региональных культур полицентричного немецкоязычного пространства вполне оправдана. Несмотря на глобализационные процессы, тенденция к использованию диалекта все еще прослеживается в некоторых немецких регионах – особенно ярко она выражена в южной Германии, где преимущественно распространены диалекты южнонемецкой группы: баварские, алеманнские и верхнефранкские [2, с. 83]. В немецкоязычных странах интерес к изучению диалектов и культуры регионов не утихает со времен эпохи романтизма, о чем свидетельствует широкий спектр лексикографических справочников и книг о культуре немецких регионов, изданных

за последние 50 лет (А. Швайгерт, Л. Цеетнер, Т. Тролль и др.) – несмотря на это исследования диалекта с точки зрения лингвокультурологии имеют несистематический и скорее развлекательный характер. За последние несколько лет были предприняты первые попытки описать культурное разнообразие регионов немецкоязычного пространства через призму научной традиции: особого внимания заслуживают исследования Е. Н. Блохиной (на материале среднебаварского диалекта), а также Е. П. Воронко (на материале швейцарского варианта немецкого языка), в которых по аналогии с национально-культурной спецификой выделяется регионально-культурный компонент (т. е. отраженная в диалектных единицах информация о постигнутой действительности).

Методология и источники. В рамках представленного исследования были рассмотрены лексические единицы баварского и швабского диалектов – данный выбор был в первую очередь продиктован возможностью проведения эксперимента среди носителей указанных диалектов. Для анализа констант и трансформаций региональных лингвокультур был использован двухуровневый алгоритм верификации регионально-культурного компонента, который позволил нам как не-носителям диалекта достичь в процессе исследования относительно высокой степени объективности. Следует отметить, что представленный алгоритм опирается на способ выявления регионально-культурного компонента, предложенный Е. Н. Блохиной, и отчасти дополняет его [3].

В ходе первого этапа исследования был составлен корпус материалов, который включает в себя 104 лексические единицы с регионально-культурным компонентом (из них 56 лексем баварского и 48 швабского диалектов), отобранные методом систематической выборки из литературных и публицистических источников, составленных авторами-носителями диалекта и находящихся в свободном доступе в сети Интернет. Принадлежность единиц к диалекту была идентифицирована на основе материалов электронных версий словарей стандартного немецкого языка – *Duden* и *DWDS*. В качестве критерия для первичной идентификации принадлежности единицы к диалекту послужили следующие признаки:

1) морфосинтаксические особенности южнонемецких диалектов (верхненемецкие диминутивные суффиксы *-el*, *-l*, *-al*, *-rl*, *-erl*, *-ei*, *-le*, *-la*, двойное/тройное отрицание и др.) [2, с. 83–93];

2) несовпадение значения лексической единицы, предложенного словарем немецкого языка, со значением, которое реализуется в контексте;

3) отсутствие лексемы в словарях стандартного немецкого языка;

4) наличие региональных помет (*bayerisch*, *schwäbisch*, *süddeutsch*, *südwestdeutsch*).

В рамках второго этапа исследования был использован двухуровневый алгоритм верификации регионально-культурного компонента, состоящий из анализа лексикографических источников (словари баварского и швабского диалектов издательства «Langenscheidt», онлайн-словари и др.), а также материалов интервью с 8 носителями исследуемых диалектов и онлайн-анкетирования 66 информантов. Каждая из двух составленных на базе системы Google анкет, для носителей баварского и швабского диалектов соответственно, включает в себя 3 вопроса с выбором ответа, а также вопросы со свободной формулировкой. В качестве основного принципа при составлении опросов был выбран метод свободного ассоциирования: информантам необходимо было привести к каждой знакомой им лексеме по 2–3 ассоциации. При прохождении опроса респондентам предлагалось оценить свой уровень владения

диалектом (владею свободно, т. е. продуктивно / хорошо понимаю, но не использую в повседневной жизни, т. е. рецептивно / не владею – рис. 1), а также указать возраст и место жительства (рис. 2 и 3). По окончании анкетирования информантам было предложено оставить свои контактные данные для участия в последующем интервью на платформе WhatsApp, состоявшее в основном из вопросов, на которые не удалось найти ответы в рамках анкетирования.

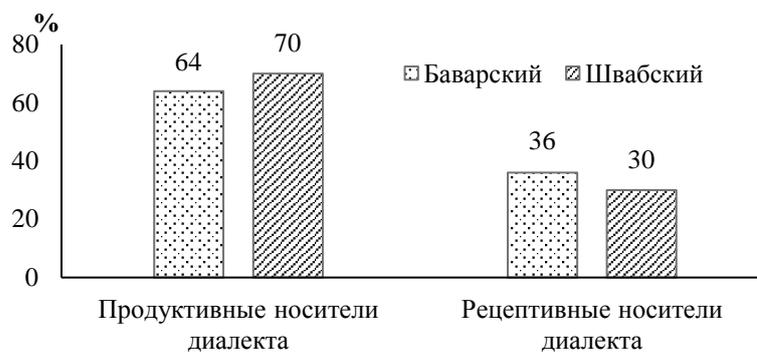

Рис. 1. Степень владения диалектом
Fig. 1. Informants' dialect proficiency level

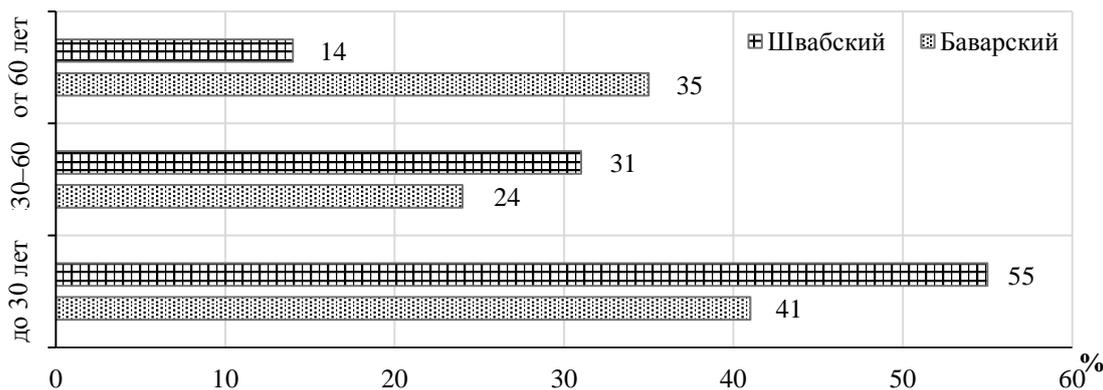

Рис. 2. Возраст информантов
Fig. 2. Informants' age group

Рис. 3. Место жительства информантов
Fig. 3. Informants' residence

Для систематизации идентифицированного знания отобранные диалектные единицы с регионально-культурным компонентом были проанализированы в рамках 10 тематических групп (список тематических групп с примерами приведен в табл. 1). Следует отметить, что распределение лексических единиц в рамках данных групп оказалось весьма условным, поскольку некоторые единицы могут быть отнесены к нескольким тематическим группам одновременно.

Таблица 1. Тематические группы проанализированных диалектных единиц
Table 1. Thematic groups of the analyzed dialect words

Тематическая группа	Рассмотренные единицы баварского диалекта	Рассмотренные единицы швабского диалекта
I. Формулы приветствия и прощания	<i>Grüß Gott; Hawedehre; Pfüagod; Servus</i>	<i>Adee; Grüß Gott; So, au onderwegs? / So, au do?</i>
II. Исторические личности и литературные образы	<i>Boandlkramer; Brandner Kaspar; Christkindl; Engel Aloisius; Girgl Jennerwein; Matthias Klostermayr; Schmied von Kochel; Wolpertinger</i>	<i>Äffle und Pferdle; Chrischkendle; Sieben Schwaben</i>
III. Традиции		
1. Пища и напитки	<i>Brennsuppe; Bschoadtücherl; Goaß; Knedl; Scheps; Schmankerl; Schmarrn; Semme; Weißwurst; Weißbier</i>	<i>Bodagfährtle; Bräzl; (Cannstatter) Zuckerle; Gneedl; Lemberger; Maultasche; Most; Muggafuggkaffee; Riesling; Schorrle; Semsagräbser; Spätzle; Trollinger; Weggle</i>
2. Единицы меры	<i>Mass</i>	<i>Henedäbberla; Muggaseggele; Schobbe; Viertele</i>
3. Праздники и обычаи	<i>Almabtrieb; Derblecken; Dult; Gaudi; Hoagascht; Noagal; Nockherberg; Rama-Dama; Wiesn</i>	<i>Blutritt in Weingarten; Cannstatter Wasen; Gôgen-Witze; Hockete; Sodele; Kehrwoche; Schwabenalter; Schwôrwoche; Ständerling</i>
4. Одежда и украшения	<i>Dirndl; Gamsbart; Lederne; Charivari</i>	<i>Larve; Strohschuhe</i>
5. Этнонимы	<i>Datschiburger; Isarpreiss; Preiss; Schanzer; Urbaier; Waidler; Zuagroaste</i>	<i>Albnadabber; Dachtraufschwoba; Gelbfassler; Reig'schmeckte(r); Schtäftelesrutsch; Urschwob; Viertelesschlotzer</i>
6. Песни и музыка	<i>Jodeln; Gstanzl; Stubenmusik</i>	<i>Lompaliadle; Schwobarock</i>
7. Архитектура и внутреннее убранство	<i>Herrgottswinkel; Lüftmalerei; Mariensäule; Marterl; Schwaighof</i>	<i>Schranne</i>
IV. Виды труда и занятий	<i>Gebirgsschütz; Herrgottsschnitzer; Senn; Wildschütz</i>	<i>Besenwirtschaft; Gôg; Raupe; Huser</i>

Результаты и обсуждение. Некоторые группы локальных реалий, в особенности *этнонимы, формулы приветствия и прощания, пища и напитки, праздники и обычаи*, показали определенные сходства региональной картины мира (например, четкое разделение на своих и чужих, привязанность к родным местам, следование традициям и др.), в то время как остальные характеризуются определенными различиями, анализ которых позволил установить особенности каждой региональной лингвокультуры.

Рассмотрим сходства южнонемецких региональных культур более подробно на примере тематической группы *формулы приветствия и прощания*. Практически в половине проанализированных единиц обоих диалектов прослеживается религиозный компонент: это справедливо как для приветствия *Grüß Gott*, распространенного на территории всего южнонемецкого региона [4], так и для формул прощания – баварского *Pfüagod* и швабского *Adee/Adele*. Распространению формулы приветствия *Grüß Gott* южнонемецкий регион обязан ирландским миссионерам, вместе с которыми начиная с V в. на эти земли пришло христианство [5, s. 103–104]. Довольно часто эта фраза становится объектом немецких шуток,

так как многие северяне интерпретируют ее не как *[be]grüße dich Gott* (дословно “да приветствует тебя Бог”), а как *grüße den Gott* (т. е. “поприветствуй Бога”) [6, s. 330], что, в свою очередь, стало неотъемлемой частью анекдотов на тему противостояния между северными и южными немцами.

Семантическую пару данному приветствию в Баварии составляет *Pfüagod*, которая является сокращенным вариантом фразы “*behüte dich Gott*” (дословно “да хранит тебя Бог”) [6, s. 330], в то время как в Вюртемберге распространено швабское *Adee/Adele*, заимствованное в XVII в. из французского и являющееся германизированной формой слова *Adieu* (которое можно проинтерпретировать как *Gott befohlen* – “с Богом”) [7]. Данная формула прощания была широко употребима на территории всей Германии вплоть до начала Первой мировой войны, когда использование заимствований из языков стран Антанты стало расцениваться как проявление антипатриотизма [8]. Однако за это время слово трансформировалось в региональные формы, в том числе в швабское *Adee/Adele* и распространенное в современной Германии *Tschüss*. Результаты проведенного эксперимента показали, что, несмотря на семантическое сходство данных формул общения, их функциональный статус отличается: если на территории Баварии *Grüß Gott* и *Pfüagod* можно услышать часто, то их швабские аналоги употребляются довольно редко, в основном продуктивными носителями диалекта старше 50-ти или жителями сельской местности. При этом многие носители диалекта подчеркнули, что данные исконно южнонемецкие формулы общения всегда вызывают у них положительные ассоциации, апеллируют к дружелюбию и создают доверительную атмосферу (подробную информацию о спектре значений данных формул общения с приведенными ассоциациями см. на рис. 4 и 5).

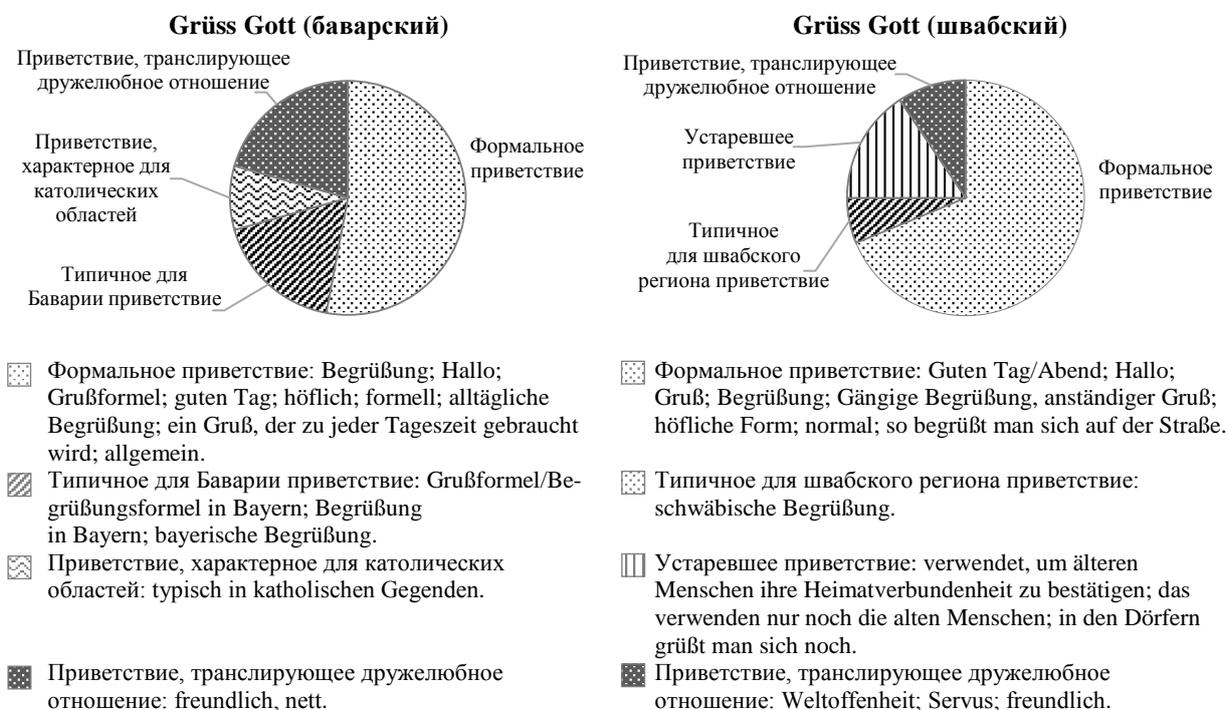

Рис. 4. Употребление южнонемецкого приветствия *Grüß Gott* согласно приведенным ассоциациям*
Fig. 4. The variety of denotative and connotative meanings of the South German expression *Grüß Gott* according to the associations

* На диаграммах отражена только часть выявленных ассоциаций.

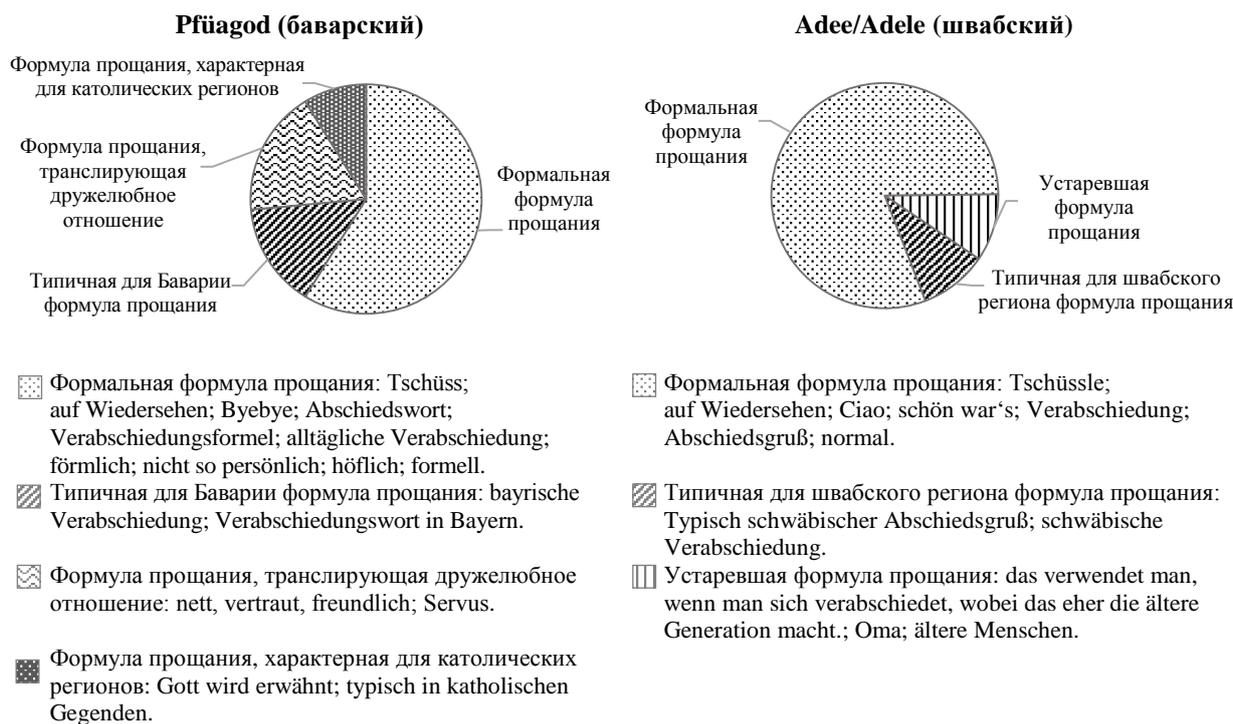

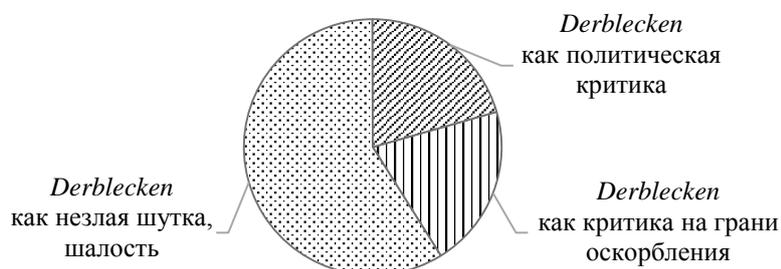
Рис. 5. Употребление южнонемецких формул прощания *Pfüagod* и *Adee/Adele* согласно приведенным ассоциациям*

Fig. 5. The variety of denotative and connotative meanings of the South German expressions *Pfüagod* and *Adee/Adele* according to the associations

Рассмотрим различия южнонемецкой регионально-культурной специфики на примере тематической группы *праздники и обычаи*. В процессе исследования было обнаружено, что некоторые лексемы данной группы апеллируют к юмору исследуемых региональных лингвокультур, однако специфика юмора баварцев и швабов различается. Например, обратимся к баварской единице *derblecken* – “высмеивать, пикироваться” [6, s. 47] (от нем. *die Zähne blecken/zeigen* – дословно “скалить зубы” [7]), которая является ключевым аспектом баварского юмора и прежде всего известна в контексте празднования фестиваля крепкого пива на горе Нокхерберг в Мюнхене (согласно приведенным ассоциациям – рис. 6). Кульминацией праздника становится своего рода кабаре, во время которого критикуются события федеральной и земельной политики, а также высмеиваются отдельные политические фигуры. В этом случае *Derblecken* принято рассматривать как своеобразную рекламу: если какого-либо баварского политика обходят стороной, это говорит о потере общественного интереса к результатам его работы, их незначительности. Таким образом, в первую очередь лексема ассоциируется с провокационным юмором, который рассматривается не как оскорбление, а скорее как неотъемлемая часть баварской действительности. При этом на подобные шутки принято реагировать не враждебно, а с иронией, что, в свою очередь, восходит к баварской традиции встречать гостей: владельцы трактиров приветствовали своих гостей остроумными шутками, изобилующими каламбурами и отсылками на слухи, циркулирующие в местности; при этом обида или гнев гостей вызывали новую волну смеха у присутствующих [9, s. 15–16]. Результаты опроса показали, что рецептивные носители диалекта

* На диаграммах отражена только часть выявленных ассоциаций.

рассматривают данный вид юмора скорее с негативной точки зрения, в то время как продуктивные носители диалекта воспринимают его как некую шалость или незлую шутку – так называемое баварское *Gaudi*.

- ▨ *Derblecken* как критика на грани оскорбления: jemanden blöd anreden; jemanden “mobben”; beschimpfen; verunglimpfen; hänseln bzw. aufziehen; verarschen; schwache Seiten und Fehler aufdecken.
- ▤ *Derblecken* как незлая шутка, шалость: Gaudi; notwendig, spaßig; Ironie; Humor; hob i mei äidere Schwesta, anns gwoant hod; jemanden ärgern als Gaudi; sich lustig machen in derber Art; in Worten auf lustige Art seine Schwächen und Eigenarten darlegen.
- ▧ *Derblecken* как политическая критика: Nockherberg; Rede; Politik; Politiker.

Рис. 6. Спектр актуальных значений баварской лексемы *Derblecken**
Fig. 6. The variety of semantic and pragmatic meanings of the Bavarian lexeme *Derblecken*

Иную специфику юмора мы находим и в швабской региональной культуре. Долгое время в немецкоязычном пространстве бытовал стереотип о недалекости швабов, который нашел свое отражение в серии шванков о приключениях семи (девяти) швабов. Сами же швабы реагируют на это с юмором, о чем свидетельствует следующая традиция (с которой, впрочем, были знакомы лишь информанты из Баден-Вюртемберга): когда швабу исполняется 40 лет, наступает новый период в его жизни – именно тогда он становится мудрым [10]. Эта традиция, известная как *Schwabenalter* (дословно “швабский возраст”, т. е. зрелый возраст), связана с приписываемым швабам тугодумством: немецкий писатель XVIII в. Фридрих Николай (нем. Friedrich Nicolai) объясняет факт существования данного стереотипа тем, что швабы ввиду своего простодушия довольно поздно, лишь после 50 лет (согласно ранним источникам (до XX в.) швабы вступают в *Schwabenalter* в возрасте 40–50 лет), учатся использовать свои достоинства для достижения целей [Там же]. При этом сами швабы несколько не стыдятся этого, даже любят шутить по этому поводу, что, в свою очередь, апеллирует к их своеобразному юмору: нем. *Der Schwob wird erst mit 40 gscheit, die anderen net in Ewigkeit* [11, s. 112] / рус. Умнеют швабы к сорока, а другие – никогда (Здесь и далее перевод наш. – Г. Б. и А. П.).

В контексте анализа специфики швабского юмора обратимся к так называемым *Gôgen-Witze* (дословно “анекдоты про виноделов из Тюбингена”). В развитие значения швабской лексемы *Gôg* свою лепту внесло основание городского университета, после которого Тюбинген разделился на два лагеря: с одной стороны – малообразованные местные жители, многие из которых зарабатывали себе на жизнь виноделием, и с другой стороны – люди науки, прибывшие в Тюбинген из других городов преподавать или учиться в университете [11, s. 98]. Взаимодействие данных групп городского населения было достаточно напряженным ввиду

* На диаграмме отражена только часть выявленных ассоциаций.

социальных причин – они в прямом и переносном смысле разговаривали на разных языках. Однако отсутствие взаимопонимания между ними стало отправной точкой для возникновения целого пласта анекдотов про виноделов из Тюбингена (особенно популярных в академических кругах города), которые способствовали тому, что образ *Gôg* стал символом скупости, находчивости и некоторой грубости швабов [Там же], что также косвенно подтверждается приведенными ассоциациями к лексеме *Gôg* (*nörgelnd; grob; schwäbische Schlagfertigkeit* и т. д.). Подобные анекдоты пользуются популярностью в швабском регионе, что свидетельствует о своеобразной самоиронии, традиционно приписываемой швабам.

Следует отметить, что в рамках статьи был проанализирован довольно узкий пласт лексики, поэтому выводы относительно констант южнонемецких лингвокультур затронули лишь небольшой перечень аспектов, ограниченный выявленными тематическими группами. В контексте исследуемых лингвокультур можно было бы в дальнейшем рассмотреть и другие тематические группы, которые не были представлены в данной работе (например, *топонимы*), и более подробно остановиться на группах, единицы которых, на наш взгляд, обладают выраженным лингвокультурным потенциалом (наиболее перспективными мы считаем тематические группы *праздники и обычаи*, а также *национальные герои и литературные образы*).

Заключение. Как видно из предложенного анализа, несмотря на общую историю и глобализационные процессы, лингвокультурные коды, скрытые во внутренней структуре диалекта, в пределах одного региона могут показывать определенные различия. При этом в рамках проведенного исследования было обнаружено, что своеобразие баварской культуры прослеживается в языке более ярко – данная тенденция, вероятно, является отголоском традиционного баварского регионализма.

Исходя из того, что в современной Германии сохранению диалектов уделяется особое внимание, мы предполагаем, что актуальность их последующего изучения с позиции междисциплинарности будет постепенно расти: например, анализ роли диалекта как репрезентанта региональной культуры в связке с его лингвопрагматическим потенциалом может в перспективе дополнить социокультурную парадигму диалектологических исследований, что позволит сформировать более широкое представление о роли диалекта в современной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брысина Е. В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестн. Волгогр. гос. ун-та, Сер. 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 51–56.
2. Baeva G. Grundzüge der deutschen Dialektologie. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2014.
3. Блохина Е. Н. Диалектная лексика как транслятор знания о региональной культуре // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2018. № 9 (132). С. 118–125.
4. Elspaß S., Möller R. Atlas zur deutschen Alltagssprache (AdA). 2003. URL: <http://www.atlas-alltagssprache.de/> (дата обращения: 20.04.2021).
5. Schmid H. Bairisch: Das Wichtigste in Kürze. München: C. H. Beck Verlag, 2012.
6. Kleinmayer K. Langenscheidt Lilliput Bairisch. München: Langenscheidt, 2016.
7. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 21.04.2021).
8. Götz A. Deutsch – was für eine schöne Sprache! // Berliner Zeitung. 14.11.2017. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/mensch-metropole/kolumne-goetz-aly-deutsch-was-fuer-eine-schoene-sprache-li.27386> (дата обращения: 20.02.2021).

9. Burger H. *Politiker derblecken beim Salvator. Hinter den Kulissen vom Nockherberg*. Rosenheim: Rosenheimer Verlagshaus, 1998.

10. Schwäbisch schwätza. URL: <https://www.schwaebisch-schwaetza.de/> (дата обращения: 25.04.2021).

11. Brudermüller S. *Langenscheidt Lilliput Schwäbisch*. München: Langenscheidt, 2015.

Информация об авторах.

Баева Галина Андреевна – доктор филологических наук (1995), профессор кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных работ и учебно-методических пособий. Сфера научных интересов: синхронические и диахронические исследования немецкого языка, историческая прагматика, немецкая диалектология.

Пономарёва Анастасия Алексеевна – аспирантка кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сфера научных интересов: немецкая диалектология, лингвокультурология, теория и практика художественного перевода.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.12.2021; принята после рецензирования 01.02.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Brysina, E.V. (2012), "Dialect through a prism of lingoculturology", *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, no. 2 (16), pp. 51–56.

2. Baeva, G. (2014), *Grundzüge der deutschen Dialektologie*, St. Petersburg Univ. Press, SPb., RU.

3. Blokhina, E.N. (2018), "Dialectic vocabulary as a translator of knowledge of regional cultures", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ.*, no. 9 (132), pp. 118–125.

4. Elspaß, S. und Möller, R. (2003), *Atlas zur deutschen Alltagssprache (AdA)*, available at: <http://www.atlas-alltagssprache.de/> (accessed 20.04.2021).

5. Schmid, H. (2012), *Bairisch: Das Wichtigste in Kürze*, C. H. Beck Verlag, München, DEU.

6. Kleinmayer, K. (2016), *Langenscheidt Lilliput Bairisch*, Langenscheidt, München, DEU.

7. DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*, available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 21.04.2021).

8. Götz, A. (2017), "Deutsch – was für eine schöne Sprache!", *Berliner Zeitung*, available at: <https://www.berliner-zeitung.de/mensch-metropole/kolumne-goetz-aly-deutsch-was-fuer-eine-schoene-sprache-li.27386> (accessed 20.02.2021).

9. Burger, H. (1998), *Politiker derblecken beim Salvator. Hinter den Kulissen vom Nockherberg*, Rosenheimer Verlagshaus, Rosenheim, DEU.

10. *Schwäbisch schwätza*, available at: <https://www.schwaebisch-schwaetza.de/> (accessed 25.04.2021).

11. Brudermüller, S. (2015), *Langenscheidt Lilliput Schwäbisch*, Langenscheidt, München, DEU.

Information about the authors.

Galina A. Baeva – Dr. Sci. (Philology) (1995), Professor at the Department of German Philology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 150 scientific publications. Area of expertise: synchronic and diachronic studies of the German language, historical pragmatics, German dialectology.

Anastasiya A. Ponomareva – Postgraduate at the Department of German Philology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. Area of expertise: German dialectology, linguocultural linguistics, theory and practice of literary translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.12.2021; adopted after review 01.02.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 811.161.1
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-146-157>

Звукоизобразительные обозначения поглощения пищи (на материале русского языка)

Наталья Николаевна Ноланд¹, Елена Ивановна Беседина²

¹Хьюстон коммьюнити колледж, Хьюстон, Техас, США

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹natalia.noland@hccs.edu, <https://orcid.org/0000-0002-8083-0279>

²elivbesedina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9373-9004>

Введение. В статье представлены результаты исследования по установлению звуко-символического статуса отдельных фонотипов и фонем в обозначениях понятия «глотания», проведенного на материале диалектного русского языка на стыке звукоизобразительности и диалектологии, являющегося непосредственным продолжением совместной работы авторов по изучению звуко-символической роли отдельных фонем в обозначении понятий «кусать, грызть», «чавкать, чмокать» и «всасывать», представленных тремя соответствующими лексико-семантическими группами в диалектах английского языка.

Методология и источники. Материалом для настоящей работы послужил корпус лексем, обозначающих глотание, полученных методом сплошной выборки из словаря русских народных говоров под общей редакцией Ф. П. Филина. Исследование проводилось с применением фоносемантического анализа.

Результаты и обсуждение. Исследование убедительно показало, что лексика русского диалекта, как и диалектная лексика английского языка, представлена внушительным количеством звукоизобразительных единиц и содержит обширные ряды лексем, которые, обладая схожей или фактически совпадающей семантикой, отличаются друг от друга лишь одной или двумя фонемами. Анализ корпуса материала позволил авторам прийти к выводу о том, что в случаях со звукоизобразительной лексикой речь идет не о двух (или более) разных словах, а об одном и том же слове, которое может быть описано в терминах звуко-символических гиперлексем.

Заключение. Диалектная лексика русского языка, как и английская диалектная лексика, обладая такой отличительной чертой, как экспрессивность, предоставляет исследователям особенно богатый и интересный звукоизобразительный материал, который может изучаться в рамках диалектной фоносемантики и внести весомый вклад в развитие теории звукоизобразительности.

Ключевые слова: гиперлексема, диалектная лексика, звукоизобразительность, русский язык, фонемема, фоносемантический анализ

Для цитирования: Ноланд Н. Н., Беседина Е. И. Звукоизобразительные обозначения поглощения пищи (на материале русского языка) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 146–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-146-157.

© Ноланд Н. Н., Беседина Е. И., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Iconic Words Denoting Food Consumption (on the Material of the Russian Language)

Natalia N. Noland¹, Elena I. Besedina²

¹*Houston Community College, Houston, TX, USA*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*natalia.noland@hccs.edu, <https://orcid.org/0000-0002-8083-0279>*

²*elivbesedina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9373-9004>*

Introduction. The article presents the findings of a study on establishing the sound symbolic status of individual phonemes and phonestemes in the designations of “noisy and greedy consumption of food and drinks”, carried out on the material of the Russian dialect language at the junction of iconicity and dialectology and is a continuation of the joint work of the authors on the research of the sound symbolic role of certain phonemes in designation of the concepts of “biting, gnawing”, “chomping, smacking” and “sucking in” in the three corresponding lexical-semantic groups of the English dialect lexemes.

Methodology and sources. The material for this work is the corpus of lexemes denoting swallowing, obtained by continuous sampling from the Dictionary of Russian Folk Dialects, ed. by F.P. Filin. The research was carried out using phonosemantic analysis.

Results and discussion. The study clearly demonstrated that the lexicon of the Russian dialects, similar to the dialect vocabulary of the English language, contains quite an impressive number of iconic words and contains sets of lexemes that, having similar or virtually identical semantics, differ from each other by only one or two phonemes. The analysis of the corpus of the material allowed the authors to conclude that in cases with iconic vocabulary we do not actually deal with two (or more) different words, but with the same word, that can be described in terms of sound symbolic hyperlexemes.

Conclusion. The dialect lexicon of the Russian language, like the dialect lexicon of the English language, possessing such a distinctive feature as expressiveness, gives us a particularly rich and interesting sound-symbolic material that can be studied within the framework of dialect phonosemantics since it contains numerous and diverse groups of sound-symbolic words and can contribute to the theory of iconicity.

Keywords: dialectal vocabulary, hyperlexeme, iconicity, phonestema, phonosemantic analysis, Russian language, sound symbolism

For citation: Noland, N.N. and Besedina, E.I. (2022), “Iconic Words Denoting Food Consumption (on the Material of the Russian Language)”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 146–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-146-157 (Russia).

Введение. В последнее десятилетие все больше ученых, как отечественных, так и зарубежных, вновь обращаются к проблеме звукоизобразительности (ЗИ). Данный тезис легко подтвердить целым рядом интересных и важных теоретических и экспериментальных исследований. Проведенные на широком лексическом материале, эти исследования практически не оставляют оппонентам каких-либо весомых аргументов против утверждения о том, что, хотя звукоизобразительная лексика составляет лишь небольшую часть лексического инвентаря естественного языка, на самом деле она оказывает огромное влияние как на процесс овладения языком, так и на его восприятие. Таким образом, сегодня можно достаточно авторитетно утверждать, что звукоизобразительность признается общим свойством языка,

и представление о том, что очевидное и регулярное соответствие между формой и значением существует как в устной, так и в знаковой модальностях, постепенно становится преобладающим над постулатом о произвольности языкового знака [1–4].

Следует констатировать, что в настоящий момент явление звукоизобразительности на материале русского диалектного языка исследовано в значительно меньшей степени, чем в других языках, включая английский, поскольку отечественные лингвисты, занимающиеся разработкой теории звукоизобразительности, как это не парадоксально, достаточно долгое время «отдавали предпочтение» лексике других языков, и только в последнее время стали появляться интересные работы по звукоизобразительности русского языка, в частности, на диалектном материале [5–8]. Тем не менее лексика, представленная в словаре русских народных говоров, который является крупнейшим дифференциальным полидиалектным словарем русского языка, позволяет однозначно утверждать, что фонд ЗИ-лексики ни в коей мере не уступает другим европейским языкам ни по количеству, ни по яркости проявления своих ЗИ-свойств.

Новизна данного исследования определяется тем, что лексико-семантическая группа (ЛСГ) обозначений понятия «глотания» русского диалектного языка ранее не была предметом изысканий в области фоносемантики.

Настоящее исследование представляет собой логическое продолжение совместной работы авторов по установлению звуко-символической роли отдельных фонем в обозначении понятий «кусать, грызть», «чавкать, чмокать» и «шумно всасывать», представленных тремя соответствующими группами в диалектной лексике английского языка, материалом для которого послужила выборка английских диалектных слов, обозначающих «шумное и жадное поглощение пищи» из «Обзора английских диалектов» О. Дита и Г. Ортона – собрания реализаций слов, являющихся ответами информантов-диалектоносителей на вопросы диалектологов [9]. В работе были проанализированы 39 реализаций к слову “gobble” («есть жадно и с шумом»: gobble, guggle, golph, golk, gulp, gut, guttle, guddle, glut, glutton, glitch, gaunge, gorge, gurgle, growge, growze, gra(u)nch, slobber, slabber, slubber, slother, larp, slorp, slawp, slush, soss, sup, swallow, smack, scrump, scrunch, maunch, munge, mungde, cham, chom, champ, yaum, bolt). Применяв методику, разработанную в диссертационном исследовании Н. Н. Швецово́й (Ноланд) [10], авторы предложили представить реализации данного ряда в виде фоносемантического поля с ядром в виде лексемы gobble, при этом было отмечено, что основными инициальными и финальными фонестемами, которые отражают мотивотип, лежащий в основе номинации, для данного поля скорее всего являются фонестемы *g-*, *gl-*, *gr-*, *sl-*, а также фонемы и фонестемы *(s)kr-*, *m-*, *t/-*. Таким образом, для периферического поля, образованного вокруг ядерной лексемы gobble по принципу близости/удаленности от ядра, было получено следующее образование: ближе к ядру располагаются лексемы с наиболее близкими фонетическими составляющими (и которые семантически более «надежно» могут быть приравнены к вариантам), на втором уровне локализуются реализации, фонетически более отдаленные от ядра. Для поля gobble также представилось возможным наметить третий уровень, на котором располагались лексемы, оказавшиеся в данном поле исключительно в силу своей семантики, так как какой-либо, даже минимальной, фонетической связи с ядерным словом и его вариантами не наблюдалось.

После установления звукоизобразительного статуса с целью подтвердить у участвующих в рассмотрении звукоизображений определенной ЗИ-функции образующих их фонем исследуемые группы английских лексем были подвергнуты структурно-фонетическому анализу. Для получения надежных и достоверных результатов авторы применяли статистические методы обработки эмпирических данных [11].

Результаты анализа свидетельствуют о том, что в анализируемом поле группа лексем с общим мотивотипом «всасывание» характеризуется превышением встречаемости фонем *s* и *l* в среднем в 4,4 и 3,1 раза соответственно. В группе «кусание, грызение» выявлено значительное превышение встречаемости фонем *g*, *r*, *n*, *k* в 4,62; 4,19; 2,9 и 2,1 раза соответственно. В группе «чавканье, чмоканье» наблюдается очевидное превышение встречаемости фонем *tʃ*, *л*, *m*, *p/b* в 28,7; 6,48; 3,91 и 3,9 раза соответственно, что со всей убедительностью подтверждает ЗИ-статус указанных выше фонем при обозначении соответствующего мотивотипа. Исследование также позволило установить значительное превышение встречаемости таких инициальных фонем, как *gl-*, *gr-*, *sl-* в 53,8; 7,7 и 31,4 раза [12].

Методология и источники. Настоящее исследование лексем русского языка является пилотным и представляет собой попытку подтвердить, установить или опровергнуть звукоизобразительную роль отдельных фонем русского языка в передаче понятия «глотания» на основе методики построения фоносемантического поля и метода структурно-фонетического анализа.

Объектом исследования послужил корпус лексем, связанных с семантической областью глотания, полученный методом сплошной выборки из 52 томов словаря русских народных говоров, которые выпускаются словарным сектором Российской академии наук на протяжении последних 50 лет [13]. Исследование проводилось в строгом соответствии с принципами фоносемантического анализа, разработанного С. В. Ворониным, и предоставляющего исследователю достаточно четкие и объективные критерии определения звукоизобразительного статуса той или иной лексемы. В рамках фоносемантического анализа полученная выборка была верифицирована по этимологическому словарю русского языка крупнейшего этимолога-слависта М. Фасмера, включающего дополнения, сделанные его переводчиком, членом-корреспондентом РАН О. А. Трубачевым, и являющегося по сей день одним из самых авторитетных этимологических словарей [14]. Итоговый корпус исследуемых лексем русских говоров составил 51 единицу. В ходе анализа авторы также предприняли попытку установления наличия/отсутствия определенных соответствий между диалектными лексемами русского и английского языков.

Одна из основных единиц фоносемантики – фонотип, который, как отмечал С. В. Воронин, является исключительно эффективным методологическим инструментом для изучения фоносемантической типологии, поскольку анализ исследовательского материала на уровне фонотипов, неких обобщенных типов звука, позволяет раскрыть как общие для ЗИ-слов свойства, так и их индивидуальные особенности [11, 12, 15–18], и, соответственно, предоставляет исследователю возможность провести последующее типологическое сравнение результатов частоты появления определенного фонотипа в анализируемой ЛСГ в любом естественном языке.

Еще одним важным методологическим понятием является понятие фонестемы, представляющей конкретный звук или последовательность звуков, устойчиво коррелирующих

в языке (или ряде языков) с определенным значением. Термин был впервые предложен британским лингвистом Дж. Р. Фиртом в 1930 г. [19].

Результаты и обсуждение. Диалектная лексика, в состав которой входят обширнейшие ряды звукоизобразительных слов, характеризующиеся гипервариативностью и диффузностью семантики [20, 21], предоставляет исследователю интереснейший материал для изучения явления звукоизобразительности. В настоящем исследовании рассматривались звукоизображения явлений, связанных с глотанием. К исследованию были приняты лексические единицы – обозначения глотания и хлебания, вошедшие в Словарь русских народных говоров [13]. Так, ряды лексем, объединенных понятием «глотать», составили 49 образований: *гамкать* – «быстро есть, кушать» (Новос., Тул., Смол., Пск., Ленингр.), «быстро есть, прогладывать (о собаке)» (Барнаул., Том.), *гвашать (глашить)* – «жадно пить воду при жаре» (Пск.), *гвоздырят* – «торопливо и жадно есть, хлебать что-либо» (Яросл.), *глалтить* – «пить быстро, с жадностью (обычно вино)» (Ковр., Влад.), *глохтить* – «пить быстро, с жадностью (обычно вино)» (Нижегор., Самар., Казан., Пенз., Влад., Яросл., Тамб.), *глохтать (глохтат)* – «глотать (обычно с жадностью, большими глотками)» (Моздок., Терск.), *глыкать* – «пить что-либо, громко глотая» (Урал.), *глодать, глотать, глотить* – «много пить (обычно вина)» (Пинеж., Арх.), *глотыхать* – «жадно глотать» (Пск.), *голотать* – «глотать», *гломонуть* – «проглотить глоток чего-либо» (Порх., Новорж., Пск.), *глонуть* – «глотнуть» (Новгор., Костром., Твер., Орл., Курск., Урал., Перм.), *ковть* – междом., в знач. сказ. о быстром глотке (Зап.-Брян.), *култыхать* – «глотать с шумом» (Свердл., Байкал.), *кирать* – «выпивать, пьянствовать» (Пенз.), *клыжить* – «жадно пить или есть» (Влад., Покр.), *колтать* – «глотать» (Яросл., Курск., Вост., Зап.-Брян., Орл.), *койтать* – «глотать» (Яросл., Твер.), *колбануть* – «выпить (рюмку водки)» (Ворон.), *колдыхать* – «пить, напиваться пьяным» (Олон.), *коутать* – «глотать» (Курск.), *кульк* – междом. «звуки при глотании» (Коми), *кулькнуть* – «быстро проглотить за один раз что-либо» (Коми), *куликарь* – «выпивать, пьянствовать» (Каширск., Моск., Сиб.), *кулюкать (кулюкнуть)* – «выпивать», выпить несколько рюмок вина подряд (Шуйск., Влад., Пск., Осташк., Твер.), *хавкать* – «жадно есть» (Пск., Твер.), *лакишить* – «есть, хлебать» (Влад.), *лечкать* – «лениво, медленно пить», (Новгор., Вологод., Черепов., Новг., Кирил., Волог.), *ланать* – «есть или пить нехотя» (Костромск.), *локать* – «жадно пить (о животных)» (Вят.), *лактать, локтат* – «пить, есть что-либо жидкое, хлебать, лакать» (Тамб., Ворон., Пск., Нижегор., Осташк., Твер.), *лопать* – «жадно есть, хлебать», *лоптит* – «съедать что-либо, не оставляя ничего другим; есть в большом количестве» (Волог.), *лохкать* – «лакать» (Морш., Тамб.), *лохтат* – «хлебать, жадно пить» (Тамб.), *лупенить* – «жадно есть» (Вятск.), *лупить* – «есть с аппетитом» (Твер.), *лупсить* – «много есть» (Петрозав.), *лустить* – «жадно есть, уплетать» (Новг.), *лущить* – «есть, издавая чавкающие звуки; с жадностью пить», *лызануть* – «хватить, выпить (спиртного)» (Петрозав., Олон.), *лыкать* – «пить с жадностью» (Курган., Смолен.), *лысить* – «пить с наслаждением в большом количестве» (Перм.), *лычить* – «пить с жадностью и много (воду, водку, молоко и т. п.)» (Вят., Перм., Яросл., Свердл.), *лямать* – «медленно, вяло пережевывать пищу, есть» (Пск., Калинин., Арх., Перм.), *ляскарь* – «громко жевать, чмокать, чавкать; стучать зубами» (Ростов., Яросл., Тихв., Новг., Рыб., Яросл., Влад., Тамб.), *ляцкать* – «громко, с причмокиванием есть, пить» (Яросл., Саратов., Пенз.). Важно отметить, что подавляющее большинство составляющих данных рядов отличаются друг

от друга лишь на одну-две фонемы. При этом варьирование происходит, как правило, в пределах одного фонотипа, т. е. «типа звука речи, содержащего фонетический признак типа, гомоморфного с полагаемым в основу звукоизобразительной (звукоподражательной либо звуко-символической) номинации типом признака денотата» [22]. При взгляде на упомянутые выше ряды становится очевидным, что они образуют некий континуум с различным набором фоносемантических средств, призванных обозначить одно и то же явление. Представляется, что сущность этого явления обусловлена законом множественности номинации [17], который допускает возможность обозначения одного денотата более чем одним знаком, поскольку в основу номинации одного и того же объекта или явления в разных актах присвоения имени могут быть положены разные признаки, которые, соответственно, для осуществления номинации требуют использования разных фонетических средств.

В результате расположения составляющих исследуемой ЛСГ по степени варьирования и инициальной фонеме или фонестеме были получены следующие ряды:

– с инициальнойю «гл/г»: *глалтить, глахтить, глдохтить, глдохтать, глдохтатать, глыкать, глдовать, глотать, глотить, глотыхать, гломонуть, глонуть, гамкать, гомкать, гвашиать, глашиять* (16 единиц);

– с инициальнойю «кл/к»: *клыжить, култыхать, колдыхать, колтатать, койтатать, коутатать, колбануть, кульк, кулькнуть, куликачь, кулюкать, кирять, ковть* (13 единиц);

– с инициальнойю «л»: *лакишить, лечкать, луцить, ланать, локать, локтатать, лохкать, лохтатать, лопать, лоптить, лупить, лупсить, лупенить, лустить, лызануть, лыкать, лысить, лычить, лямать, ляскать, ляцкать* (21 единица);

– с инициальнойю «х»: *хавкать* (1 единица).

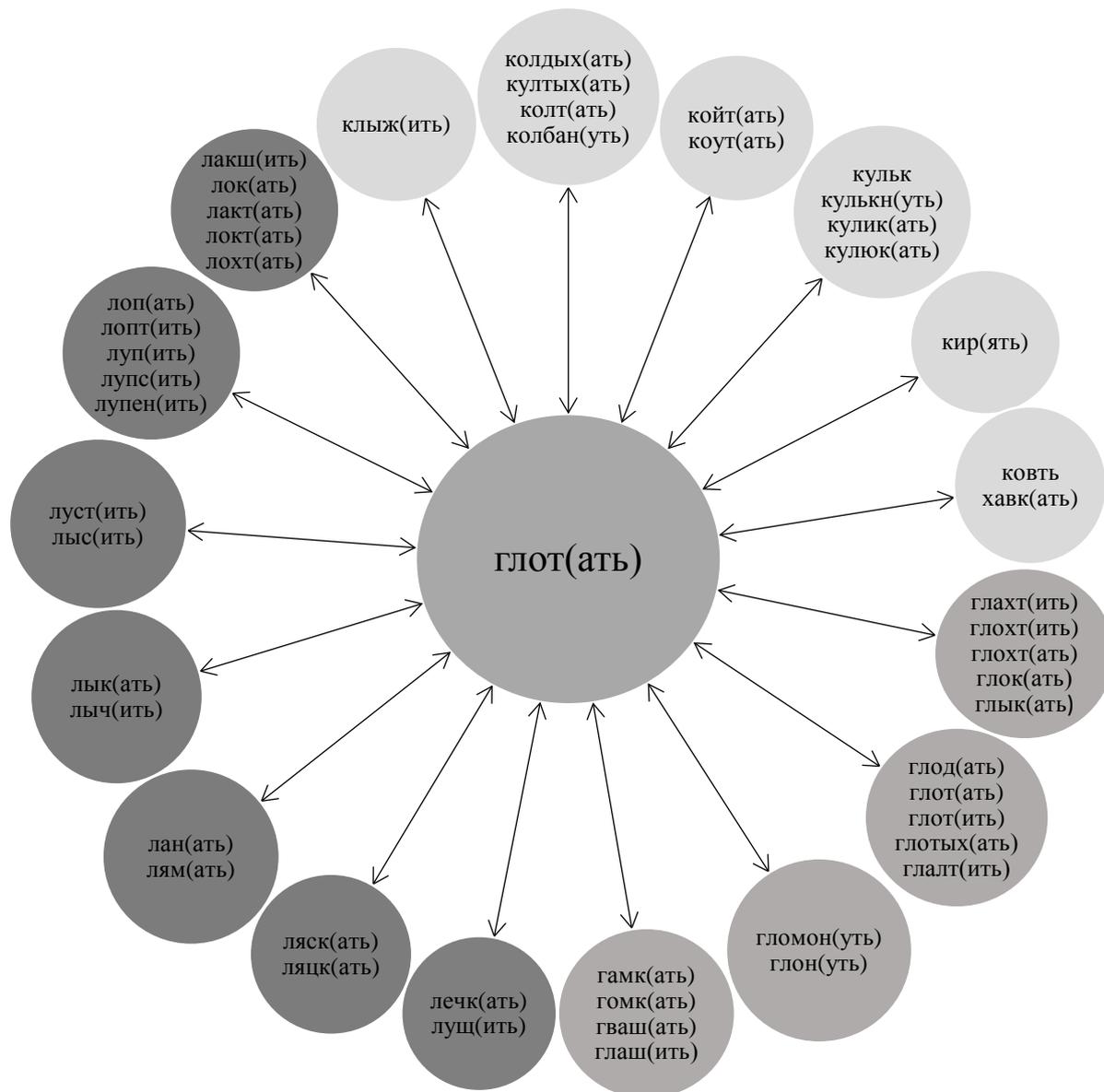
Приведенные выше ряды представляется удобным и целесообразным изобразить в виде поля (см. рисунок), ядром которого является лексема «глотать». Единицы, входящие в данное поле, организованы по принципу мотивотипа, лежащего в основе номинации процесса поглощения жидкости или пищи, отражаемого инициальными и финальными фонестемами или фонемами. Необходимо подчеркнуть, что в данном исследовании авторы придерживаются определения Ф. Хаусхолдера, согласно которому фонестеме следует рассматривать как «фонему или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию» [23, р. 83].

Основными инициальными и финальными фонестемами и фонемами, отражающими мотивотип, лежащий в основе номинации, для поля «глотать» являются фонестемы *гл-, кл-, -кт, -хт, -ск, -чк, -цк, -ст, -лт, -лд, -лб, -пс* и фонемы *г, к, л, п*.

Если посмотреть на приведенные выше образования глазами фоносемасиолога, то можно увидеть, что изменения даже в пределах одного фонотипа что-то изменяют в семантике слова. Данный феномен подтверждается фоносемантическими исследованиями (см., например, [24]).

Если считать, что расположение лексем в семантическом пространстве образует поле, то получаем некую картину в плоскости, организуемой сеткой денотативных координат. Некоторые точки на этой плоскости как бы имеют веер вариантов, располагающихся в сетке иных – экспрессивных – координат, т. е. в иной плоскости. Отсюда и наличие форм, которые можно характеризовать как варианты вариантов. При этом полагаем, что доминанта

каждого такого иноплоскостного веера сама есть вариант одной или нескольких точек в основном полевым пространстве.

Фоносемантическое поле «глотать»

Итак, мы находим, что диалектная лексика русского языка, так же, как и английского, обслуживающая некую семантическую группу, представляет собой многомерное пространство, которое организуется формой лексикона. На это пространство накладывается сетка из семантических единиц. При наложении образуется некая совокупность субпространств, которые имеют полевою структуру (ядро и периферию). Четкие границы между полями провести невозможно. В этом случае задача исследователя может сводиться к вычленению максимально большого количества ядер таких полей и к выработке системы понятий, которые могут характеризовать отношения между составляющими поля.

В ходе исследования оказалось также возможным выделить для данного континуума (как и для английских диалектных слов) ряд обобщенных семантизированных моделей звукоизобразительных слов, являющихся промежуточным звеном между абстрактными моде-

лями типов звукоизобразительной лексики, выделенных фоносемантикой для ономастопеи [22], и рядами конкретных звукоизображений с конкретной семантикой. Ниже приводятся образцы некоторых моделей:

Модель 1.

гл/кл + гласный (заднего или среднего ряда) + *хт/к/ж*
глахт(ить) глохт(ить) глохт(ать) глык(ать) клук(ать) клыж(ить)

Модель 2.

к + гласный (заднего ряда) + */лд/лт/лб/*
колдых(ать) култых(ать) колт(ать) колбан(уть)

Модель 3.

г + гласный (заднего или среднего ряда) + *мк*
гамк(ать) гомк(ать)

Модель 4.

гл + гласный (заднего ряда) + согласный (сонорный: губногубной или дентальный)
гломон(уть) глон(уть)

Модель 5.

л + гласный (заднего ряда) + *к/кт/хт*
локать, локтать, лохтать

Модель 6.

л + гласный (заднего ряда) + *п/пт/пс*
лоп(ать) лопт(ить) луп(ить) лупс(ить)

В приведенных выше моделях наличествуют инициаль-фонестемы *гл* и *кл* и гуттуральные фонемы *к* и *г*, индицирующие горловые процессы, а также билабиальный согласный либо в инициали, либо в финали. Билабиальный согласный символизирует «губную деятельность» [25] – движения, производимые губами при поглощении пищи или жидкости.

Характерно наличие латерального сонанта */л/*, особенно в инициали или в инициаль-фонестеме, который связывается с понятием «жидкость» и движением языка при лизании и лакании. *с* в составе фонестемы *-пс* отражает звук, производимый ртом. Характерным является и то, что гласный практически всегда оказывается гласным заднего или, по крайней мере, среднего ряда, что является прямой индикацией процессов, связанных с понятием «горло». Наличие именно указанных выше фонотипов подтверждается также опубликованными ранее результатами проведенного нами на этой же группе лексем исследования [12].

В структуре ЗИ-слова инициаль-фонестема является кардинальным элементом, указывающим на артикуляционное/акустическое пространство, в котором протекает процесс, при этом последующий гласный и финаль-фонестема или финальный согласный конкретизирует различные оттенки того, как именно протекает данный процесс. В результате «обнаруживаются» дополнительные семы в лексеме, что делает такую реализацию фоносемантическим синонимом фоносемантического слова в том случае, когда варьирование осуществляется в пределах разных фонотипов. В условиях варьирования в пределах одного фонотипа такие реализации следует считать фонетическими вариантами друг друга.

Во многих случаях крайне сложно, если вообще возможно, определить, какая из реализаций является основным вариантом, а какая – вариантом варианта. То общее, вариантами чего они являются, есть некая абстракция, которая может быть описана термином

звукоизобразительная гиперлексема [10]. Звукоизобразительная гиперлексема есть семантизированная модель (инвариант), представляющая собой совокупность фоносемантических реализаций одного и того же фоносемантического задания, которая реализуется через ряды фонетических вариантов и фоносемантических синонимов. Такой модели свойственно как формальное, так и смысловое единство. При этом не исключается возможное варьирование согласного как в пределах одного фонотипа (фонетические варианты), так и в пределах разных фонотипов (фоносемантические синонимы) при возможном, ограниченном фонотипом, варьировании гласного.

Выделенные авторами данной работы модели – звукоизобразительные гиперлексемы – являются не чем иным, как обобщенными семантизированными моделями звукоизобразительных слов, промежуточным звеном между абстрактными моделями типов звукоизобразительной лексики, выделенных фоносемантикой для ономотопеи [22], и рядами конкретных звукоизображений с конкретной семантикой.

Заключение. При анализе диалектной лексики русского языка обнаруживается крайне интересный экспрессивный материал, представляющий интерес для изучения звукоизобразительной лексики в рамках диалектной фоносемантики. Данные, полученные при первичном анализе звукоизобразительных моделей в английских и русских диалектизмах, позволяют говорить об универсальной ЗИ-функции определенных фонотипов (в данном случае гуттуральных, билабиальных и латеральных), а также фонестем при передаче понятия глотания и жадного питья. В дальнейших исследованиях представляется целесообразным применить статистический метод для установления ЗИ-функции фонем и фонотипов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Perniss P., Thompson R. L., Vigliocco G. Iconicity as a general property of language: evidence from spoken and signed languages // *Front. Psychology*. 2010. Vol. 1: 227. DOI: 10.3389/fpsyg.2010.00227.
2. Cuskley C., Kirby S. Synaesthesia, cross-modality, and language evolution // *Oxford Handbook of Synaesthesia* / in J. Simner, E. M. Hubbard (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 869–907. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199603329.013.0043.
3. Lockwood G., Dingemanse M. Iconicity in the lab: a review of behavioral, developmental, and neuroimaging research into sound-symbolism // *Front. Psychology*. 2015. Vol. 6, art. 1246. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01246.
4. Sidhu D. M., Pexman P. M. Five mechanisms of sound symbolic association // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2018. Vol. 25. P. 1619–1643. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13423-017-1361-1>.
5. Шляхова С. С. Дребезги языка. Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004.
6. Вершинина М. Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира: на материале пермских говоров: дис. ... канд. филол. наук / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, Пермь, 2013.
7. Рудь Е. И. Насколько звукоизобразителен русский язык? // *Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та*. 2015. № 1. С. 70–77.
8. Котомцева Е. А. Фоносемантические способы выражения пейоративности в междометиях (на материале русского и английского языков) // *Вестн. ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2018. № 4. С. 99–112. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.4.9.
9. Orton, H. et al. *Survey of English Dialects: (B) Basic Material*. Leeds, 1962–1971. URL: <https://library.leeds.ac.uk/special-collections/collection/2574> (дата обращения: 03.12.2021).
10. Швецова Н. Н. Звукоизобразительная лексика в английских диалектах / дис. ... канд. филол. наук / СПб. гос. ун-т. СПб., 2011.

11. Слоницкая Е. И. Звукоимоголизм обозначений округлого (опыт типологического исследования): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Ленинград, 1987.
12. Беседина Е. И., Ноланд Н. Н. Фоносемантический анализ лексико-семантической группы обозначений «шумного и жадного поглощения пищи» на материале английских диалектов: матер. VII Всерос. межвуз. науч.-метод. конф. «Англистика XXI века». СПб.: СПбГУ, 2014. С. 331–336.
13. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Т. 1–52. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. М.: Терра, 1996.
15. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
16. Voronin S. V. The pronotype: a new linguistic notion (implications for typological phonosemantics) // Proceedings of XI International Congress of Phonetic Sciences. Tallin, 1987. Vol. 4. P. 197–200.
17. Voronin S. V. Iconicity. Glottogenesis. Semiosis. SPb.: St. Petersburg State Univ., 2005.
18. Brodovich O. I. The phonosemantics of today: the latest achievements and the principal challenges // Anglistics of the XXI century. 2016. Vol. 2. Phonosemantics. SPb.: St. Petersburg State Univ. P. 9–13.
19. Firth J. R. Speech. L.: Ernest Benn Ltd., 1930.
20. Бродович О. И. Об одной черте диалектной лексики // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 1985. Вып. 2, № 9. С. 82–85.
21. Бродович О. И., Швецова Н. Н. Звукоизобразительность и диалектология: взаимовыгодное сотрудничество // Проблемы фоносемантики: тезисы выступлений на совещании. М.: Изд-во ИЯ АН СССР, 1989. С. 7–8.
22. Воронин С. В. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация. СПб.: Институт иностранных языков, 1998.
23. Householder F. W. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // Word. 1946. № 2. P. 83–84.
24. Wescott R. W. Derogatory Use of the Marginal Phoneme /b/ in Proto-Indo-European // The J. of Indo-European. 1988. Vol. 16, № 3–4. P. 365–370.
25. Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995.

Информация об авторах.

Ноланд Наталья Николаевна – кандидат филологических наук (2011), руководитель программы «Перевод и переводоведение», Хьюстон Коммьюнити Колледж, 3100 Мейн Стрит, Хьюстон, 77004, Техас, США. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: перевод и переводоведение, лексикология, фоносемантика.

Беседина Елена Ивановна – кандидат филологических наук (1978), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: методика преподавания английского языка как иностранного, перевод и переводоведение, лексикология, фоносемантика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.12.2021; принята после рецензирования 25.01.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Perniss, P., Thompson, R.L. and Vigliocco, G. (2010), "Iconicity as a general property of language: evidence from spoken and signed languages", *Front. Psychology*, vol. 1: 227. DOI: 10.3389/fpsyg.2010.00227.

2. Cuskley, C. and Kirby, S. (2013), "Synaesthesia, cross-modality, and language evolution", book: *Oxford Handbook of Synaesthesia*, in Simner, J. and Hubbard, E.M. (eds.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 869–907. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199603329.013.0043.
3. Lockwood, G. and Dingemanse, M. (2015), "Iconicity in the lab: a review of behavioral, developmental, and neuroimaging research into sound-symbolism", *Front. Psychol.*, vol. 6, article 1246. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01246.
4. Sidhu, D.M. and Pexman, P.M. (2018), "Five mechanisms of sound symbolic association", *Psychonomic Bulletin & Review*, vol. 25, pp. 1619–1643. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13423-017-1361-1>.
5. Shlyakhova, S.S. (2004), *Drebezgi yazyka. Slovar' russkikh fonosemanticheskikh anomalii* [Shards of Language. Dictionary of Russian phonosemantic anomalies], Perm. gos. ped. un-t, Perm, RUS.
6. Vershinina, M.G. (2013), "Explication of the phonosphere in the Russian phonosemantic sound picture of the world: based on the Perm dialects", Can. Sci. (Philology) Thesis, Perm. gos. gumanit.-pedagog. un-t, Perm, RUS.
7. Rud, E.I. (2015), "How sound expressive is Russian language?", *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 70–77.
8. Kotomtseva, E.A. (2018), "Sound symbolism of pejorative meaning in interjections (based on Russian and English languages)", *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, no. 4, pp. 99–112. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.4.9.
9. Orton, H. et al. (1962–1971), *Survey of English Dialects: (B) Basic Material*. Leeds, available at: <https://library.leeds.ac.uk/special-collections/collection/2574> (accessed 03.12.2021).
10. Shvetsova, N.N. (2011), "Iconic Words in English Dialects", Can. Sci. (Philology) Thesis, St. Petersburg Univ., SPb., RUS.
11. Slonitskaya, E.I. (1987), "Sound symbolism in designations of roundness (Typological Study)", Can. Sci. (Philology) Thesis, LGU, Leningrad, USSR.
12. Besedina, E.I. and Noland, N.N. (2014), "Phonosemantic Analysis of the Lexico-Semantic Group of Designations of "Noisy and Greedy Eating and Drinking" on the Material of English Dialects", *Mat. VII Vseros. mezhvuz. nauch.-metod. konf.* [Mat. VII All-Russian. Interuniversity Scientific Method. Conf.], *Anglistika XXI veka* [Anglistics of the XXI century], St. Petersburg State Univ., SPb., RUS, pp. 331–336.
13. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects] (1965–2021), in Filin, F.P. and Sorokoletov, F.P. (eds.), vol. 1–52. Moscow; Leningrad, SPb., Nauka, RUS.
14. Vasmer, M. (1996), *Russisches etymologisches Wörterbuch: in 4 vol.*, Transl. by Trubachev, O.N., 3rd ed., Terra, Moscow, RUS.
15. Voronin, S.V. (1982), *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of Phonosemantics], Izd-vo LGU, L., RUS.
16. Voronin, S.V. (1987), "The pronotype: a new linguistic notion (implications for typological phonosemantics)", *Proceedings of XI International Congress of Phonetic Sciences*, vol. 4, Tallin, USSR, p. 197–200.
17. Voronin, S.V. (2005), *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis*, St. Petersburg State Univ., SPb., RUS.
18. Brodovich, O.I. (2016), "The Phonosemantics of Today: the latest achievements and the principal challenges", *Anglistics of the XXI century, vol. 2. Phonosemantics*, St. Petersburg State Univ., SPb., RUS, pp. 9–13.
19. Firth, J.R. (1930), *Speech*, Ernest Benn Ltd. L., UK.
20. Brodovich, O.I. (1985), "Discussing a specific feature of dialect vocabulary", *Vestnik LGU*, vol. 2, no. 9, pp. 82–85.
21. Brodovich, O.I. and Shvetsova, N.N. (1989), "Iconicity and dialectology: mutually beneficial cooperation", *Problemy fonosemantiki: abstracts of speeches at the meeting*, Izd-vo IYa AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 7–8.
22. Voronin, S.V. (1998), *Angliyskiye onomatopy: Fonosemanticheskaya klassifikatsiya* [English Onomatopes: A Phonosemantic Classification], Institut inostrannykh yazykov, SPb., RUS.

23. Householder, F.W. (1946), "On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme", *Word*, no. 2, pp. 83–84.

24. Wescott, R.W. (1988), "Derogatory Use of the Marginal Phoneme /b/ in Proto-Indo-European", *The J. of Indo-European*, vol. 16, no. 3–4, pp. 365–370.

25. Mikhalev, A.B. (1995), *Teoriya fonosemanticheskogo polya* [Theory of the phonosemantic field], Izd-vo PGLU, Pyatigorsk, RUS.

Information about the authors.

Natalia N. Noland – Can. Sci. (Philology), (2011), Translation and Interpretation Program Director Houston Community College, 3100 Main Street, Houston, TX 77004, USA. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching methodology, translation studies, translation and interpreting, lexicology, phonosemantics.

Elena I. Besedina – Can. Sci. (Philology), (1978), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching methodology, translation studies, translation and interpreting, lexicology, phonosemantics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.12.2021; adopted after review 25.01.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 811.112.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-158-171>

Лексика немецкого пандемического дискурса

**Нэлла Аркадьевна Трофимова^{1✉}, Ольга Алексеевна Орлова²,
Елена Александровна Придорогина³, Светлана Юрьевна Новикова⁴**

^{1, 2, 3, 4}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹n.a.trofimova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

²o.a.orlova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8635-7494>

³e.pridorogina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7885-2287>

⁴s.y.novikova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1926-1046>

Введение. В статье представлен синхронный срез в развитии лексики немецкого языка в период пандемии COVID-19: рассматриваются источники и состав неологизмов, выявляются специфические особенности текущих деривационных процессов, анализируются особенности функционирования языковой метафоры при осмыслении новых реалий.

Методология и источники. Методологической основой исследования являются теория неологии, когнитивное словообразование и теория концептуальной метафоры. Источником языкового материала послужил онлайн-словарь пандемических неологизмов, созданный в институте немецкого языка им. Лейбница в Мангейме (Leibniz-Institut für Deutsche Sprache, IDS), а также тексты новостного и публицистического характера в немецких интернет-СМИ.

Результаты и обсуждение. Исследование дало возможность выявить семантическое наполнение неологизмов и заимствований, характер их употребления в речи. Анализ механизмов словообразовательной категоризации пандемической действительности показал продуктивность традиционных словообразовательных моделей и активное использование терминологических элементов «Corona», «Covid» при образовании лексики повседневного общения. Авторы утверждают, что новые слова быстро осваиваются носителями языка и подстраиваются под национальную языковую систему, приобретая грамматические признаки немецкого языка.

Заключение. Результатом рассмотрения стал вывод о том, что новая и метафорически переосмысленная лексика является способом адаптации к современной реальности, выражения эмоционального отношения к ней, а также способом преодоления страха перед опасностью заражения.

Ключевые слова: пандемический дискурс, неология, словообразование, концептуальная метафора, лингвокультура, языковая игра

Для цитирования: Лексика немецкого пандемического дискурса / Н. А. Трофимова, О. А. Орлова, Е. А. Придорогина, С. Ю. Новикова // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 158–171. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-158-171.

Original paper

Vocabulary of the German COVID-19 Pandemic Discourse

**Nella A. Trofimova¹✉, Olga A. Orlova²,
Elena A. Pridorogina³, Svetlana Yu. Novikova⁴**

^{1, 2, 3, 4}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹✉*n.a.trofimova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>*

²*o.a.orlova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8635-7494>*

³*e.pridorogina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7885-2287>*

⁴*s.y.novikova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1926-1046>*

Introduction. The paper presents a synchronous snapshot in the development of the vocabulary of the German language during the COVID-19 pandemic. The study examines the sources and composition of neologisms, reveals specific features of current derivational processes and analyses the functional features of linguistic metaphor in the process of reflection on a new reality.

Methodology and sources. The research is based on the theory of neology, cognitive word-formation and the theory of conceptual metaphor. The sources for the linguistic material collection are the online dictionary of pandemic neologisms, created at the Leibniz Institute for the German Language in Mannheim (Leibniz-Institut für Deutsche Sprache, IDS), news and journalistic texts in the German mass media placed in the Internet.

Results and discussion. The semantic content of neologisms and loanwords, and their functioning have been identified. The analysis of the word-formation categorization of the pandemic reality showed the productivity of traditional word-formation models and frequent use of the terminological elements “Corona”, “Covid” in the process of formation of vocabulary in common use. The authors argue that newly appeared words are features of the German language.

Conclusion. The article concludes that appearance of new and metaphorically rethought vocabulary is a way to adapt to the new reality and express an emotional attitude to it, as well as a way to overcome the fear of getting infected.

Keywords: pandemic discourse, neology, word-formation, conceptual metaphor, linguistic culture, language game

For citation: Trofimova, N.A., Orlova, O.A., Pridorogina, E.A. and Novikova, S.Yu. (2022), “Vocabulary of the German COVID-19 Pandemic Discourse”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 158–171. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-158-171 (Russia).

Введение. Новый дискурсивный феномен («пандемический дискурс» [1], «корона-дискурс» (“Corona Diskurs”) [2], «дискурс пандемического кризиса» (“Pandemie-Krisendiskurs”) [3], вот уже почти два года оживленно обсуждаемый общественностью, представляет собой коммуникативную систему, которая создает пандемическую семиотическую среду, поддерживает ее функционирование, определяет ее черты, компоненты, механизмы [4, с. 19]. По мере становления дискурса, материально реализованного в виде формации текстов, в нем формируется и свой способ оязыковления действительности, характеризуемый новой лексикой, специфическим словоупотреблением и т. п. Мощный языкотворческий потенциал этого дискурса обуславливает воспроизведение интереса к нему ученых разных стран, оправдывает их стремление проникнуть в сущность его лингвистической природы, рассмотреть специфику вербального представления мира в его рамках.

Исследование пандемического дискурса в режиме реального времени показало, что его развитие происходит в основном на лексическом уровне: наблюдается появление заметного количества неологизмов, отмечаются семантические сдвиги в значении существующих слов, активизация определенных метафорических моделей. Источниками новаций стали профессиональная (медицинская) лексика, окказионализмы, возникающие в разговорной речи. Новые слова выполняют не только номинативную функцию, но и выступают средством эмоциональной оценки событий. Познание новой реальности активно осуществляется с помощью метафор, позволяющих кратко и емко выразить сложные, многосоставные смыслы. Языковая игра, забавные каламбуры, фразеологические трансформы являются средством усиления выразительности высказываний, с одной стороны, и средством преодоления страха перед эпидемиологической угрозой, с другой. Динамика развития пандемического дискурса остается стабильно высокой: его экспансия в СМИ продолжается и в настоящий момент (ср. появление неологизмов, связанных с вакцинацией от вируса).

Немецкие лексикографы активно исследуют новую лексику: в 28-е издание словаря DUDEN 2020 г. [5] были включены слова *COVID-19*, *Lockdown*, *Social Distancing*. В электронных словарях немецкого языка появились специализированные разделы, посвященные лексике пандемического дискурса: более 1000 подобных лексических единиц в словаре Института немецкого языка им. Лейбница в Мангейме [6], более 300 – в словаре немецкого языка Берлин-Бранденбургской академии наук [7]. Результаты работы немецких лингвистов регулярно публикуются в журнале *Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache* [8] в виде научных докладов, которые прослеживают судьбу отдельно взятых новаций в языке [9], анализируют частотность употребления новых слов в немецких СМИ [10], осмысливают ведущуюся в стране лексикографическую работу с новым языковым материалом [11]. Появляются и работы отечественных исследователей о новой лексике в немецком языке. Предметом изучения становятся источники новой лексики (аспекты словообразовательного моделирования, заимствования и изменение семантики существующих слов) [12–14], словообразовательные модели и этимология отдельных номинаций [15], универсальность (интернациональность) и национальная специфика новой лексики [16], персуазивные элементы пандемического дискурса [17], лексические и просодические средства выразительности в журналистских текстах, посвященных пандемии [18], метафорическая репрезентация глобальной эпидемии в СМИ [19, 20], особенности функционирования неологизмов в текстах спортивной тематики [21]. Описываются продуктивные словообразовательные модели и особенности синонимии новых слов [22], исследуется проблема дискурсивной маркированности новой лексики [23]? проводится сопоставительный анализ неологизмов и выявляются идентичные по своей структуре единицы в русском и немецком языках [24].

Активная дискуссия по проблемам изучения многообразного лексического наполнения дискурса пандемии обуславливает актуальность настоящей статьи, целью которой является обобщающий обзор наиболее важных лексических новаций в немецкоязычном пандемическом дискурсе. Ее разделы отражают исследовательские грани проблемы: в них освещается состав, источники и особенности неологизмов, выявляются частотные модели образования новых слов, показывается роль языковой метафоры в процессе осмысления новых реалий.

Научная новизна настоящего исследования обусловлена его комплексным характером: авторы рассматривают не отдельные, наиболее очевидные языковые явления, а делают

своего рода лексический срез пандемического дискурса, при этом в поле зрения попадают такие аспекты и единицы, которые еще не были описаны в предшествующих работах.

Методология и источники. Публичный подход к исследованию значений и смыслов текстов о пандемии валиден в широком дискурсивном пространстве. Поэтому для изучения пандемического дискурса авторами был избран материал текстов немецкоязычных СМИ, отражающих события и процессы окружающей реальности, реализующих воздействующую функцию, формирующих систему взглядов на мир. Источником материала для исследования послужили интернет-издания различных немецкоязычных СМИ, отраженные в словаре «ковид»-лексики Института немецкого языка им. Лейбница.

Результаты и обсуждение.

Состав корпуса неологизмов пандемического дискурса.

Значительную часть лексики пандемического дискурса в немецком языке составляют «ковид»-неологизмы – слова, отсутствующие в словарях и воспринимаемые обществом как новые. С середины 2020 г. они стремительно вошли в повседневную речь, фиксируя следы пандемии.

Существенная особенность этой группы лексики состоит в активном использовании англицизмов в немецком языке пандемии. По мнению П. Айзенберга и Г. Цифонун, стремительное пополнение словарного состава за счет англицизмов на фоне процессов глобализации является вполне закономерным и ожидаемым явлением, которое ни в коем случае не свидетельствует о «бедности словарного запаса немецкого языка» [25, 26]. Их активное использование объясняется очевидными экстралингвистическими причинами: коронавирусная инфекция зародилась не на территории Германии, за пришедшими «ковид»-реалиями последовало появление номинаций в большинстве своем английского происхождения. В языке-реципиенте соответствующее наименование зачастую либо отсутствует совсем, либо имеющаяся лексическая единица конкурирует с заимствованной. Аналогичная конкуренция наблюдается также в том случае, если принимающий язык по образу «чужой» лексемы создает дословную кальку. Среди анализируемых слов встречаются подобные пары: *Microwedding/Minihochzeit*, *Take-home-Exam/Take-home-Prüfung*, *“Stay home”-Sticker/“Wir bleiben zuhause”-Sticker*, *Superspreaderevent/Superverteilerereignis*. Исследователи отмечают, что победителями в конкурентных парах могут оказываться как немецкоязычные кальки, так и калькируемые единицы [27]. Так, англоязычному заимствованию *Lockdown* удалось отодвинуть далеко на задний план такие немецкие соответствия, как *Ausgangssperre*, *Stillstand* или *Sperrung*.

Рассматриваемый корпус содержит ряд медицинских терминов (в основном из области иммунологии и вирусологии), которые до пандемии использовались, скорее, в профессиональной среде, например, *Immungedächtnis*, *Herdenimmunität*, *Virenfront* и др. Выборка характеризуется значительным количеством семантических неологизмов – слов, присоединивших к своей системе значений одно или несколько новых: *Kontaktsperre* («пресечение контактов», ранее слово использовалось в основном в сфере юриспруденции и военного дела, в новой реальности значение трансформировалось в «пресечение контактов с зараженными»), *Gabenzaun* (ранее «забор в общедоступном общественном месте, на котором оставались вещи для нуждающихся», новое значение обозначает традицию обмениваться «дарами» – излишками продуктов – между соседями в период вынужденной изоляции),

Hamsterkauf (ранее «скупка продуктов впрок из-за опасений, связанных с возможным подорожанием товаров, новое значение – «покупки впрок в период пандемии из-за страха перед дефицитом товаров первой необходимости»), а также *Hamsteritis* (болезненная склонность к скупке товаров из-за страха перед дефицитом) и т. д.

Среди неологизмов немало шуточных или ироничных названий самого вируса, а также понятий, связанных с ним, что свидетельствует об изменении эмоционального восприятия пандемии в обществе: от страха быть инфицированным до постепенной адаптации к новым условиям жизни и смеху над опасностью: *Corönchen* (корончик, коронушка), *Coronatier* (короназверь) – шуточное обозначение самого вируса, *Coronalappen* (коронатряпка) – пренебрежительное обозначение гигиенической маски, *Nacktnase* (голый нос) – обозначение не закрытого маской носа.

Таким образом, можно констатировать факт необыкновенно полного наводнения немецкого языка неологизмами и очевидного преобладания среди них англицизмов. Сферы функционирования и семантика неологизмов различны – от повседневного общения до специальных терминов новой медицинской реальности, от обозначения физического состояния больных и мер защиты населения от инфицирования до шуточных обозначений предметов гигиены.

Словообразовательная характеристика неологизмов пандемического дискурса.

Основное внимание в настоящем разделе направлено на описание словообразовательной структуры новых лексем, относящихся к понятийно-тематической области COVID-19, определение их словообразовательных моделей и анализ основных деривационных процессов.

Материал для исследования составили однословные единицы (938), входящие в раздел «Новые слова в эпоху коронавирусной пандемии» онлайн-словаря Института немецкого языка им. Лейбница.

Анализируемый корпус единиц обнаруживает как черты, в целом характерные для немецкого словообразования, так и ряд особенностей. Традиционно абсолютное большинство слов, составляющих выборку, являются детерминативными сложными существительными, полносложными (*Pandemieunterricht, Quarantänebruch, Passivimpfung*) и неполносложными (*Maskenpflicht, Versorgungscluster, Wellenbrecher*). Наряду с двухкомпонентными композитами представлены также сложные существительные, состоящие из трех и четырех компонентов (*Homeofficepauschale, Coronafußgruß, Drive-in-Weihnachtsmarkt, Behelfsmundnasenschutz, Spuckschutztrennscheibe*). В выборку вошли несколько двух- и трехосновных сложных прилагательных (*coronaadäquat, coronastill, pandemiebedingt, coronaregelwidrig*) и один сложный глагол (*freitesten*).

Структура и состав композитов характеризуются разнообразием. В качестве одного (нескольких) из компонентов могут выступать:

– слова, принадлежащие к различным частям речи (*Impfchaos, Nichtsemester, Nacktnase, Onlineklausur, Mindestabstand, coronapositiv, Drive-in-Test, Zehn-Punkte-Plan*);

– цифры (*15-Kilometer-Grenze, Cluster-5-Virus*);

– аббревиатуры (*AHA-Erlebnis/AHA+L-Formel (A-Abstand, H-Hygiene, A-Alltagsmaske, L-Lüften), ЕСМО-Bett (ЕСМО-extrakorporale Membranoxygenierung)*);

– разнообразные сочетания букв, цифр и знаков препинания, представляющие собой химические формулы (*CO₂-Überwachungsampel*), модели маски (*FFP2-Maskenpflicht*),

наименование класса коронавирусов или типа мутации вирусов (*COVID-19-Phänomen, B.1.1.7-Mutante*).

Важной особенностью в приведенных примерах является, на наш взгляд, высокая степень вариативности модели сложного слова. Причем в роли первого компонента может выступать некоторая последовательность знаков, не являющаяся ни словом в традиционном понимании, ни его частью. В графическом оформлении таких слов наблюдается языковая толерантность: допускается как слитное, так и дефисное написание.

Другие способы словообразования менее активны, однако в выборке довольно широко представлены единицы, образованные суффиксальным и префиксальным способами. Продуктивность продемонстрировали следующие суффиксы прилагательных: *-frei-*, *-arm-*, *-isch-*, *-mäßig-*, *-los-*, *-haft-*, *sicher-* (*maskenfrei*, *ansteckungsarm*, *coronisch*, *coronamäßig*, *coronalos*, *coronahaft*, *coronasicher*), и суффиксы существительных *-er-*, *-ismus-* и *-chen-* (*Lockerer*, *Coronismus*, *Corönchen*, *Lockdownchen*). Глагольные суффиксальные образования представлены несколькими примерами: *coronarisieren*, *coronern*, *coronieren*, *coronisieren*, *tracken*, *teamsen*, *zoomen*. Примечательно, что в целом более 60 % суффиксальных дериватов образованы от основы *corona-*.

Выборка насчитывает всего около 20 производных единиц (существительных и прилагательных), образованных с помощью приставок, преимущественно иноязычных: *post-*, *prä-*, *super-*, *mini-*, *multi-*, *vor-* (*postpandemisch*, *präsymptomatisch*, *Superverbreiter*, *Vorquarantäne*, *multisystemisch*, *Minihochzeit*). Несмотря на то, что префиксация как способ словопроизводства характерна прежде всего для глаголов, в нашем фактическом материале встретился лишь один глагол с приставкой: *vorbeiatmen*. Интересны случаи префиксально-суффиксальных дериватов, образованных по образцу причастия II от несуществующих глаголов: *geschutdownt*, *geloockdownt*. Исследователями отмечается активизация словотворчества в период повсеместной вынужденной изоляции [15, с. 195] – появилось большое количество телескопических единиц как результат слияния двух или более усеченных основ или слов (или полного слова и усеченной основы) и совмещающих в себе значение всех входящих в нее структурных компонентов [27, с. 182]. Телескопические единицы являются максимально краткими по форме и емкими в семантическом отношении. Некоторые из них обладают нейтральной или положительной оценочной коннотацией: *Corontäne* = *Corona+Quarantäne*; *Maskne* = *Maske+Akne*. Большая же их часть эксплицирует отрицательное отношение адресантов к обозначаемым предметам и явлениям: *Coronachten* = *Corona+Weihnachten*, *pandemüde* = *Pandemie+müde*, *Panikdemie* = *Panik+Pandemie*, *Wirrologe* = (*ver*)*wirren+Virologe*.

Исследуемая выборка содержит 14 телескопических образований, т. е. 1,5 % от общего количества лексем. Это значительный показатель, поскольку продуктивность данной словообразовательной модели в немецком языке низка. Так, в словаре неологизмов “DUDEN: Unsere Wörter des Jahrzehnts: 2000–2010”, содержащем 511 единиц, зафиксировано всего 3 слова, образованных по данной модели: *Ostalgie*, *Teuro* и *Tempomat*.

Около 7 % единиц исследуемого корпуса составляют сложносокращенные слова различных типов. Особый интерес среди них вызывают единицы, близкие по своему прагматическому потенциалу к телескопическим единицам, но по форме представляющие собой аббревиатуры, состоящие из начальных и конечных букв компонентов сложных слов:

Munaschu (*Mundnasenschutz*), *Munaske* (*Mundnasen(schutz)maske*). В публицистических текстах употребляются и аббревиатуры, и их развернутые варианты (*Ich habe die Mund-Nasen-Maske zur Munaske gemacht...*). В подобных случаях мы наблюдаем пары лексем, представляющие собой номинации одной и той же реалии, конкурирующие друг с другом на уровне словообразовательных моделей: многокомпонентное сложное слово и аббревиатура.

Одной из основных особенностей исследуемого корпуса является наличие значительного числа заимствованных основ, проявляющих высокую степень словообразовательной активности [22, с. 2794; 25, р. 6]. Так, самые большие словообразовательные гнезда образуют именно заимствованные основы *-corona-* и *-covid(-19)-* (соответственно, 290 и 85 единиц), называющие сам вирус. По мнению А. С. Павловой, словообразовательную адаптацию в немецком языке второй основы затрудняет ее цифровая часть [16, с. 536]. На третьем месте располагается словообразовательное гнездо с исходным словом *Maske* (лишь 31 единица). Следует иметь в виду, что повышение словообразовательной активности лексической единицы, как и, например, увеличение частотности употребления, связано, прежде всего с ростом или падением актуальности обозначаемого ими понятия.

Более 50 % лексем имеют в своем составе заимствование либо в качестве основы аффиксальных дериватов (*Shutdownchen, postcoronaisch, tracken, coronieren/coronisieren, gelockdownt*), либо в качестве одного из компонентов сложного слова или телескопического образования (*Breakoutraum, Infektionshotspot, Closed-Book-Klausur, Flockdown, Coronachten*). Тот же самый показатель для словаря «Наши слова десятилетия: 2000–2010» составляет всего 11 %.

Таким образом, текущие деривационные процессы характеризуются высокой скоростью и интенсивностью. Они обнаруживают как черты, традиционно наблюдаемые в немецкой словообразовательной системе, так и новые характерные признаки: повышенная словообразовательная активность англицизмов; значительное количество аббревиатур и сочетаний букв и цифр, выступающих в роли компонентов сложных слов; наличие большого числа телескопных образований в составе выборки. Данные процессы приводят к образованию большого числа словообразовательных единиц, не все из которых, как можно предположить, успешно адаптируются в языке.

Метафоры пандемического дискурса.

Задачей настоящего раздела является описание наиболее частотных метафорических репрезентаций, встречающихся в текстах о пандемии. Однако мы обращаемся не к универсальным конвенциональным метафорам, встречающимся практически во всех культурах (война, волна, огонь и их производные) и уже многократно описанным [19, 28, 29 и др.], а к некоторым новым, «рожденным» («перерожденным») в рассматриваемый период.

Большинство метафор, поддающихся моделированию, возникли в начале пандемии и касаются распространения вируса (волна, огонь) и борьбы с ним (война). Примерно полгода спустя в обиходе появился целый кластер метафор, связанных с ограничительными мерами. Наиболее эмоциональные элементы кластера характеризуют состояние общества после долгого периода самоизоляции – невиданной, еще никогда не применявшейся меры защиты от заражения: это, например, синонимичные метафоры *Corona-Koller, Corona-Wahn* (коронабешенство), источником для переноса значения в которых служат термины из сферы психиатрии. В этих метафорах пересекаются модель гнева и модель нездоровья, описывающие

внутреннее эмоциональное состояние ошеломленных происходящим вокруг людей, теряющих в этом состоянии контроль над своим поведением и представляющих в некотором смысле опасность для окружающих. Такие и подобные (*Corona-Hysterie, Coronamanie*) метафоры через отсылку к обусловленному проблемами с психикой иррациональному поведению кодируют ситуации переживания пандемии, которые объединяются сходством проявления и отличаются друг от друга степенью (интенсивностью) и продолжительностью испытываемой эмоции. Менее интенсивно нездоровье выражается в метафоре *Coronakater* («коронапохмелье»), переносное значение которой основывается на ассоциациях с опытом чрезмерного винопития: в ней репрезентируется эмоциональное состояние общего недомогания и тревожности, депрессивное настроение в связи с ограничением общения. Примерно в той же тональности описывает общее состояние людей в описываемых условиях метафора *Corona-Blues* – подавленное, тоскливое, тревожное настроение – настроение-блюз.

Истерия, гнев и тревожность обусловлены не просто и не только наличием опасности заражения, но и нестабильностью ситуации, непредсказуемостью поведения вируса и чередованием необходимости усиления противоэпидемических мер и возможности их ослабления. Такая ситуация мотивировала появление метафор *Lockdown-Jo-Jo* и *Shutdown-Jo-Jo*, описывающих многократное введение и отмену социальных ограничений (перенос на основе принципа действия игрушки йо-йо). В метафорическом образе йо-йо важно направление движения катушки вверх-вниз, оно демонстрирует закрепленный в культуре знак оценки: положительное ориентированное – вверх (отмена ограничений) ↔ отрицательное – вниз (ввод ограничений). Такая аксиологическая иерархия имеет основание в особой мыслительной модели (представлении об уровне устройстве мира), которая закреплена в лексиконе немецкой языковой личности [30, с. 559]. Следовательно, данная метафора имеет глубинные основания и не ограничивается только внешним сходством движения катушки йо-йо.

Хаос в применении ограничительных и защитных мер отражен и в метафоре *Maskenflickenteppich*, называющей неодновременное введение обязательного масочного режима в разных федеральных землях. Перенос здесь основан на внешнем сходстве ситуации с пестрым лоскутным одеялом: разнообразие защитных мер и степени их строгости ассоциируется с разноцветными кусочками ткани, собранными в мозаичную композицию. Однако акцент в метафоре делается не на красоте орнамента пэчворка, а на разнообразии его составных частей, причем эта неоднородность порицается – сама метафорическая номинация включает в состав своего значения контекстуально обусловленную отрицательную оценку происходящего.

Еще одна интересная бытовая метафора в описании алгоритма введения ограничительных мер – *Salamilockdown*. Перенос в ней основывается на практическом опыте нарезания салами для сервировки стола – очень тонкими, практически прозрачными кусочками. Каждый кусочек не представляет значимой величины в соотношении с целым. В рассматриваемом контексте речь идет об осторожном и постепенном закрытии общественных учреждений – о, казалось бы, очень небольших мерах ограничения. Но сумма бесконечно малых величин превращается однажды в нужный результат – полный локдаун для прерывания цепочки инфицирования. Анализ этимологии метафоры показывает, что она включена в пандемический дискурс в результате двойного переноса: сначала из кулинарной сферы-источника в политическую сферу-мишень (пошаговая тактика устранения политических против-

ников – *Salami-Taktik*) и далее – в тексты о пандемии с новым значением (постепенное введение ограничений) на основе исходного.

Ограничительные меры не могут не вызвать недовольства населения, в первую очередь тех, кто не верит в необходимость этих мер, да и в целом отрицает существование вируса. Пандемия разделила глобальное общество на два лагеря – верующих в опасность вируса (*Corona-Gläubiger*) и отрицающих как опасность, так и само существование вируса – корона-грешников (*Corona-Sünder*) – перенос из религиозной сферы. В высказываниях второй категории людей ограничения воспринимаются как тяжкое иго (*Corona-Joch*), как политические меры, направленные против свободы личности, как политический режим и называются диктатурой, фашизмом, расизмом: *Corona-Regime (Hygiene-Regime)*, *Corona-Diktatur (Hygiene-Diktatur)*, *Corona-Faschismus*, *Corona-Rassismus*. Названные метафоры переводят обусловленные опасностью заражения меры ограничения в ранг внутренней политики государства, своего рода геноцид против граждан, предусматривающий преследование по признаку соблюдения/несоблюдения мер безопасности, в настоящий момент еще и по признаку наличия/отсутствия прививки от вируса. Выступающих против мер правительства называют повстанцами (*Corona-Rebelle*) – лексема, имеющая положительные коннотации в своем историческом контексте: повстанцами именуют тех, кто осмеливается открыто сопротивляться государственной власти (как правило, агрессивной, подавляющей свободу и волю граждан). Приведенный набор метафор этой группы высвечивает яркий элемент сиюминутной немецкой пандемической картины мира, формируемый точкой зрения корона-грешников: несмотря на донесения многочисленных информаторов (*Corona-Sheriff*, *Corona-Detektiv*), некоторые люди и даже целые группы пытаются противостоять действиям правительства (корона-режиму, диктатуре). Налицо политизация ситуации, которой пытаются придать ореол справедливой борьбы против насилия (ср. семантику лексем *повстанцы*, *борьба с фашизмом и расизмом*). Очевидна манипуляция сознанием читателей текстов СМИ, «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [31, с. 16].

Метафоры пандемического дискурса не ограничиваются представленным выше перечнем. Описания ждут еще лексем, называющие гигиенические маски, удивительно разнообразные по тональности и оценочности номинации (*Nasenspimmel*, *Gesichtskondom*, *Gesichtsschlüpfel*, *Kinnwärmer*, *Kinnschoner*, *Kinnwindel*, *Schutenpulli*, *Maultäschle*, *Maulkorb*), обладающие определенной культурной спецификой по признаку свободного отношения к телесности. Будет интересен и анализ культурно-специфичных метафор, отражающих дисциплинированность и порядок немцев, – лексем, называющих инструменты для реализации мер профилактики заражения (*Corona-Ampel*, *Corona-Bogen*, *Corona-Kontaktblase*, *Corona-Leine*, *Corona-Ticker* и многие другие). Все названные и еще ждущие своих исследователей метафоры обуславливают восприятие социальной реальности, реализуют закрепленные в сознании образы, проникнутые ощущениями страха и тревоги, выступают как «средство оперативной аксиологической диагностики духовно-нравственного и психологического состояния общества» [32, с. 13]. Причины активизации таких метафор – это действительная опасность ситуации и сложность отношения общества к ней, что отражается в сознании носителей языка и объективируется в их речи.

Заключение. Пандемия коронавируса оказала значительное влияние на развитие современного немецкого языка. С 2020 г. пандемический дискурс послужил основным стимулом для расширения его лексического состава за счет большого потока неологизмов и заимствований, активировал словообразовательные механизмы и метафорическое мышление, породившее целый кластерный ряд новых метафор, основанных как на традиционном сравнении (война, стихийное бедствие, дорога), так и на сравнении с еще не задействованными ранее элементами реальности. Несомненно, этот период оставит свой отпечаток в языковой истории. Но открытым остается вопрос о долговечности новых тенденций в развитии словарного состава немецкого языка, их статусе и перспективах развития, а также об интеграции новых лексических единиц в письменную и устную речь. Будущий статус лексики пандемического дискурса зависит от того, насколько активно новые слова будут употребляться в других контекстах после пандемии, когда новая реальность станет обыденностью.

С пластом новой лексики связан широкий спектр неисследованных вопросов. Изучения требуют семантика новых лексических единиц, их стилистический и аксиологический анализ, продуктивность используемых словообразовательных моделей, отдельного исследования ждет корпус заимствованных слов, а также элементы комического в пандемическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Темиргазина З. К., Лучик М. Семиотика «пандемического» дискурса: «новояз» эпохи карантина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6–1. С. 30–38. DOI: 10.20339/PhS.6-20.030.
2. Vujčić N. Der Corona-Diskurs in Serbien: Zwischen Verharmlosung und Einschüchterung // Aptum. 2020. Bd. 16. P. 182–187. DOI: 10.46771/978-3-96769-102-3.
3. Vogel F. "Wenn Virologen alle paar Tage ihre Meinung ändern, müssen wir in der Politik dagegenhalten". Thesen zur politischen Sprache und (strategischen) Kommunikation im Pandemie-Krisendiskurs // Sprachreport. 2020. № 3. P. 20–29. DOI: 10.14618/sr-3-2020-vog.
4. Шиян Т. А. Дискурс как система коммуникации // Порядки дискурса в философии и культуре. Алешинские чтения–2020: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. Барнаул: ИП Колмагоров, 2020. С. 16–21.
5. Duden: Unsere Wörter des Jahrzehnts: 2000–2010; Chai Latte, Ego-Google und Ich-AG / Hrsg. von H. Pfersdorff. Mannheim; Zürich: Dudenverl, 2011.
6. Neologismenwörterbuch: Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie // OWID. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 25.06.2021).
7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 25.06.2021).
8. Sprachglossen und wissenschaftliche Beiträge. Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. 2021. URL: <https://www.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronacrise> (дата обращения: 05.05.2021).
9. Klosa-Kückelhaus A. Neue Wörter in der Coronakrise – Von Social Distancing und Gabenzaun // Sprachreport. 2020. № 2. S. 1–5. DOI: 10.14618/sr-2-2020-kl.
10. cOWIDplus Viewer: Sprachliche Spuren der Corona-Krise in Deutschen Online-Nachrichtenmeldungen. Explorieren Sie selbst! / C. Müller-Spitzer, S. Wolfler, A. Koplenig, F. Michaelis // Sprachreport. 2020. № 3. S. 14–19. DOI: 10.14618/sr-3-2020-mue.
11. Möhrs Ch. Grübelst du noch oder weißt du es schon? – Glossare erklären Corona-Schlüsselbegriffe // Sprachreport. 2020. № 3. S. 30–37. DOI: 10.14618/sr-3-2020-moe.
12. Майер В. С. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 124–137. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-124-137.

13. Харитоновна Е. Ю. Обогащение словарного состава языка в эпоху COVID-19 (на материале немецкого языка) // Актуальные вопросы современной лингвистики: материалы VIII региональной науч.-практич. конф. к 90-летию МГОУ. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2021. С. 110–113.
14. Ничипорчик Т. А., Фурашова Н. В. Номинация явления тематической сферы «COVID-19» в немецком языке // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. 2021. № 5 (114). С. 107–112.
15. Редкозубова Е. А. COVID-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 193–200. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200.
16. Павлова А. С. «Ковидный» лексикон немецкого языка как фрагмент национальной языковой картины мира // Русский язык коронавирусной эпохи. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. С. 533–549.
17. Бажайкин Н. Е. Персуазивное воздействие в пандемическом дискурсе: на материале выступления А. Меркель // Казанская наука. 2006. № 6. С. 54–56.
18. Петренко Д. А., Лихачев Э. В., Чернышова М. В. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) // Научный диалог. 2020. № 7. С. 194–209. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-194-209.
19. Шаманская М. А. Метафорическая репрезентация пандемии COVID-19 в текстах немецких СМИ // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 103–109.
20. Litvinova T. I., Shustova I. N. The Peculiarities of Functioning of Coloristic Metaphors of the German Media-Political Discourse of the Pandemic Period // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 2 (26). P. 22–27. DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.12.
21. Шемчук Ю. М. Лексические изменения в немецком языке под влиянием коронавируса (на примере неологизмов спортивной тематики) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4. С. 498–500. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00844.
22. Москвитин Е. В. Немецкие неологизмы в период пандемии коронавируса SARS-CoV-2 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 9. С. 2792–2796. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210464>.
23. Нефедова Л. А. О дискурсивной маркированности лексики пандемии коронавируса (на материале немецкого языка) // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 185–196. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_3_845_185.
24. Дмитриева О. А., Ванюшина Н. А. Неологизмы эпохи пандемии COVID-19 (на материале русского и немецкого языков) // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журнал. 2021. № 2. С. 48–62. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 13.01.2022).
25. Zifonun G. Anglizismen in der Coronakrise // Sprachreport. 2021. № 1. S. 6–9. DOI: 10.14618/sr-1-2021-zif.
26. Eisenberg P. Anglizismen im Deutschen // Reichtum und Armut der deutschen Sprache. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. S. 57–120. DOI: 10.1515/9783110334739.57.
27. Астафурова Т. Н., Сухорукова О. Н. Телескопия: новый способ словообразования? // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2006. № 5. С. 182–185.
28. Данкова Н. С., Крехтунова Е. В. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) // Научный диалог. 2020. № 8. С. 69–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83.
29. Великая Н. М., Сакка Ф., Ирсетская Е. А. Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 8–22. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-8-22.
30. Денисова Г. Л. Оценочная составляющая метафоры «верх-низ» в немецкой политической карикатуре // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. 2021. Т. 12, № 3. С. 559–575. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575.
31. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005.

32. Купина Н. А. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Изв. УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 3. С. 5–13. DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.15826/IZV1.2020.26.3.044](https://doi.org/10.15826/IZV1.2020.26.3.044).

Информация об авторах.

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук (2009), доцент (1998), доцент кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистическая прагматика, теория речевых актов, когнитивная лингвистика.

Орлова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук (2002), доцент (2012), доцент кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивные исследования лексики, грамматики и дискурса.

Придорогина Елена Александровна – кандидат филологических наук (2016), доцент кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкой литературы XX–XXI вв.

Новикова Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук (2018), старший преподаватель кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкой литературы XX–XXI вв.

Вклад авторов.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 14.02.2022; принята после рецензирования 16.03.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Temirgazina, Z.K. and Luczyk, M. (2020), "Semiotics of "pandemic" discourse: "newspeak" of quarantine era", *Philological sciences. Scientific essays of higher education*, no. 6–1, pp. 30–38. DOI: 10.20339/PhS.6-20.030.
2. Vujčić, N. (2020), "Der Corona-Diskurs in Serbien: Zwischen Verharmlosung und Einschüchterung", *Aptum*, Bd. 16, pp. 182–187. DOI: 10.46771/978-3-96769-102-3.
3. Vogel, F. (2020), "Wenn Virologen alle paar Tage ihre Meinung ändern, müssen wir in der Politik dagegenhalten". Thesen zur politischen Sprache und (strategischen) Kommunikation im Pandemie-Krisendiskurs", *Sprachreport*, no. 3, S. 20–29. DOI: 10.14618/sr-3-2020-vog.
4. Shiyani, T.A. (2020), "Discourse as a Communication System", *Poryadki diskursa v filosofii i kul'ture. Ale-shinskie chteniya-2020: mat. vseross. nauch. konf. s mezhdunar. uch.* [Orders of Discourse in Philosophy and Culture: Aleschin Readings – 2020. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation], IP Kolmagorov, Barnaul, RUS, pp. 16–21.
5. *Duden: Unsere Wörter des Jahrzehnts: 2000–2010; Chai Latte, Ego-Google und Ich-AG* (2011), Hrsg. von H. Pfersdorff, Dudenverl, Mannheim; Zürich, DEU.
6. "Neologismenwörterbuch: Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie", *OWID*, available at: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (accessed 25.06.2021).
7. "Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache", *DWDS*, available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 25.06.2021).

8. *Sprachglossen und wissenschaftliche Beiträge. Leibniz-Institut für Deutsche Sprache* (2021), available at: <https://www.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise> (accessed 05.05.2021).

9. Klosa-Kückelhaus, A. (2020), "Neue Wörter in der Coronakrise – Von Social Distancing und Gabenzaun", *Sprachreport*, no. 2, S. 1–5. DOI: 10.14618/sr-2-2020-kl.

10. Müller-Spitzer, C., Wolfler, S., Koplenig, A. and Michaelis, F. (2020), "cOWIDplus Viewer: Sprachliche Spuren der Corona-Krise in Deutschen Online-Nachrichtenmeldungen. Explorieren Sie selbst!", *Sprachreport*, no. 3, S. 14–19. DOI: 10.14618/sr-3-2020-mue.

11. Möhrs, Ch. (2020), "Grübelst du noch oder weißt du es schon? – Glossare erklären Corona-Schlüsselbegriffe", *Sprachreport*, no. 3, S. 30–37. DOI: 10.14618/sr-3-2020-moe.

12. Mayer, V.S. (2020), "The coronavirus pandemic as a linguistic marker of modernity (on the material of the German language)", *The Humanities and social sciences*, no. 4, pp. 124–137. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-124-137.

13. Kharitonova, E.Yu. (2021), "Enrichment of the language vocabulary in the COVID-19 epoch (based on German language)", *Aktual'nye voprosy sovremennoi lingvistiki: mat. VIII Regional'noi nauch.-praktich. konf. k 90-letiyu MGOU* [Actual issues of modern linguistics: Mat. VIII Regional scientific and practical. conf. to the 90th anniversary of MGOU], Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, Moscow, RUS, pp. 110–113.

14. Nichiporchik, T.A. and Furashova, N.V. (2021), "Nomination of phenomena in the thematic sphere "Covid-19" in German", *Minsk State Linguistic Univ. Bulletin. Ser. 1. Philology*, no. 5 (114), pp. 107–112.

15. Redkozubova, E.A. (2020), "COVID-vocabulary: etymology and word-formation (based on Russian, English, German)", *The Humanities and social sciences*, no. 4, pp. 193–200. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200.

16. Pavlova, A.S. (2021), ""Covid" lexicon of German language as a fragment of the national world picture", *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi* [Russian language of the Coronavirus Epoch], In: *lingvisticheskikh issledovanij RAN, SPb., RUS*, pp. 533–549.

17. Bazhaykin, N.E. (2006), "Persuasive impact in pandemic discourse: on the material of speech by A. Merkel", *Kazan Science*, no. 6, pp. 54–56.

18. Petrenko, D.A., Likhachev, E.V., and Chernyshova, M.V. (2020), "Linguistic Means in Image of COVID-19 (German Political Discourse in Media)", *Nauchnyi dialog*, no. 7, pp. 194–209. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-194-209.

19. Shamanskaya, M.A. (2021), "Metaphorical representation of the covid-19 pandemic in german mass media texts", *Proceedings of VSU. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 103–109.

20. Litvinova, T.I. and Shustova, I.N. (2021), "The Peculiarities of Functioning of Coloristic Metaphors of the German Media-Political Discourse of the Pandemic Period", *Russian Linguistic Bulletin*, no. 2 (26), pp. 22–27. DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.12.

21. Shemchuk, Yu.M. (2020), "Lexical changes in the German language under the influence of the coronavirus pandemic (on the example of neologisms of sports topics)", *The world of science, culture and education*, no. 4, pp. 498–500. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00844.

22. Moskvitin, E.V. (2021), "German Neologisms during the SARS-CoV-2 Coronavirus Pandemic", *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, iss. 9, pp. 2792–2796. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210464>.

23. Nefedova, L.A. (2021), "On discourse markedness of the coronavirus pandemic vocabulary (in the German language)", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Humanities*, no. 3, pp. 185–196. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_3_845_185.

24. Dmitrieva, O.A. and Vanyushina, N.A. (2021), "Neologisms of the COVID-19 pandemic era (based on the material of the Russian and German languages)", *World of linguistics and communication: electronic scientific J.*, no. 2, pp. 48–62, available at: www.tverlingua.ru (accessed 13.01.2022).

25. Zifonun, G. (2021), "Anglizismen in der Coronakrise", *Sprachreport*, no. 1, S. 6–9. DOI: 10.14618/sr-1-2021-zif.

26. Eisenberg, P. (2014), "Anglizismen im Deutschen", *Reichtum und Armut der deutschen Sprache*. De Gruyter, Berlin, Boston, DEU. S. 57–120. DOI: 10.1515/9783110334739.57.
27. Astafurova, T.N. and Suhorukova, O.N. (2006), "Telescoping: a new method of word-formation?", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 2, no. 5, pp. 182–185.
28. Dankova, N.S. and Krekhtunova, E.V. (2020), "Media Representation of the Pandemic: a Metaphorical Image of War (based on American Newspapers)", *Nauchnyj dialog*, no. 8, pp. 69–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83
29. Velikaya, N.M., Sacca, F. and Irsetskaya, E.A. (2021), "Coronavirus pandemic in the modern Russian public discourse: threats, challenges and opportunities", *Management Issues*, no. 1, pp. 8–22. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-8-22.
30. Denisova, G.L. (2021), "Valuation Component of Metaphor UP vs. DOWN in German Political Cartoon", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 3, pp. 559–575. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575.
31. Kara-Murza, S.G. (2005), *Manipulyatsiya soznaniem* [Conscious manipulation], Eksmo, Moscow, RUS.
32. Kupina, N.A. (2020), "Coronavirus pandemic: metaphoric diagnostics of anxious reality in the media texts", *Izvestia Ural Federal University Journal. Ser. 1. Issues in education, science and culture*, vol. 26, no. 3, pp. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.3.044>.

Information about the authors.

Nella A. Trofimova – Dr. Sci. (Philology) (2009), Docent (1998), Associate Professor at the Department of German language, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 140 scientific publications. Area of expertise: pragmatics, theory of speech acts, cognitive linguistics.

Olga A. Orlova – Can. Sci. (Philology) (2002), Docent (2012), Associate Professor at the Department of German language, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of the 25 scientific publications. Area of expertise: cognitive studies of lexis, grammar and discourse.

Elena A. Pridorogina – Can. Sci. (Philology) (2016), Associate Professor at the Department of German language, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of the 12 scientific publications. Area of expertise: History of German literature (20/21st Century).

Svetlana Yu. Novikova – Can. Sci. (Philology) (2018), Senior Lecturer at the Department of German language, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of the 15 scientific publications. Area of expertise: History of German literature (20/21st Century).

Author's contribution.

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 14.02.2022; adopted after review 16.03.2022; published online 23.09.2022.*

Оригинальная статья
УДК 81.22
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-172-186>

Моделирование фрейма HEALTHY LIFESTYLE: корпусный подход

Инна Владимировна Кононова^{1✉}, Елена Романовна Кульчицкая²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>

²er.kulchitskaya@live.unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3309-2741>

Введение. В статье рассматривается проблема моделирования фрейма HEALTHY LIFESTYLE с использованием методов корпусной лингвистики. Научная новизна исследования определяется тем, что до настоящего момента не предпринималось попыток описания фреймовой структуры концепта HEALTHY LIFESTYLE. Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем выявляется национальная специфика данного концепта в американской лингвокультуре, а также тем, что для получения верифицированных выводов о фреймовой структуре концепта авторы применяют анализ коллокаций, полученных из корпуса.

Методология и источники. Исследование выполнено в русле методологии фреймового моделирования концепта на основе анализа его дискурсивных репрезентаций. С целью выявления фреймовой структуры концепта применяется метод выделения коллокаций, основанный на анализе частотности совместной встречаемости языковых единиц. Эмпирической основой исследования стали коллокации, отобранные из корпуса текстов Corpus of Contemporary American English (COCA).

Результаты и обсуждения. В статье представлена иерархическая модель фрейма HEALTHY LIFESTYLE, выделены следующие основные слоты (субфреймы) в его структуре: «healthy/unhealthy eating», «physical activity», «healthy/unhealthy habits», «healthy lifestyle promotion», «keeping healthy lifestyle», «healthy/unhealthy relationships». В результате анализа коллокаций, репрезентирующих каждый из выделенных слотов фрейма HEALTHY LIFESTYLE в корпусе COCA, была выявлена структура подчиненных субфреймов.

Заключение. Было установлено, что каждый слот (субфрейм) описываемого фрейма, в свою очередь, имеет сложную структуру, включающую терминальные узлы-слоты и нетерминальные узлы. Структуру терминальных узлов на любом из иерархических уровней фрейма можно представить в виде радиальной модели, при этом каждый из подчиненных терминальных узлов (слотов) в разной степени удален от центра поля. Выводы о степени удаленности слотов фрейма от центра радиальной модели можно сделать на основании частотности коллокаций, репрезентирующих тот или иной слот. К перспективам исследования авторы относят дальнейшее детальное рассмотрение подчиненных слотов фрейма и уточнение иерархической модели концепта HEALTHY LIFESTYLE.

Ключевые слова: концепт, фреймовое моделирование, дискурсивная репрезентация, корпусная лингвистика, метод выделения коллокаций

© Кононова И. В., Кульчицкая Е. Р., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Кононова И. В., Кульчицкая Е. Р. Моделирование фрейма HEALTHY LIFESTYLE: корпусный подход // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 4. С. 172–186. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-172-186.

Original paper

Modelling of the Frame HEALTHY LIFESTYLE: Corpus-Based Approach

Inna V. Kononova^{1✉}, *Elena R. Kulchitskaya*²

^{1,2}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>*

²*er.kulchitskaya@live.unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3309-2741>*

Introduction. The article considers the problem of modelling of the frame HEALTHY LIFESTYLE applying the methods of corpus linguistics. The scientific novelty of the study is determined by the fact that up to now no attempts have been made to identify the frame structure of the HEALTHY LIFESTYLE concept. The relevance of the study is conditioned by its focus on describing the national specifics of the concept in American culture, as well as implementing the collocation analysis to obtain verified conclusions about the frame structure.

Methodology and sources. The research is carried out in line with the methodology of frame modelling of concepts based on the analysis of their discursive representations. In order to identify the frame structure of the concept in focus the collocation method was applied. The approach consists in analyzing the frequency of joint occurrence of linguistic units. The study is drawn on the collocations obtained from the Corpus of Contemporary American English (COCA).

Results and discussions. A hierarchical model of the frame HEALTHY LIFESTYLE is presented, the following main slots (subframes) of the frame structure were identified: “healthy/unhealthy eating”, “physical activity”, “healthy/unhealthy habits”, “healthy lifestyle promotion”, “keeping healthy lifestyle”, “healthy/unhealthy relationships”. As a result of the analysis of the collocations representing the slots of the frame HEALTHY LIFESTYLE in COCA, the subordinate subframes were modelled.

Conclusion. It was found that each slot (subframe) of the frame in focus has a complex structure including terminal and non-terminal slots. The structure of terminal slots at any of the hierarchical levels of the frame can be represented as a radial model, where each of the subordinate terminal slots is to varying degrees removed from the centre. Conclusions about the degree of remoteness of the frame slots from the centre of the radial model can be made based on the frequency of collocations representing a particular slot. The prospects of this study include further detailed consideration of subordinate frame slots and clarification of the hierarchical model of the frame HEALTHY LIFESTYLE.

Keywords: concept, frame modelling, discursive representations, corpus linguistics, collocation method

For citation: Kononova, I.V. and Kulchitskaya, E.R. (2022), “Modelling of the Frame HEALTHY LIFESTYLE: Corpus-Based Approach”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 172–186. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-4-172-186 (Russia).

Введение. В последнее время ученые, работающие в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования языка, обращаются к новым методам, позволяющим верифицировать научные гипотезы и получить представление о реальном функционировании языка.

Речь идет, прежде всего, о корпусной методологии, применение которой в отечественной когнитивной лингвистике находится сегодня в стадии формирования. Поскольку исследование семантики и структуры языковых единиц оказывается основным и в ряде случаев единственным объективным средством доступа к процессам когниции и доказательности когнитивных моделей [1, 2], методологические возможности современной корпусной лингвистики успешно применяются при проведении лексического и конструкционного профилей слова и выявлении лингвокогнитивных особенностей коллокаций исследуемых единиц [3]. Корпусная методология позволяет верифицировать принципиально новые гипотезы, выдвигаемые учеными в отношении смысловой организации текстов единой жанровой принадлежности [3–5], аксиологических характеристик разных типов дискурса [6, 7], моделирования структуры лингвокультурных концептов [8–11].

Возможность применения методов корпусной лингвистики с целью описания дискурсивных репрезентаций лингвокультурных концептов, а также моделирования их структуры придала новый импульс развитию лингвоконцептологии в отечественной лингвистике. В последние годы наблюдается волна новых исследований, посвященных изучению концептов корпусными методами. Так, на основе данных национального корпуса русского языка в исследовании Н. Г. Глебовой была рассмотрена полевая модель концепта «русскость» [8], в диссертации Е. О. Зубаревой на материале того же корпуса было описано концептуальное поле «миграция» [9], в работе М. П. Ефремовой с использованием метода коллокаций на материале корпуса английского языка enTenTen20 на платформе SketchEngine была выявлена фреймовая модель концепта «Safety/Security» [10]. Незначительное количество исследований структуры концептов с применением корпусной методологии позволяет утверждать, что моделирование лингвокультурных концептов с использованием статистических методов исследования, таких как метод ключевых слов и метод коллокаций, является перспективным направлением отечественной лингвоконцептологии, находящимся в настоящий момент на начальном этапе своего становления.

Очевидно, что на материале больших текстовых массивов с использованием статистических методов исследования можно сделать в полной мере верифицированные выводы об актуальности и ценностном потенциале лингвокультурных концептов в том или ином типе дискурса, об их структуре и способах репрезентации. Использование постоянно обновляемых корпусов текстов, таких как Corpus of Contemporary American English (COCA), а также инструментов, позволяющих создавать собственные тематические, жанрово-детерминированные корпуса текстов и проводить статистический анализ данных, дает возможность сделать количественно подтвержденные выводы о ценностных концептах, являющихся средством формирования общественного сознания и представляющих значительный интерес как объект лингвоконцептологического исследования.

Ценностные регулятивные концепты, будучи представленными в дискурсе, становятся основным средством воздействия на общественное сознание, инструментом манипулирования и важнейшим идеологическим оружием в арсенале акторов, ведущих информационные и гибридные войны. В связи с этим особую актуальность приобретает лингвистическое описание аксиологических характеристик медиаполитического [12] и предвыборного дискурсов [7], а также исследование структуры ценностных концептов на основании их дискурсивных репрезентаций [13–15].

Одним из важнейших ценностных концептов современного общества является «здоровый образ жизни», номинированный в английском языке словосочетанием *healthy lifestyle*. Концепт «здоровье» относится к числу базовых витальных универсальных концептов, обладающих особой значимостью в рамках любой национальной концептосферы, при этом исследователи отмечают его выраженную национальную специфику [16–18]. Понятие *здорового образа жизни*, тесно связанное с концептом «здоровье», также является культурно релевантным и постоянно эволюционирующим. По справедливому утверждению Ю. С. Степанова, «существуют базовые концепты, которые укореняются в обществе и эволюционируют с развитием культуры» [19, с. 61–67]. Концепт HEALTHY LIFESTYLE в западных культурах, таких как британская и американская, в настоящее время постоянно расширяет свои границы, включая все больше ассоциативных признаков (в терминах лингвокультурологического подхода) или *слотов* (в терминах фреймового подхода). Так, в результате стремительных климатических изменений и ухудшения экологического состояния планеты в XXI в. понятие здорового образа жизни стало неотделимо от понятия *здоровой экологии*. В силу урбанизации, нарастания темпа жизни городского населения и эскалации конкурентности социальной среды важной составляющей здорового образа жизни стала возможность поддерживать психическое и психологическое здоровье граждан; в связи с растущей важностью прав человека в развитых странах понятие здорового образа жизни стало связываться с возможностью поддерживать «здоровые» (нравственные, комфортные) личные отношения, отказываясь от некомфортных, «нездоровых».

Целью данного исследования является моделирование фреймовой структуры концепта HEALTHY LIFESTYLE, репрезентированной в корпусе текстов Corpus of Contemporary American English (COCA), с использованием метода выделения коллокаций.

Говоря о степени разработанности проблемы, нужно отметить, что концепт «здоровье» уже становился объектом лингвистического описания на материале разных языков. На фразеологическом материале проводились сопоставительные лингвокультурологические исследования, направленные на выявление национально-культурной специфики концепта «здоровья» в паремиологических картинах мира национальных языков [16]; в диссертации А. Ю. Петкау исследовались аспекты эволюции когнитивных признаков русского концепта «здоровье» на материале газетных и рекламных текстов советского и постсоветского периодов [20]. Объектом отдельного изучения становился концепт «Health» и средства его репрезентации в английском языке и англоязычном дискурсе [11, 17–18]. Фреймовая организация концепта «Health» в английском языке рассматривалась в кандидатской диссертации А. В. Яроцкой [18]. По мнению автора, структура фрейма «Health» отражает основные параметры категоризации здоровья, а именно: физическое здоровье, ментальное здоровье, образ жизни, факторы окружающей среды, а также более дробные параметры категоризации – питание, физическая активность, заболевания, внешность как отражение здоровья. Частотность актуализации отдельных компонентов фрейма указывает на актуальность определенных категорий для современного общества [18]. Тем не менее концепт HEALTHY LIFESTYLE, который можно считать в полной мере сформированным, но по историческим меркам относительно новым регулятивным ценностным концептом, не становился объектом отдельного серьезного исследования.

Научная новизна данного исследования определяется также тем, что до настоящего момента не предпринималось попыток моделирования фреймовой структуры концепта HEALTHY LIFESTYLE. Актуальным исследование делает его направленность на выявление национальной специфики концепта в американской лингвокультуре, его ценностной культурно-релевантной составляющей, а также применение метода выделения коллокаций с целью получения верифицированных выводов об объекте исследования.

Методология и источники. Исследовательским методом, который был положен в основу анализа структуры концепта HEALTHY LIFESTYLE, стал метод фреймового моделирования. Понятия «концепт» и «фрейм» близки онтологически, поскольку являются ментальными образованиями и хранят в себе человеческие знания и опыт. Однако фрейм содержит в себе множество концептов и организует ментальное пространство, которое делится на отдельные компоненты, именно поэтому метод фреймового моделирования применим в анализе такого сложного концептуального образования, как HEALTHY LIFESTYLE.

Современная когнитивная лингвистика развивает представления о фрейме, заложенные в трудах М. Минского [21] и Ч. Филлмора [22]. В основе фреймовой теории лежит положение об осмыслении действительности путем соотнесения имеющихся в памяти человека фреймов, каждый из которых связан с определенной информацией, и данных, получаемых из мира действительности [23]. Термин «фрейм» изначально использовался М. Минским для представления стереотипной ситуации. По мнению ученого, фрейм может быть представлен в виде двухуровневой системы, состоящей из узлов и связей между ними. «Верхние уровни» формируются за счет понятий, которые всегда верны по отношению к ситуации, поэтому они четко определены, на более низких уровнях находятся «ячейки», заполненные характерными для конкретной ситуации данными [21]. Таким образом, иерархическая структура фрейма состоит из терминальных узлов-слотов и нетерминальных узлов, содержащих конкретные сведения и информацию, относящиеся к тому концепту, который описывает фрейм. Терминал представляет и описывает предмет, его специфические черты, а также информацию об отношениях между объектами, о способе использования фрейма и пр. Вершинные слоты в зависимости от сложности структуры концепта могут включать субслоты (вложенные фреймы), содержащие переменную информацию. Путем активизации фрейма через подчиненные терминальные узлы можно воссоздать всю структуру ситуации в целом [24].

Следует подчеркнуть, что фреймовые модели имеют ряд достоинств: наглядность представления, естественность и модульность [25]. Первоначально применявшаяся только к лексемам, семантика фреймов в настоящее время рассматривается шире – в рамках грамматических конструкций и других более крупных и сложных лингвистических единиц, в том числе концептов.

Группы близких по семантике фреймов объединяются в систему фреймов. Одни и те же терминалы могут находиться в составе разных фреймов системы, что позволяет согласовать данные из разных источников и изучить фрейм всесторонне [21]. С развитием когнитивной лингвистики стали появляться новые определения фрейма, уточняющие формулировку М. Минского. Так, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, фрейм является многокомпонентным концептом, представлением о некотором предмете или явлении, который осмысливается в целостности своих составных частей [26]. Е. А. Шингарева рассматривает

фрейм как организованную структуру знаний в виде иерархии, которая содержит в себе постоянные и вариативные данные о стереотипной ситуации [27].

Совокупность фреймов, моделирующая какую-либо предметную область, представляет собой иерархическую структуру, в которую фреймы собираются с помощью родовидовых связей. На верхнем уровне иерархии находится фрейм, содержащий наиболее общую информацию, истинную для всех остальных фреймов.

С целью выявления фреймовой структуры концепта HEALTHY LIFESTYLE в данном исследовании применялись корпусные методы, в первую очередь *метод выделения коллокаций*. Термин коллокация по праву занимает одну из ключевых позиций в современной лингвистике. В широком смысле под коллокацией понимается комбинация двух или более слов, которые имеют тенденцию к совместной встречаемости. Дж. Синклер в работе «Corpus Concordance Collocation» определяет *коллокацию* как совместное появление двух или более лексических единиц в максимальном интервале единиц слева и справа от анализируемого слова [цит. по 28, с. 41–42]. Сейчас термин «коллокация» широко используется в корпусной лингвистике, в рамках которой он приобретает новое осмысление и дополнительный эвристический потенциал. Современные отечественные исследователи языка, разрабатывающие метод выделения коллокаций, определяют коллокации как «статистически устойчивые словосочетания» [29].

Различные существующие в современной лингвистике подходы к описанию понятия «коллокация» можно свести к трем основным концепциям:

- контекстуальный подход, восходящий к исследованиям британских лингвистов [30, 31];
- семантико-синтаксический подход [32, 33];
- подход теории «Смысл \Leftrightarrow Текст» [34].

Последователи контекстуального подхода изучают язык в его употреблении, особенно подчеркивая важность эмпирического характера лингвистического анализа. При анализе значения языковых единиц сторонники данного подхода отмечают особую роль контекстуализации, т. е. определения связей отдельных форм текста с той ситуацией, в которой язык функционирует на различных уровнях [35]. При изучении лексики в функциональном аспекте контекстуальный подход в значительной степени сводится к выделению коллокаций, которые дают представление о типичном окружении слова [30, 31]. В контексте семантико-синтаксического подхода коллокация определяется как семантико-синтаксическая единица грамматических структур и характеризуется своей семантической, синтаксической и дистрибутивной регулярностью [29]. В теории «Смысл \Leftrightarrow Текст» под коллокациями понимается словосочетание, в состав которого входит семантическая доминанта и некоторое дополнительное означаемое, выбор которого обуславливается передачей необходимого значения [34, с. 238–239].

Материалом данного исследования послужили коллокации, отобранные из корпуса текстов Corpus of Contemporary American English (COCA), который является самым большим, репрезентативным, постоянно пополняемым корпусом американского варианта английского языка, включающим тексты разных типов и жанров.

Результаты и обсуждение. На первом этапе исследования были отобраны коллокации корпуса, включающие лексику *lifestyle* и образованные по модели «ADJ + lifestyle». Было

установлено, что на современном этапе развития американского общества «образ жизни» осмысливается в первую очередь:

1) как здоровый/нездоровый (*healthy lifestyle* (796), *active lifestyle* (253), *sedentary lifestyle* (203), *healthier lifestyle* (137), *unhealthy lifestyle* (58) и др.);

2) традиционный/альтернативный (*gay lifestyle* (121), *alternative lifestyle* (108), *homosexual lifestyle* (108), *other lifestyle* (97), *different lifestyle* (89) и др.);

3) современный/несовременный (*new lifestyle* (149), *modern lifestyle* (59) и др.);

4) роскошный/скромный (*lavish lifestyle* (157), *comfortable lifestyle* (81), *American lifestyle* (71), *extravagant lifestyle* (44), *luxurious lifestyle* (39) и др.).

Полученные результаты показали, что в американской культуре идея образа жизни (*lifestyle*) наиболее тесно ассоциируется с поддержанием физического, нравственного и ментального здоровья человека или его разрушением.

На следующем этапе выявлялась фреймовая структура концепта HEALTHY LIFESTYLE. С этой целью в корпусе СОСА были отобраны коллокации с прилагательным *healthy* и существительным *lifestyle*, образованные по следующим моделям: «healthy + NOUN» (31 577 случаев употребления), «VERB + healthy» (8058), «ADJ + lifestyle» (7401), «VERB + healthy lifestyle» (42), «ADJ + healthy lifestyle» (32), «VERB * + healthy lifestyle» (349), «NOUN * + healthy lifestyle» (65), «unhealthy + NOUN» (2676). Наиболее частотными выделенными коллокациями стали следующие: *healthy people* (1092), *healthy eating* (933), *healthy lifestyle* (796), *healthy habits* (203), *unhealthy food* (130), *living a healthy lifestyle* (41) и пр.

Полученные данные показали, что концепт HEALTHY LIFESTYLE осмысливается коллективным и индивидуальным сознанием только как противопоставленный своему оппозитиву UNHEALTHY LIFESTYLE, т. е. – контрфактивно. Как в случае с любыми содержательно полярными ценностными концептами, дискурсивная актуализация одного полюса с необходимостью приводит к апелляции к другому. Иными словами, словосочетание *healthy habits* реализует в дискурсе не только концепт HEALTHY LIFESTYLE, но и его антипод, так как оценить какие-то модели поведения как «здоровые» невозможно, не имея представления о «нездоровых». Ассоциативные связи между субфреймами и субслотами концепта HEALTHY LIFESTYLE соединяют два оценочных полюса, поэтому в случае описания структуры ценностного концепта такого типа, необходимо выстраивать фрейм целостной оппозитивной концептуальной «связки». Таким образом, на наш взгляд, правильно говорить о моделировании фрейма концептуальной оппозиции HEALTHY/UNHEALTHY LIFESTYLE.

В результате категоризации отобранных коллокаций с использованием метода компонентного анализа нами были выделены следующие терминальные слоты (субфреймы), являющиеся основой фреймовой структуры концепта HEALTHY/UNHEALTHY LIFESTYLE:

1) «healthy/unhealthy eating» (здоровое/нездоровое питание);

2) «physical activity» (физическая активность);

3) «healthy/unhealthy habits» (здоровые/нездоровые привычки);

4) «healthy lifestyle promotion» (деятельность, направленная на продвижение здорового образа жизни);

5) «keeping healthy lifestyle» (деятельность, направленная на ведение здорового образа жизни);

б) *healthy/unhealthy relationships* (здоровые/нездоровые взаимоотношения).

Каждый субфрейм, в свою очередь, имеет сложную структуру и включает терминальные узлы-слоты. Большая часть отобранных коллокаций репрезентируют более одного терминального узла фрейма, что было установлено в результате анализа конкордансов корпуса.

Структуру фрейма можно схематично представить в виде поля (радиальной модели), при этом каждый из выделенных слотов (субфреймов) будет в разной степени удален от центра поля. Выводы о мере удаленности слотов фрейма от центра радиальной модели можно сделать на основании частотности коллокаций, репрезентирующих тот или иной слот. Положение слота в поле относительно центра говорит о его значимости в структуре фрейма. Очевидно, что динамические процессы в структуре фрейма также поддаются анализу с применением метода коллокаций. Часть субфреймов с течением времени может сдвигаться в сторону периферии поля, часть из них, возникшая изначально на периферии, со сменой социальных векторов может двигаться к центру поля.

Исходя из частотности употребления коллокаций, можно сделать вывод о том, что наиболее значимым терминальным узлом фрейма HEALTHY LIFESTYLE в его дискурсивной реализации в корпусе СОСА является слот «healthy eating», представленный коллокациями: *healthy eating* (933), *healthy food* (884), *healthy diet* (747), *healthy weight* (584), *healthy foods* (515), *healthy meals* (223), *healthy snacks* (166), *healthy fats* (164), *unhealthy food* (130), *healthy recipes* (95), *healthy breakfast* (87), *unhealthy eating* (74), *healthy cooking* (63), *vegetarian-based healthy lifestyle* (1), *obesity and healthy lifestyle* (1), *nutrition and healthy lifestyle* (1), *eating and healthy lifestyle* (1), *diet and healthy lifestyle* (1).

Коллокация *healthy eating*, репрезентирующая субординатный терминальный узел «способ питания/пищевые привычки», наиболее приближенный к центру поля фрейма, является самой частотной коллокацией корпуса, образованной по модели «healthy + NOUN». В связи с этим мы посчитали необходимым уточнить контекстуальную оценочную семантику существительного *eating* в корпусе, выделив коллокации, созданные на основе модели «ADJ + eating». Наиболее частотными из них стали следующие: *disordered eating* (361), *good eating* (64), *healthier eating* (64), *compulsive eating* (54). Таким образом, субфрейм «healthy/unhealthy eating» распадается на два взаимосвязанных субслота: «healthy eating» и «unhealthy eating», каждый из которых, в свою очередь, включает подчиненные терминальные узлы (слоты), содержащие информацию о видах здорового и нездорового питания, здоровых и нездоровых продуктах, видах диет, способах питания (регулярное, нерегулярное) и пр.

Так, на основании отобранных нами коллокаций можно выделить следующие терминальные узлы в слоте «healthy eating»: 1) «healthy food(s)»; 2) «healthy cooking»; 3) «healthy diet(s)»; 4) «healthy weight». При этом естественным образом в слоте «unhealthy eating» выделяются терминальные узлы: 1) «unhealthy food(s)»; 2) «unhealthy cooking»; 3) «unhealthy diet(s)»; 4) «unhealthy weight». Важно учитывать, что в силу бинарности родового фрейма любая из коллокаций, репрезентирующая отрицательно-оценочные подчиненные слоты, одновременно апеллирует к положительно-оценочным (и наоборот). Невозможно понять, что такое «здоровый вес», не имея представления о «нездоровом»; что такое «здоровые способы приготовления пищи» (запекание в духовом шкафу, приготовление продуктов на пару и пр.), не имея представления о вредных, «нездоровых» (жарка на масле, копчение и пр.). Дальнейшая иерархическая организация фрейма предполагает выделение возможных видов здоровых продуктов, здоровых способов приготовления пищи, здоровых диет и пр.

Важно отметить, что фреймы ценностных концептов разворачиваются в индивидуальном сознании и условиях дискурса целым рядом вариантов. Например, коллокации *vegetarian-based lifestyle* и *vegetarian diet* одновременно активируют слоты «healthy diet(s)» и «unhealthy diet(s)», так как они могут категоризироваться носителями культуры диаметрально противоположно: существуют убежденные последователи и ярые противники вегетарианства.

Терминальный слот «physical activity» является вторым по значимости субфреймом фрейма HEALTHY LIFESTYLE, представленным в корпусе СОСА целым рядом коллокаций: *healthy weight* (584), *active lifestyle* (253), *unhealthy weight* (57), *exercise and healthy lifestyle* (4), *fitness, healthy lifestyle* (1). Для уточнения структуры слота нами были выделены коллокации корпуса, образованные по моделям «VERB * + active lifestyle», «ADJ + fitness», наиболее частотными из которых стали: *maintain physical fitness* (1447), *aerobic fitness* (205), *health-related fitness* (204), *mental fitness* (67), *reproductive fitness* (60), *an active lifestyle* (7), *lead an active lifestyle* (4).

Слот «healthy/unhealthy habits» распадается на два субслота: «healthy habits» и «unhealthy habits», представленные в корпусе коллокациями: *healthy habits* (203), *healthy choices* (195), *healthy balance* (146), *healthy behaviours* (128), *healthy alternative* (80), *healthy options* (72), *unhealthy habits* (70), *unhealthy obsession* (62), *healthy sleep* (56), *unhealthy addiction* (10). Коллокации *unhealthy obsession* (62) и *unhealthy addiction* (10) позволяют заключить, что одним из субординатных терминальных узлов субслота «unhealthy habits» является субфрейм «unhealthy obsessions/addictions». Для уточнения структуры данного субфрейма нами были выделены коллокации, образованные по модели «NOUN + addiction(s)» (3509). По степени близости к центру поля субфрейма «unhealthy obsessions/addictions» и, соответственно, значимости в американской лингвокультуре выделяются следующие его терминалы:

1) «drug addiction» (наркозависимость) (*drug addiction* (1282), *heroin addiction* (248), *cocaine addiction* (95), *drug addictions* (81), *narcotic addiction* (27), *opiate addiction* (24), *substance addiction* (20), *crack addiction* (18), *morphine addiction* (14), *opium addiction* (14), *marijuana addiction* (12), *painkiller addiction* (11), *pill addiction* (10), *methamphetamine addiction* (6), *narcotics addiction* (6), *substance addictions* (6), *coke addiction* (5), *heroin addictions* (5) и пр.);

2) «alcohol addiction» (алкогольная зависимость) (*alcohol addiction* (199), *alcohol addictions* (22));

3) «sex addiction» (сексуальная зависимость) (*sex addiction* (146), *porn addiction* (38), *pornography addiction* (19), *porn addictions* (5), *cybersex addiction* (3) и пр.);

4) «social network addiction» (зависимость от социальных сетей) (*internet addiction* (78), *phone addiction* (8), *computer addiction* (11), *media addiction* (7), *meth addiction* (7), *twitter addiction* (6), *facebook addiction* (5), *smartphone addiction* (5), *blog addiction* (3) и пр.);

5) «tobacco addiction» (никотиновая зависимость) (*nicotine addiction* (97), *tobacco addiction* (33), *cigarette addiction* (12) и пр.);

6) «gambling addiction» (зависимость от азартных игр) (*gambling addiction* (121), *gambling addictions* (14) и пр.);

7) «food addiction» (пищевая зависимость) (*food addiction* (71), *sugar addiction* (10), *food addictions* (9), *baking addiction* (2) и пр.);

8) «gaming addiction» (зависимость от компьютерных игр) (*game addiction* (17), *gaming addiction* (7), *video-game addiction* (4), *battle addiction* (2) и пр.).

Количественные данные позволяют заключить, что наиболее приближенными к центру радиальной модели субфрейма «unhealthy obsessions/addictions» являются его терминалы «drug addiction», «alcohol addiction», «sex addiction» и «social network addiction». Очевидно, что данные виды аддикций способны нанести вред физическому и психическому здоровью человека, являясь также серьезным препятствием для поддержания здоровых социальных отношений. При этом, если первые два типа аддикций являются доминантами субфрейма уже достаточно долгое время, то сексуальная зависимость, проявляющаяся в первую очередь в неконтролируемом просмотре интернет-контента эротического характера, и зависимость от социальных сетей, приблизились к центру субфрейма в исторически недавний период времени. Неожиданным результатом с учетом текущего социального контекста является относительная удаленность терминального узла «gaming addiction» от центра субфрейма «unhealthy obsessions/addictions». Патологическая аддикция к компьютерным играм является одной из важнейших проблем современной цивилизации. Она является причиной гиподинамии, ожирения, потери социальной идентичности, ухода от реальности, психических заболеваний, в ряде случаев приводящих к суициду. Полученный нами результат не отражает роли данной аддикции как отрицательного социального фактора в современных развитых обществах. Можно предположить, что существует негласный запрет на антиигровую риторику в текстах массовой информации, так как это противоречит интересам крупных компаний, производящих компьютерные игры. Корпус текстов СОСА отражает репрезентации ценностных концептов в дискурсе, а дискурсивные практики США в определенной мере регулируются интересами крупного бизнеса.

Следующим по частотности репрезентаций является слот «healthy/unhealthy relationships», представленный в корпусе коллокациями *healthy relationship* (362), *healthy relationships* (187), *healthy respect* (148), *healthy marriage* (82), *healthy sex* (71) и пр.

Терминальный слот «keeping healthy lifestyle» представлен в СОСА в первую очередь коллокациями *stay healthy* (1086), *remain healthy* (156), *living a healthy lifestyle* (41), *live a healthy lifestyle* (37), *maintain a healthy lifestyle* (27), *have a healthy lifestyle* (14), *following a healthy lifestyle* (5).

Субфрейм (слот) «healthy lifestyle promotion» репрезентирован такими коллокациями, как *promote healthy* (176), *encourage healthy* (66), *develop healthy* (62), *raise healthy* (51), *support healthy* (37), *promote a healthy lifestyle* (13) и др. Данный слот, как и слот «keeping healthy lifestyle», содержит информацию о возможном отношении к ценностной ситуации, представленной фреймом HEALTHY LIFESTYLE, о действиях, предпринимаемых в отношении ситуации для ее изменения и развития. С целью уточнения семантики выделенных единиц мы рассмотрели коллокации, образованные по модели «VERB + healthy + NOUN». Наиболее частотные из них: *promote healthy eating* (20), *promote healthy lifestyles* (19), *promote healthy behaviors* (11), *promote healthy living* (7), *promote healthy relationships* (6), *promote healthy weight* (5), *develop healthy eating* (9), *develop healthy relationships* (8), *develop healthy self-esteem* (4), *develop healthy habits* (3), *encourage healthy eating* (12), *encourage healthy habits* (6), *encourage healthy lifestyles* (4) и др. Полученные данные под-

твердили важность слотов «healthy/unhealthy eating», «healthy/unhealthy habits» и «healthy/unhealthy relationships» в структуре фрейма HEALTHY LIFESTYLE.

Заключение. Анализ частотности отобранных в СОСА коллокаций, содержащих лексемы *healthy* и *lifestyle*, с дальнейшим уточнением контекстуального значения полученных единиц, позволил сделать верифицированные выводы о фреймовой структуре ценностного концепта HEALTHY LIFESTYLE в его дискурсивной реализации в корпусе. Было установлено, что наиболее значимыми терминальными слотами фрейма HEALTHY LIFESTYLE являются «healthy/unhealthy eating» (здоровое/нездоровое питание), «physical activity» (физическая активность), «healthy/unhealthy habits» (здоровые/нездоровые привычки), «healthy lifestyle promotion» (деятельность, направленная на продвижение здорового образа жизни), «keeping healthy lifestyle» (деятельность, направленная на ведение здорового образа жизни) и «healthy/unhealthy relationships» (здоровые/нездоровые взаимоотношения). Каждый субфрейм имеет сложную структуру, включает субординатные терминальные узлы-слоты и нетерминальные узлы. Структуру терминальных узлов на любом из иерархических уровней фрейма можно представить в виде поля (радиальной модели), при этом каждый из выделенных слотов (субфреймов) будет в разной степени удален от центра поля. Выводы о степени удаленности слотов фрейма от центра можно сделать на основании частотности коллокаций, репрезентирующих тот или иной слот.

Анализ коллокаций, репрезентирующих выделенные субфреймы, показал, что слот «healthy/unhealthy eating» включает терминальные узлы «healthy food(s)», «healthy cooking», «healthy diet(s)» и «healthy weight» и, соответственно, содержит информацию о типах здорового и нездорового питания, способах приготовления пищи, видах диет и пр. Терминальный слот «physical activity», в свою очередь, организован иерархически в соответствии с радиальной полевой моделью и включает подчиненные слоты, которые несут информацию о типах физической активности и причинах ее избегания, здоровом/нездоровом весе, видах фитнеса и пр. Субфрейм «healthy/unhealthy habits» содержит информацию о здоровых и нездоровых привычках, касающихся самых разных сфер жизни человека. Подробное рассмотрение включенного в субфрейм «unhealthy habits» субординатного слота «unhealthy obsessions/addictions» позволило выделить его следующие основные терминальные узлы: «drug addiction» (наркозависимость), «alcohol addiction» (алкогольная зависимость), «sex addiction» (сексуальная зависимость), «social network addiction» (зависимость от социальных сетей), «tobacco addiction» (никотиновая зависимость), «gambling addiction» (зависимость от азартных игр), «food addiction» (пищевая зависимость), «gaming addiction» (зависимость от компьютерных игр). Анализ конкордансов слота «healthy lifestyle promotion» подтвердил важность слотов «healthy/unhealthy eating», «healthy/unhealthy habits» и «healthy/unhealthy relationships» в структуре фрейма HEALTHY LIFESTYLE.

К перспективам настоящего исследования можно отнести дальнейшее детальное рассмотрение подчиненных слотов фрейма и построение радиальной иерархической модели концепта HEALTHY LIFESTYLE.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Л. Н., Чернявская В. Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. Вып. 3. С. 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84.

2. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / В. И. Заботкина, М. А. Кронгауз, И. А. Шаронов и др. М.: Языки славянской культуры, 2015.
3. Baker P. Using Corpora in Discourse Analysis. London & NY: Continuum, 2006.
4. Partington A. Modern diachronic corpus-assisted discourse studies on UK newspapers: an over-view of the project // *Corpora*. 2010. Vol. 5, № 2. P. 83–108.
5. Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А. Динамика репрезентации процессуальной составляющей спортивного события в диахроническом корпусе // *Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание*. 2017. Т. 16, № 2. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.5>.
6. Кочетова Л. А., Кононова И. В. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. Вып. 2. С. 65–74. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-65-74.
7. Кононова И. В., Мельничук Т. А. Аксиологическая составляющая американского предвыборного дискурса в динамическом аспекте // *Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание*. 2021. Т. 20, № 4. С. 113–125. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.9>.
8. Глебова Н. Г. Когнитивные признаки концепта «русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2018.
9. Зубарева Е. О. Моделирование концептуального поля «Миграция»: дис. ... канд. филол. наук / ПГНИУ. Пермь, 2019.
10. Ефремова М. П. Концепт SAFETY/SECURITY в английской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2021.
11. Кононова И. В., Кульчицкая Е. Р. Фреймовое моделирование концепта HEALTH: корпусный подход // *Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. М. Малеева*. СПб.: СПбГЭУ, 2022. С. 33–36.
12. Гунькова Д. Е. Дискурсивная личность американского политического комментатора-радиоведущего: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2022.
13. Вакорина И. В. Лингвокультурный концепт "Motherhood" («материнство») в афроамериканской картине мира: дис. ... канд. филол. наук / СмолГУ. Смоленск, 2016.
14. Чепурная М. А. Неологические репрезентанты концепта «экология» в англоязычном массмедийном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / КубГУ. Краснодар, 2020.
15. Ковалев Н. А. Эволюция концепта COLD WAR в американском политическом дискурсе (на материалах СМИ): дис. ... канд. филол. наук / МГИМО. М., 2019.
16. Чайко Н. Н., Муриева М. В. Концепт *здоровье* и его репрезентация в паремиях немецкого и французского языков // *Современные исследования социальных проблем*. 2021. Т. 13, № 2. С. 179–189. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189.
17. Коробчак В. Н., Багринцев С. А. Репрезентация концепта "health" в современном медиадискурсе (на материале английского языка) // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 2. С. 180–188. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-79-2-180-188.
18. Яроцкая А. В. Лексические средства номинации сферы здоровья в англоязычных журнальных текстах: когнитивно-прагматический ракурс: дис. ... канд. филол. наук / МГЛУ. М., 2012.
19. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
20. Петкау А. Ю. Концепт *здоровье*: модификация когнитивных признаков: по данным газетных и рекламных текстов советского и постсоветского периодов: дис. ... канд. филол. наук / УрГПУ. Екатеринбург, 2015.
21. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
22. Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding // *Quaderni di semantic*. 1985. Vol. VI, no. 2. P. 222–254.
23. Масленникова Е. М. Фреймовое представление семантики текста // *Лингвистический вестник*. 2000. № 2. URL: <http://libelli.esmasoft.com/sonnet66/Russian/maslennikova/frame.html> (дата обращения: 20.05.2022).

24. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ИД ТГУ, 2014.
25. Крючкова Т. Б. Когнитивный анализ словообразовательных гнезд // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 26–27.
26. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
27. Шингарева Е. А. О двух направлениях в представлении семантики текста (тезаурус и фрейм) // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1982. № 8. С. 1–8.
28. Manca E. Context and language. Salento: Universita del Salento, 2012.
29. Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. № 9 (16). С. 137–143.
30. Firth J. R. Papers in Linguistics 1934–1951. London: Oxford Univ. Press, 1957.
31. Firth J. R. Selected Papers of J. R. Firth 1952–1959. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1968.
32. Cowie A. P. The place of illustrative material and collocations in the design of a learner's dictionary // Honour of A. S. Hornby / in P. Strevens (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 1978. P. 127–139.
33. Hausmann F. J. Un dictionnaire de collocations est-il possible? // Travaux de Linguistique et de Littérature. 1979. Vol. 17. P. 187–195.
34. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.
35. Гухман М. М., Ярцева В. Н. Основные направления структурализма. М.: Наука, 1964.

Информация об авторах.

Кононова Инна Владимировна – доктор филологических наук (2010), доцент (2002), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 85 научных публикаций. Сфера научных интересов: диахроническая концептология, корпусные исследования текста и дискурса, лексическая семантика.

Кульчицкая Елена Романовна – аспирантка кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 4 научных публикаций. Сфера научных интересов: корпусные исследования текста и дискурса, коммуникативная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.06.2022; принята после рецензирования 02.07.2022; опубликована онлайн 23.09.2022.*

REFERENCES

1. Beliaeva, L.N. and Chernyavskaya, V.E. (2016), "Evidence-based linguistics: methods in cognitive paradigm", *Issues of Cognitive Linguistics*, iss. 3, pp. 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84.
2. Zobotkina, V.I., Krongauz, M.A., Sharonov, I.A. et al. (2015), *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod* [Methods of cognitive analysis of word semantics: corpus-computer approach], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, RUS.
3. Baker, P. (2006), *Using Corpora in Discourse Analysis*, Continuum, London & NY, USA.
4. Partington, A. (2010), "Modern diachronic corpus-assisted discourse studies on UK newspapers: an over-view of the project", *Corpora*, vol. 5, no. 2, pp. 83–108.
5. Il'inova, E.Yu., Kochetova, L.A (2017), "Dynamics of process constituent representation of sports event in diachronic corpus", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 16, no. 2, pp. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.5>.
6. Kochetova, L.A. and Kononova, I.V. (2019), "A cognitive corpus approach to the study of construing values in advertising discourse", *Issues of Cognitive Linguistics*, iss. 2, pp. 65–74. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-65-74.

7. Kononova, I.V., Mel'nichuk, T.A (2021), "Dynamics of values in American election discourse", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 113–125. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.9>.

8. Glebova, N.G. (2018), "Cognitive features of the concept "Russianness" in the national concept sphere and its objectification in the Russian language", Can. Sci. (Philology) Thesis, UNN, Nizhny Novgorod, RUS.

9. Zubareva, E.O. (2019), "Modeling the conceptual field «Migration»", Can. Sci. (Philology) Thesis, Perm State Univ., Perm, RUS.

10. Efremova, M.P. (2021), "SAFETY/SECURITY concept in the English language picture of the world", Can. Sci. (Philology) Thesis, SPbSUE, SPb., RUS.

11. Kononova, I.V. and Kul'chitskaya, E.R. (2022), "Framing of the "HEALTH" concept: corpus approach", *Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni* [Humanities and the challenges of our time], SPb., RUS, pp. 33–36.

12. Gun'kova, D.E. (2022), "The Discursive Personality of an American Political Commentator-Radio Host", Can. Sci. (Philology) Thesis, SPbSUE, SPb., RUS.

13. Vakorina, I.V. (2016), "Linguistic and cultural concept "Motherhood" ("motherhood") in the African American picture of the world", Can. Sci. (Philology) Thesis, SmolSU, Slolensk, RUS.

14. Chepurnaya, M.A. (2020), "Neological representatives of the concept "ecology" in the English mass media discourse", Can. Sci. (Philology) Thesis, KubSU, Krasnodar, RUS.

15. Kovalev, N.A. (2019), "The evolution of the COLD WAR concept in American political discourse (based on media materials)", Can. Sci. (Philology) Thesis, MGIMO, Moscow, RUS.

16. Chaiko, N.N. and Murieva, M.V (2021), "Representation of *health* concept in German and French paroemias", *Modern Studies of Social Issues*, vol. 13, no. 2, pp. 179–189. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189.

17. Korobchak, V.N. and Bagrintsev, S.A. (2020), "Representation of the concept "Health" in modern media discourse (on the English language material)", *The Humanities and social sciences*, no. 2, pp. 180–188. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-79-2-180-188.

18. Yarotskaya, A.V. (2012), "Lexical Means of Nominating the Sphere of Health in English-Language Journal Texts: A Cognitive-Pragmatic Perspective", Can. Sci. (Philology) Thesis, MGLU, Moscow, RUS.

19. Stepanov, Yu.S. (2001), *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture], Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.

20. Petkau, A.Yu. (2015), "The concept of health: modification of cognitive features: according to newspaper and advertising texts of the Soviet and post-Soviet periods", Can. Sci. (Philology) Thesis, USPU, Ekaterinburg, RUS.

21. Minsky, M. (1979), *A framework for representing knowledge*, Transl. by O.N. Grinbaum, in F.M. Kulakov (ed.), Energiya, Moscow, USSR.

22. Fillmore, Ch. (1985), "Frames and the Semantics of Understanding", *Quaderni di semantica*, Vol. VI, no. 2, pp. 222–254.

23. Maslennikova, E.M. (2000), "Frame representation of text semantics", *Lingvisticheskii vestnik*, no. 2, available at: <http://libelli.esmasoft.com/sonnet66/Russian/maslennikova/frame.html> (accessed 20.05.2022).

24. Boldyrev, N.N. (2014), *Kognitivnaya semantika* [Cognitive Semantics], Tambov, TGU, RUS.

25. Kryuchkova, T.B. (2004), "Cognitive analysis of word-building nests", *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy* [Russian and Comparative Philology: Status and Prospects], Kazan, RUS, pp. 26–27.

26. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics], AST: Vostok-Zapad, Moscow, RUS.

27. Shingareva, E.A. (1982), "About two directions in the representation of text semantics (thesaurus and frame)", *Automatic documentation and mathematical linguistics*, no. 8, pp. 1–8.

28. Manca, E. (2012), *Context and language*, Univ. del Salento, Salento, ITA.
29. Zakharov, V.P. and Khokhlova, M.V. (2010), "Study of effectiveness of statistical measures for collocation extraction on Russian texts", *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Vol. 9 (16), pp. 137–143.
30. Firth, J.R. (1957), *Papers in Linguistics 1934–1951*, Oxford Univ. Press, London, UK.
31. Firth, J.R. (1968), *Selected Papers of J.R. Firth 1952–1959*, Indiana Univ. Press, Bloomington, USA.
32. Cowie, A.P. (1978), "The place of illustrative material and collocations in the design of a learner's dictionary", *Honour of A.S. Hornby*, in P. Strevens (ed.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 127–139.
33. Hausmann, F.J. (1979), "Un dictionnaire de collocations est-il possible?", *Travaux de Linguistique et de Littérature*, vol. 17, pp. 187–195.
34. Iordanskaya, L.N. and Mel'chuk, I.A. (2007), *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and compatibility in the dictionary], *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, RUS.
35. Gukhman, M.M. and Yartseva, V.N. (1964), *Osnovnye napravleniya strukturalizma* [The main directions of structuralism], Nauka, Moscow, USSR.

Information about the authors.

Inna V. Kononova – Dr. Sci. (Philology) (2010), Docent (2002), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 85 scientific publications. Area of expertise: diachronical conceptology, corpus-based studies of text and discourse, lexical semantics.

Elena R. Kulchitskaya – Postgraduate at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: corpus-based studies of text and discourse, communicative linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.06.2022; adopted after review 02.07.2022; published online 23.09.2022.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:

- электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;

- каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;

- сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:

- УДК (выравнивание по левому краю);

- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 23.09.22. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,83. Печ. л. 24,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 124.
Цена свободная.

Signed to print 23.09.22. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 24,83. Conventional printed sheets 24,0. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 124.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56